

ПУТЬ ИСТИННОЙ ЛЮБВИ

Мэри Элизабет

Бывают дни — лучше, чем другие, но Пенелопа Файнел знает, как можно быть невидимой под цветными стеклами солнцезащитных очков в виде сердечек.

Ее мысли — самый худший враг, и даже утреннее пробуждение уже риск. Для такого ребенка как она, остаться в кровати на весь день намного проще, особенно если день начинается с новой школы в новом городе и с новыми ребятами, которые искренне не понимают, что причиной для печали могут быть не только серые облака, скрывающие солнце.

Диллон Декер обычный мальчишка из провинциального маленького городка, который просто излучает свет и счастье. Под тотальным контролем отца Пенелопы, Диллон катает ее на руле своего велосипеда, надеясь, что сможет побороть ее грусть.

Но когда друзья превращаются в любящих и заботящихся людей, как долго все это будет продолжаться. Пока любовь не поглотит их целиком?

История о переездах и роликовых коньках, конфетах ради улыбок и записках на газонах. Первая любовь и борьба за нее.

Путь истинной любви.

Глава 1

Диллон

— Как ты думаешь, кто она такая? — спрашиваю я.

Эта девушка и ее родители приехали пятнадцать минут назад на грузовике, который теперь припаркован перед пустующим соседским домом. Светлокожая, с темными длинными волосами, она одета в рваные джинсовые шорты и выцветшую черную футболку с рисунком, который трудно разглядеть.

— Я не знаю, — отвечает мой лучший друг Герб. Он вытирает бусинки пота над верхней губой.

Я переносу вес на пятки, удерживая велосипед между ногами, и гравий хрустит под моим покорителем дорог Вэном. Солнце уходящего лета, светит на нас с полуденного чистого неба.

Кайл, мой другой замечательный приятель, подкатывает на скейтборде, на миг, закрывая мне обзор.

— Я ее никогда не видел, — говорит он.

— Должно быть новенькая, — Герберт останавливает байк рядом с моим, и барабанит пальцами по рулю веселую мелодию, которая вертится в его голове уже неделю.

Соседский дом окрашен в белый цвет с желтой отделкой и стоит пустым с прошлого сентября. Предыдущие хозяева, Пиментелы, прожили в нем некоторое время, а потом неожиданно уехали. Мои родители не любят, когда я подслушиваю, но я слышал, как они говорили: «Мисс Пиментел увезла мистера Пиментела после того, как застучала его макаящим свою глубоководную удочку в чужой океан».

Несколько людей интересовались домом с тех пор, как на нем появилась табличка «Продажа». Но они были не местными, и дальше первичного осмотра дело не доходило. В последнее время никто не приезжал в Кастл Рэйн. «Это место только для пердунов и

пожилых людей, — так всегда говорит моя старшая сестра Риса. — Чертов Вашингтон.»

— Как ты думаешь, она завтра появится в школе? — спрашивает Герб.

Я пожимаю плечами.

Из-за грузовика, появляется мужчина возраста моего отца с двумя большими коробками в руках. Рядом с ним низкорослая полная женщина, с длинными волосами, похожими на волосы девушки. В ее руке болтается связка ключей. Она пытается быстро идти рядом с мужчиной, и практически плывет.

Если только полные люди умеют так плавно ходить.

— Пенелопа, — громко говорит женщина, — хочешь первой открыть дверь?

Девушка не отвечает. Леди с ключами перестает улыбаться, и мужчина с коробками хмурится.

— Она грубая, — насмешливо говорит Кайл. — Я ее уже ненавижу.

Я вывожу велосипед с улицы на дорожку перед своим домом. Мои лучшие друзья отстают, продолжая болтать, тогда как я, молча наблюдаю.

— Пен, — снова пробует леди, звеня ключами, раскачивая их сильнее, чем в первый раз. Ее руки трясутся.

Нет ответа.

— Пенелопа, — кричит мужчина, — не игнорируй мать.

Сидя на ступенях перед домом, девушка (Пенелопа, Пен, да как угодно), обитает в каком-то своем мире. На ее бедре висит аудиоплеер, в ушах наушники. В такт мелодии, слышной лишь ей одной, новая соседская девушка качает головой вперед и назад, не обращая внимания на родителей. Ее глаза скрыты солнцезащитными очками с круглыми зелеными стеклами. Ее губы шевелятся, и мне сначала кажется, что она напевает слова песни, которую слушает, но затем она надувает самый большой пузырь из жвачки, который я когда-либо видел.

Мое сердце выписывает странный прыжок-подскок в груди.

Розовый пузырь лопается, липнет ей на нос и подбородок. Одним движением языка она очищает свое лицо от жвачки. Она продолжает жевать, кивать и игнорировать всех.

— Диллон, — ноет Герб, — пошли, приятель.

Я оглядываюсь на друзей, уже не такой заинтересованный в поездке на велосипеде через весь город как был с утра (да и в последние три месяца). Кайл красный, а лоб Гербера блестит от пота, который скатывается по вискам. Они ждут в нетерпении.

— Это последний день лета, — добавляет Кайл.

Я поворачиваюсь в сторону вновь прибывших. В сторону Пен.

— Это всего лишь девчонка, — дразнит Герберт.

Пенелопа надувает следующий пузырь. Ее мать проходит мимо нее и собственноручно вставляет ключи в дверной замок. Мужчина с коробкой, предположительно ее отец, кладет картонную коробку на ноги дочери. Ее имя написано через всю коробку черным маркером: Пен/Хрупкое.

До нее наконец-то доходит, и она вынимает наушники из ушей. Девушка с зелеными очками встает, отряхивая пыль с попы, и тут замечает меня, наблюдающего за ней.

Меня приветствует очередной пузырь.

Мои щеки заливают краска смущения, от того, что меня застукали. Вместо того, что бы «жечь резину» в конце улицы я наклоняюсь вперед и складываю руки на руле велосипеда. Объект моего странного обожания поднимает коробку, и исчезает в доме, в то время как

появляется ее мать.

— Диллон, пойдем, — умоляет Герб. — Ты чё, любишь девушкой что ли?

— Замолчи, — говорю я, выкручивая свой велосипед на улицу. — Поехали.

— Поговори с ней, — отважно подначивает Кайл. Его темно русые волосы падают на глаза, закрывая рану над бровью, которую он получил сегодня утром.

Я трясую головой, пытаюсь не улыбаться. Желание оглянуться, чтобы увидеть вышла ли Пенелопа из дома, сильнее, чем желание обогнать Кайла и побороться с ним. Этого я тоже не делаю.

— Сам поговори с ней, — говорю я.

Герб подъезжает к пешеходной дорожке. Опираясь руль, он балансирует на переднем колесе, подпрыгивая пару раз, прежде чем повторить трюк, только уже на заднем. Усевшись нормально, начинает наяривать круги вокруг меня.

— А я то причем? Это ты хочешь ее поцеловать.

— Я не хочу ее целовать, — говорю я. Звук открывающейся и закрывающейся двери грузовика цепляет мое внимание.

Они уезжают? Она уезжает? Может она забыла свою жвачку в грузовике?

— Как скажешь, — шутит Кайл.

Я остаюсь стоять у дома, когда мои друзья уже всюду мчатся по дороге, начиная нашу длинную и последнюю поездку, перед тем как сядет солнце и зажгутся уличные фонари, заканчивая тем самым, летние каникулы. Они были великолепны — исследования леса, прыжки с домов и купание в океане. Герб, я и Кайл, вместе сводили с ума своих матерей и давали жару соседям. Мы проводили вместе каждый день, сея хаос и веселясь от души. Я не готов все это заканчивать сейчас, но я хочу узнать больше о девушке, которая вдруг появилась из ниоткуда.

Решаю скрыть свое любопытство, чтобы не терпеть издевки от своих друзей. Я резко трогаюсь, с силой жму на свои неоновые оранжевые педали, вращая замасленную серебряную цепь, круча резные шины и толкая себя вперед. И снова сердце учащает свой ритм, как бы готовясь к приливу сил от работы всех мышц тела и усталости от скорости поездки. Я криво ухмыляюсь, и горячий воздух обжигает мои глаза.

Это тот мир, к которому я принадлежу.

Любопытство берет верх, и пока я не уехал слишком далеко, я оглядываюсь через плечо. Пенелопа вышла на крыльцо и стоит у загромождения из пяти — шести коробок. Вместе того, что бы взять одну из них, девушка в зеленых очках на лице машет мне.

Я еду быстрее.

Девчонки все же странные, даже те, которые очень симпатичные и умеют надувать самые крутые пузыри, которые я когда-либо видел.

Когда солнце совсем скрывается из вида, я начинаю свой путь домой. Я, под желто-оранжевым светом фонарей, медленно кручу педали и еду вдоль улицы в одиночку. В воздухе разлита вечерняя теплота, чувствуется запах морской соли и кое — где появился туман. О бжигающее солнце ушло. Вот, кот проскочил передо мной; заработали чьи-то газонные разбрызгиватели, попав мне на лицо, когда я завернул; из домов доносятся звуки телевизора.

Я замедляюсь, при подъезде к дому, растягивая последние несколько минут свободы. Соседский грузовик исчез. Его сменил серебряный Крайслер. Больше не видно коробок на крыльце, но появилась деревянная табличка над дверью с надписью «Файнелы».

Пенелопа Файнел.

Я толкаю свой велосипед по дорожке, и тут зажигаются фонари сигнализации, освещая весь двор у дома, и захватывают немного соседского двора. В то же самое время, на улицу выходит отец Пенелопы, и дверь за ним захлопывается не сдерживаемая доводчиком.

Он видит меня и произносит:

— Нужно бы починить.

— Да уж, — отвечаю я, не зная, что еще сказать. Я ставлю свой байк позади дома.

Мой новый сосед устраивается на отдых на веранде. Его рост около шести футов, вместе с темно-коричневыми волосами и густыми бровями, делает его довольно пугающим. Даже с такого расстояния, и при слабом свете фонарей сигнализации, я различаю темные вены и достаточно густой волосяной покров на его руках. В отличие от жены он худой. Как и у его дочери, его кожа уже тронута солнцем.

— Скорее всего, тут нужен болт, — бормочет он. — Как впрочем, и всему остальному в этом чертовом доме.

Я секунду обдумываю и решаюсь помочь.

— Я уверен, что у моего отца есть болты, которые вы могли бы одолжить.

Отец Пен оглядывает меня. Его густые брови сходятся вместе от прищура глаз.

— Кажется это яркий свет, малой, — указывает он на один из сигнальных фонарей.

Я киваю.

— Да, сэр.

— Могу поспорить, он светит прямо в мою комнату.

Я поднял глаза на дом. До сегодняшнего вечера все окна были темные. Теперь же они светились, и несмотря на занавески, я мог различить проплывающие мимо тени. Я размышляю, которая из комнат ее.

Надеюсь та, которая прямо напротив моей.

— Мне совсем не нужен светящийся в мою комнату луч, парень, — говорит отец Пен низким голосом. — Кое-кому завтра рано вставать.

— Он зажигается только тогда, когда кто-то проходит мимо, — ответил я, сунув свои липкие от пота руки в карманы.

— А что насчет живности? — спросил он.

— У нас нет никаких животных, сэр, — ответил я.

Мистер Файнел громко засмеялся, наполнив липкий ночной воздух бурным весельем.

— Я имею в виду енотов, малыш. Коты, заблудшие псы или опоссумы — реагирует ли на них фонарь?

— Эмм... — начал я, неуверенный будет ли фонарь реагировать на них. Я не хочу врать, но и что-то отвечать ему я тоже не хочу.

Затем входная дверь открывается и громко захлопывается снова, и на пороге за фашистом появляется Пенелопа. Ее волосы собраны вверх и она больше не жует жвачку. Ее колени грязные и туфли очень неопрятны. Аудиоплеер больше не прицеплен к ее бедру, но зеленые солнцезащитные очки все еще на лице, несмотря на то, что уже ночь.

Неожиданно голос мистера Файнела выводит меня из оцепенения.

— На что это ты смотришь, парень?

Абсолютно точно, более чем шесть футов в высоту, нацист больше не сидит, опираясь на поручень перил. Теперь он стоит перед дочерью, загораживая ее от меня своим телом.

Я выпрямляюсь и говорю слишком громко и быстро.

— Ни на что!

Он снова хохочет на мой ответ, но хмурит брови еще сильнее, чем прежде. Пенелопа выглядывает из-под руки своего отца. Я не могу отвести взгляда.

Мистер Файнел перестает смеяться.

— Увидел кого-то симпатичного, парень? Ты думаешь, я ничего такой?

— Что... что... нет, — запинаясь я. Мое сердце останавливается. Мужик меня явно ненавидит.

Наконец-то она начинает говорить мягким и слабым голосом.

— Папа, не позорь меня. Ты ставишь меня в неловкое положение.

Фашист кладет руки на плечи своей дочери и ведет ее вниз по ступенькам к дорожке, ведущей к Крайслеру.

— Этот парень, сосед, очень странный, Пен. Не разговаривай с ним, — он предупреждает ее с весельем в голосе. — Он предложил мне болты.

Она, шутя, шлепает его по руке.

— Перестань. Пойдем, покушаем пиццы.

Как только они доходят до машины, мистер Файнел осторожно открывает дверь и пускает девушку, которая носит солнцезащитные очки по ночам, в машину. Я стою посередине своего двора, и пялюсь как идиот. Руки все еще в карманах и сердце потихоньку начинает восстанавливать ритм. Хорошо бы пойти в дом, но я не могу заставить свои ноги двигаться.

Затем Пен машет мне.

Я улыбаюсь.

Скалящийся фашист закрывает дверь и встречается со мной взглядом. Кажется, его грудь раздулась, и выражение лица становится злее. Но за всей строгостью, он пытается скрыть улыбку.

— Я наблюдаю за тобой, парень, — говорит он и уезжает.

Я быстро принимаю душ, и уже сижу за обеденным столом с мокрыми волосами, и набиваю свой рот спагетти. Моя сестра Риса сидит рядом со мной, на ее голове тоненькие косички, и розовые губы от леденцов съеденных до ужина. У Рисы, красные глаза и ленивая улыбка. Наши родители, сидят напротив, и обсуждают с ней странный противный запах, который периодически идет из ее комнаты.

Волосы ядовитого цвета и самостоятельно проколотый швейной иглой нос, одежда из секонд-хенда. Моя старшая сестра Риса Декер, городская сумасшедшая, независимая душа, которая однажды привязала себя к дереву на переднем дворе, когда городская служба захотела всего лишь подпилить ему ветки.

Миллион раз она пыталась убедить меня, что в нее перевоплотилась Дженис Джоплин (Прим. ред.: амер. рок-певица, считается лучшей белой исполнительницей блюза 1943–1970 г.) с порой проглядывающим Мадди Уотерсом (Прим. ред.: американский чернокожий блюзмэн 1913–1983). Что очень странно, потому что Риса родилась до того, как они умерли (я спрашивал маму).

Риса на пять лет старше меня, но я более чем уверен, что умнее ее.

— Это был ладан, — клянется она. Риса начинает смеяться, но прикрывает все это кашлем.

Я закатываю глаза и отщипываю кусочек чесночного хлеба.

Мой отец, невысокий и добрый мужчина, указывает своей вилкой на свою

единственную дочь. Его очки сидят высоко на носу.

— Лучше, что бы это так и было.

Мама, еще меньше и добрее, кивает.

— Ты должна доверять нам, Риса.

Сестра смотрит на меня и подмигивает.

— Я знаю, ма.

Одним махом я выпиваю свой стакан молока.

Мой отец накручивает на вилку, которой только что указывал на мою единоутробную сестру, спагетти в соусе.

— Ты — пример для подражания Диллона. Он вступает в нелегкий возраст, поэтому самое последнее, что ему нужно, что бы его же сестра портила его.

Прежде чем отец заканчивает одну из своих проповедей, Риса начинает говорить о девочке, которую я никак не могу выбросить из головы.

— Вы видели наших новых соседей, они сегодня переехали в пустующий дом? Мне кажется, что их дочка твоя ровесница, Ди.

Я киваю и тяжело сглатываю.

— Да, я видел.

Лицо мамы озаряется.

— Мне казалось, я видела припаркованный грузовик для переезда у входа.

— Верно, — отец, доедает и откидывается в кресле. — Я слышал, что дом был куплен.

— Ага, — продолжает сестра, — ходят слухи, что это новый футбольный тренер для старшеклассников. Они переехали сюда из то ли из Юты, то ли из такого-же дерьма.

Мама роняет свои приборы.

— Следи за языком.

— В любом случае, — продолжает Риса, — ты можешь узнать у нее, не захочет ли она поехать в школу вместе с тобой на велосипеде, Диллон. Она миленькая. Может быть, она будет твоей подружкой.

Отец качает головой, и щеки его слегка краснеют. Он добрый, в отличие от соседа с густыми бровями.

— Слишком рано для свиданий. Ты согласна, Дон?

Мама кивает.

— Полностью согласна.

Отодвигая свою пустую тарелку, я вжимаюсь в стул. Идея встречаться каждое утро была очень привлекательной, но после того как родители усмотрели в этом свидание, она стала меня бесить. Да и сестре, не мешало бы заняться своими делами.

— Я езжу на велике до школы вместе с Кайлом и Гербом. И, девчонка не милая. А еще, мистер Файнел сказал, что твой фонарь слишком яркий, и он переживает, что сигнализация сработает на опоссумов, и будет постоянно вспыхивать, — говорю я, выходя из-за стола.

Я стою на лестнице перед отцом, который работает стоматологом и каждую ночь мне талдычит:

— Не забудь почистить зубы, сын. Ты же не хочешь, что бы тебя покусали зубные вши.

Глава 2

Диллон

Оба родителя провожают ее до двери в класс. И после диалога, состоящего из вздохов Пенелопы, сердитого лица ее отца, и наставлений миссис Алабастер, учителя восьмого класса, новая девочка заходит в класс. Она прячет глаза за солнцезащитными очками в желтой оправе, ее лицо выражает спокойствие.

Мистер Файнел находит меня глазами в маленькое окошко на двери и одаривает меня свирепым взглядом, прежде чем уйти.

— Давайте, тепло поприветствуем Пенелопу Файнел в средней школе Кастл Рэйн, — объявляет миссис Алабастер у доски. — Это ее первый день с нами. Пожалуйста, будьте внимательны к ней.

В ответ звучат наполовину бурчащие, наполовину шепчущиеся приветствия для новой девочки. Я подумал было помахать, но отказываюсь от этого, когда Герберт начинает производить чмокающие звуки позади меня. Откинувшись на спинку стула, я зажимаю его пальцы между стулом и столом.

— Мистер Декер, пожалуйста, поднимите вашу руку.

Я делаю так, как мне велят, и каждая пара глаз в классе номер двенадцать, устремляется на меня. Когда кровь отливает от моей поднятой руки, заставляя онеметь каждый кончик пальцев, меня больше не волнуют потешные выражения лиц моих одноклассников или смех Кайла, который доносится через ряд от меня. Волнует только неуверенность на лице Пен, которая вызывает у меня волнение.

Она никаким образом не может знать, что я не спал всю ночь, думая о пузыре из жвачки или о зеленых солнцезащитных очках, которые она носит после захода солнца.

С зажатой верхней губой между зубов, Пенелопа прижимает свою черную сумку к груди и смотрит в мою сторону, не подавая вида, что помнит о том, что мы соседи.

— Займи свободное место рядом с Диллоном, — миссис Алабастер указывает Пен куда пройти. — У верена, он не против облегчить первые несколько дней, пока ты сама во всем не разберешься, верно?

Я опускаю свою руку, и мои щеки заливают румянец.

— Нет, мэм.

Весь класс начинает хохотать. Пенелопа опускает голову, и длинные темные волосы закрывают ее лицо.

— Достаточно! — настаивает учитель. — Давайте не будем позорить самих себя и покажем мисс Файнел, что мы не буйный народ, что скажете?

Тишина, которая заполняет комнату еще хуже, чем смех. Новая девочка все еще с опущенной головой начинает медленно продвигаться на свое место. Скрип ее туфель о кафельный пол напоминает звук, который издает доска для мела, когда проведешь по ней ногтями. Когда Пенелопа спотыкается о сумку Пеппер Хилл, которую та всегда ставит на пол у парты, звучат несколько смешков.

— Извините, — шепчет Пен. Пеппер ухмыляется, поднимая свою уродливую розовую сумку с блестками прямо из-под ног новой ученицы. Она откидывает свои светлые волосы с плеча и бормочет:

— Смотри куда идешь, Паула.

— Мое имя Пенелопа, — внезапно слышится бравый голос. Она поднимает подбородок, освобождая лицо от волос.

Словно Пен не сказала ни слова, противная девочка-подражатель с ухмылкой на лице

вешает сумку на спинку своего стула, и отворачивается, решая, что Пен не стоит ее времени. Тщеславная и безжалостная, Пеппер относится так ко многим в нашем классе, так что меня совсем не удивляет ее отношение к Пен.

— Так что ты там говорила про те дурацкие очки? — не так уж и тихо шепчет Пеппер своей подруге, которая сидит рядом.

С высоко поднятой головой и расправив плечи, новая девочка занимает свое место рядом со мной. Из своей сумки она достает ручку и записную книжку в желтой обложке и начинает выводить что-то посередине. Класс продолжает занятие, а она начинает рисовать звезды и смайлы на своих руках. Никто из нас и внимания не обращает, когда миссис Алабастер переходит к учебному плану семестра.

— Я собираюсь стать художником, когда вырасту, — шепчет Пенелопа.

Она не поворачивает голову ко мне, когда разрисовывает кончики пальцев розовыми сердечками, но я вижу, как ее глаза быстро поглядывают на меня из-под солнцезащитных очков, которые она так и не сняла.

Я не знаю ее настолько, что бы сказать, что ее художества отстой, поэтому я просто улыбаюсь и говорю:

— Это здорово.

«Пикассо» поворачивается на стуле. Темные стекла не полностью скрывают ее глаза, и я различаю длинные ресницы, порхающие под очками.

— Если мы собираемся быть друзьями, сосед, то мы должны верить друг другу. Я не художник, а из тебя вун тоже не выходит, — говорит она тихо. — Это был тест, и ты провалился.

Мое сердце начинает учащаться, и ладони потеют. Правая часть моего рта растягивается в улыбку, и я ничего не могу поделать с этим.

— Я не хотел тебя расстраивать.

Пенелопа пожимает плечами. Она рисует на свободном месте между костяшками и говорит:

— Это невозможно.

— Ты бесчувственная?

Новая девочка трясет головой.

— Только тогда, когда я невидимая.

После этого она ведет себя так, как будто это я невидимый, отворачивается и подпирает рукой подбородок, перекидывая волосы таким образом, чтобы они служили стеной между нами. Я пытаюсь отвлечься, пока Пен меня игнорирует, но это не помогает. Даже когда Герб начинает шептать: «Пенелопа и Диллон сидели на дереве...», и я делаю вид, что его не существует, пока он не тыкает мне карандашом сзади в шею.

Я разворачиваюсь на своем голубом пластиковом стуле и выхватываю карандаш у него из рук. Желто-оранжевый карандаш летит через всю комнату, отскакивает, падает и катится к новым ботинкам одного из учащихся.

— Дружище, это единственный карандаш, который у меня был, — Герберт, выглядящий немного старше своих двенадцати, с темными кудрями на голове, опускает плечи и вжимается в стул. — Я же просто шутил.

— погоди, вот я встречусь с Матильдой, Герб. И ты пожалеешь, — говорю я, передавая ему свой карандаш. Моя мама наполнила мой портфель столькими предметами, что мне хватит на весь следующий год.

Мой лучший друг ухмыляется и пытается отмахнуться от меня, как будто он не нервничает по поводу рыжеволосой девчонки, которая заливает его щеки краской того же цвета, что у нее волосы. Мы несколько раз сталкивались с его пассивностью за это лето, потому что все живем на одной улице, и он вел себя так, будто это не он держал ее руку в последний учебный день седьмого класса, прежде чем ее мама не забрала ее на потрепанном универсале.

— Я не понимаю, о ком ты говоришь, — говорит враль, вращая свой новый карандаш между большими пальцами.

— Матильда Тип, — пищит Кайл достаточно громко, чтобы слышали другие, якобы напоминая имя девочки, в которую Герберт влюбился, когда ему исполнилось одиннадцать. — Ты держал ее за руку в прошлом году.

И снова, весь класс взрывается от смеха. В этот раз не из-за появления новенькой, а Герберт любит внимание. Он принимает игру, кидая смятые шарики из бумаги в Кайла и сочиняя на ходу о девчонках, которым он вскружил голову этим летом.

— Какая Матильда? — шутит он, пока миссис Алабастер не ударяет линейкой по своему столу.

Когда мы все успокаиваемся и приступаем к работе, я поглядываю на ту, от которой дрожит мое сердце. К моему удивлению, она убрала свои волосы в высокий хвост и ее глаза смотрят на меня в упор, из-под затемненных стекол.

— Когда у тебя день рождения и почему этот город называется Кастл Рэйн (Прим. ред.: в переводе Замок дождей)? — спрашивает она. Руки Пен полностью покрыты различными дурацкими узорами.

— Двадцатого сентября. Потому что, скалы у берега похожи на замки, и здесь много дождей, — говорю я с нервной хрипотцой в голосе.

Розовые губы растягиваются в широкой улыбке и Пенелопа говорит:

— Мой день рождения в этот же день тоже.

— Правда?

Она хватается за мою руку и тянет ее в небольшой проем между нашими пальцами. Используя маркер, которым она рисует зеленые листья на пальцах, Пенелопа Файнел разрисовывает мой ноготь на большом пальце руки в цвет деревьев на улице. Я ее не останавливаю.

— Да, мой день рождения через шесть недель. Мне будет тринадцать, — она раскрашивает мой следующий ноготь и говорит со вздохом. — Моя мама считает, что я должна подружиться с кем-нибудь, потому что нужно устроить вечеринку в честь официального перехода в подростковый период. Как будто это что-то очень важное.

— Быть подростком это круто, — говорю я.

Пен роняет мою руку и освобождает волосы от резинки.

— Я имела в виду поиск новых друзей.

Девушка, с которой у нас день рождения в один день, сидя под деревом в школьном саду в одиночестве, и скучает за обедом. Я наблюдаю за ней через грязное окно столовой, где сижу со своими друзьями, которые заняли все стулья вокруг круглого стола. В совершенно новой одежде, мои друзья громко болтают о том, что они успели сделать этим летом. Они очень громко смеются.

Отвернувшись от Пен, стараюсь вести себя как ни в чем не бывало. Как будто, моя новая

соседка не захватила мое сердце. Я распаковываю полностью органический обед, который меня заставляет есть мама, и киваю, как будто понимаю, о чем все говорят.

— Ты видел «Соски темнеют в полночь», и не сказал нам? — спрашивает Кайл, сдувая свою длинную светлую челку с голубых глаз. — Посредственный же ты друг.

Нахмутив брови, я роняю свой бутерброд с арахисовым маслом и медом и переспрашиваю:

— Что?

— Ты же кивнул, когда Кайл спросил, знает кто-нибудь, что такое «Скинамакс», — говорит Матильда Тип. Она кушает маленькой ложечкой пудинг из стаканчика.

Мое лицо ярко пылает, и друзья смотрят на меня с улыбкой пока я пытаюсь придумать, откуда знаю о неприличных фильмах, которые крутили по кабельному каналу «Скинамакс» прошлой ночью. Плохие художества и пузыри от жвачки затуманили мой здравый рассудок.

Прежде чем я соглашаюсь с собой, что влюблен в Пенелопу, я выпаливаю часть правды.

— Я зашел в комнату Рисы, когда она смотрела это.

Кайл запикивает в рот фруктовый батончик и улыбается.

— Я рассекретил твою сестру.

Вставляя трубочку для питья в мой полностью натуральный сок, я увожу тему в сторону, спрашивая у друга:

— А как ты, узнал об этом?

И он не переставая, до конца ланча рассказывает, как был не в состоянии уснуть предыдущей ночью и пробрался в гостиную, чтобы посмотреть телевизор с выключенным звуком.

— Бывают соски огромные и прям совсем темные, — рассказывает он с гордой ухмылкой на лице. — А вагины волосатые.

Пообедав, я направляюсь обратно. Коридор полон народа и я не обращаю внимания, что происходит впереди, пытаюсь найти новый кабинет. Ровно на один час, каждый день, все восьмые классы меняют свой постоянный кабинет на дополнительный, где проходит урок для подготовки к высшей школе. Я, в будущем, хотел стать доктором и думаю, что знание второго языка будет очень полезно, поэтому выбрал испанский. Когда получил новое расписание этим утром, я взбесился, увидев предмет «Кулинария» вместо испанского языка.

Но мама показывала, как пользоваться духовкой, поэтому все должно быть проще простого.

Медленно бредя и поглядывая на номера кабинетов над дверьми, я в буквальном смысле натыкаюсь на Пенелопу. Мы ударяемся головами и солнцезащитные очки, которые скрывают ее глаза, летят с ее лица на пол. Кто-то нечаянно их пинает, и они скользят в угол, приземляясь вверх тормашками. Удерживая Пен за руку от падения, я чувствую тепло ее черного свитера.

— Черт побери, Диллон, — говорит она, держась ладонью за красное пятно на голове, там, где мы столкнулись лбами.

— Извини, — бормочу я и тру свою ушибленную голову.

Тяжело вздохнув, Пенелопа заправляет волосы за ухо и смотрит на меня глазами без очков. Никогда я еще не видел такой темный карий цвет, такие большие глаза и длинные ресницы. Светлые веснушки беспорядочно занимают место на ее переносице и едва мерцают на щеках.

«Симпатичная», — думаю я.

Тут Пеппер Хилл проходит между нами, сбивая Пенелопу на шаг назад. Пенелопа понимает, что на ней нет очков. Автоматическим движением, она опускает волосы на свое лицо, и улыбка исчезает с губ. Судорожно смотря вперед и назад, дыхание Пен заметно учащается, и румянец пропадает с лица. Она крутится вокруг, но никак не может найти то, что по ее мнению делает ее невидимой.

— Вот, они здесь, — говорю я, быстро направляясь в угол, где находятся ее очки.

Она выхватывает их из моих рук, и быстро возвращает их обратно на переносицу и заходит в класс Кулинарии без единого слова. Автоматически следуя за ней, сажусь на свободное сидение рядом. Бессмысленно.

— Уйди отсюда, — произносит она, защищенная черными стеклами. — Ты меня бесишь.

Пододвигая свой стул ближе к ней, я наклоняюсь и вдыхаю запах травы и ветра исходящий от ее одежды. Мне нравится, как она говорит уголками рта.

— У тебя есть велосипед? — спрашиваю я.

— Нет, — тут же отвечает она, расстраивая меня. Пен начинает заполнять лежавший на столе для нас вопросник. Когда она начинает выводить «е» в своем имени, она поднимает взгляд на меня и говорит, — но у меня есть ролики.

Глава 3

Диллон

Окна комнаты Пенелопы находится напротив моих, и кроме двора, наши дома ничего не разделяет. Ее окно закрыто занавесками цвета сливы, а мое, просто пыльными занавесками. С тех пор, как мы обнаружили какой вид открывается из них, занавески на наших окнах, никогда не задегивались.

В дверь звонят, и моя мама зовет меня снизу. Я надеваю школьные туфли, и быстро пишу на листе бумаги черным маркером. После этого, я прикладываю листок к стеклу, чтобы Пен смогла прочитать, что я написал. Мое сердце подпрыгивает, когда она появляется у окна. Как и каждое утро, на протяжении последних двух недель, ее глаза скрывает пара солнцезащитных очков. Сегодня, они в форме звезд в голубой оправе.

Она читает, что я написал на бумаге.

Готова?

Быстро кивая, новая девочка исчезает из своей комнаты.

— Диллон, твои друзья пришли, дорогой, — громко говорит мама с нижней ступени лестницы. Ее голос отскакивает от стен.

Я хватаю свой рюкзак с кровати и мчусь в коридор, пытаюсь опередить Рису. Пахнущая дымом как скунс (убеждая всех, что все легально), моя сестра сдвигается в сторону, поэтому я успеваю промчаться мимо и быть на предпоследней ступени вовремя.

— Передай Пен, что я ее люблю, — кричит она мне в след со смешком и вздохом.

Когда я врываюсь на кухню, Герб роется в холодильнике, а моя мама вытирает что-то с лица Кайла. Я ничего не имею против того, что Герб угощается огуречно-лаймовым желе без сахара, которое я отказался есть вчера вечером, в то время как мама слюнявит палец, чтобы оттереть что-то с подбородка моего друга (что очень напоминает веснушку). Проходя мимо Кайла, я тучу в спину пальцем, чтобы он держал осанку. Но Пенелопа уже ждет нас, поэтому я отцепляю велосипед с цепи и оставляют своих друзей позади.

Они вскоре догоняют.

— Давайте бросим девчонку, — жалуется Кайл, бросая свой скейтборд на дорогу. — Она очень медленная.

Я откатываю велосипед от крыльца и прочнее натягиваю лямки рюкзака, прежде чем взобраться. Герб делает прыжок с тротуара, и в это время, моя соседка с родителями выходят из дома.

— Я все слышала, — шутит Пен. Она отталкивается шестью пластиковыми колесами от асфальта и катится в мою сторону. Грязные красные туфли, которые она взяла на сменку в школу, привязаны к сумке.

— Ты думаешь, моя дочь медленная, парень? — спрашивает Уэйн Файнел, называемый Диллоном Нацист. Он скрещивает свои волосатые руки на груди и с полу-ухмылкой сводит брови.

Я стою прямой, как будто кол проглотил, спиной.

— Это сказал не я, — выпаливаю я.

— Надеюсь на это, — говорит он, вздрагивая, когда жена толкает его локтем.

— Оставь его в покое, Уэйн, — говорит она с улыбкой.

Пенелопа выделяет пируэты на пути ко мне, поворачиваясь так плавно на колесиках, что ее волосы парят в виде идеального круга над головой. Остановившись у своего велосипеда, я смотрю на ее лицо, которое в это утро сияет под очками, которые неплохо бы было снять.

— Готов? — спрашивает она мягко, намекая на записку, которую я написал.

Начиная с того дня, как мы сели на велосипед, Герб, Кайл и я всегда ездили в школу, а не ходили. Школа всего лишь в паре кварталов отсюда, поэтому дорога не занимала более десяти минут. Теперь же, когда Пенелопа стала ездить с нами, практически каждый день, мы едва поспевали к последнему звонку. Ей нравилось ехать не спеша, останавливаясь, чтобы погонять белок или понюхать цветущие розы.

Мама выходит из дома, чтобы проводить нас. Она машет в сторону дома слева от нас и говорит:

— Доброе утро, Соня.

Миссис Файнел, очень большая и очень счастливая, машет в ответ. Полная рука трясется от жира.

Мистер Файнел раздувает ноздри.

— Смотрите, еду без рук! — Герберт мчится с жужжанием мимо дома с Матильдой Тип на руле велосипеда. Она вытянула ноги впереди себя, а руками уперлась в резиновые накладки. Розовые волосы бьют моего друга по лицу.

Еще раз попрощавшись, мы отдаляемся от безрассудного смельчака и его рыжеволосой. Мы не успеваем доехать с Пенелопой до конца улицы, когда понимаем что отстали. Она едет очень медленно, поэтому я даже не кручу педали, а просто веду велик вперед, пока она выделяет повороты как балерина.

— Ты можешь ехать быстрее без меня, — говорит Пен.

Вместо того, что бы в сотый раз убеждать ее в том, что не хочу ехать без нее, я меняю тему и толкаю свой велосипед вперед через трещины на тротуаре.

— Пожалуйста, не говори ему то, что я тебе скажу, но Герберт очень увлечен Матильдой.

Голубые звезды съехали с носа Пен и она подняла их вверх с глаз, которые я не видел с первого дня в школе. Она никогда не носит одну и ту же пару дважды: всегда разный стиль и цвет очков каждый день.

— Я могу сказать, — говорит она.

Мы останавливаемся в конце дороги и оба смотрим по сторонам, прежде чем перейти. Настырно нежелающее уходить, позднее солнце августа, светит сквозь серые облака, проникая через толстые ветки деревьев, которые бросают тень на улицу. Совсем скоро, через пару месяцев, они будут стоять совершенно голые без листьев. Мимо мчится желто-оранжевый школьный автобус, полный наших одноклассников, выпуская черный дым в воздух. Когда он ровняется с нами, прямо перед колесами появляется кот, мелькает между большими шинами, прежде чем быть раздавленным.

Пенелопа кричит и хватается за свитер в том месте, где у нее неистово бьется сердце. Когда автобус продолжает двигаться вперед, Пен останавливается, переживая за судьбу кота. Я тоже останавливаюсь. Кот давно уже убежал, но судя по бледному выразительному лицу и по вздрагивающим плечам, переживает она не о бродячем коте.

Я спрыгиваю с велосипеда и бросаю его на газон. Все еще стоя на роликах, но тяжело дыша как безумная, Пенелопа смотрит вперед на дорогу, где кот практически встретился с С оздателем. Пронзительный визг девочки все еще стоит у меня в ушах.

— Эй, — говорю я, дотрагиваясь до ее плеча.

Когда она чувствует прикосновение, то выходит из оцепенения и поворачивает голову в мою сторону. Цвет сошел с ее лица, и карие глаза широко раскрыты под голубыми стеклами.

— Все в порядке?

Она глубоко вздыхает и вроде как улыбается, пожимая плечами.

— Я испугалась.

Я засовываю руки в карманы и только сейчас отмечаю, как быстро бьется мое сердце. Когда Пенелопа начинает грызть свои ногти, я сворачиваю пальцы в кулак и крепко держу их в кармане джинс, чтобы не делать того же.

— Куда убежал кот? — спрашивает она, бормоча из-под обкусанных ногтей. — Он же успел перебежать, так? Ты видел, Диллон? Ты думаешь, его сбили?

Не раздумывая, я отнимаю руку Пен от ее рта и опускаю ее вниз, чтобы она не ранила себя снова. На ее губах остается кровь с обкусанных пальцев.

— Он убежал, — говорю я, крепко держа ее дрожащее запястье. — Кот жив.

Балерина на роликах, которая заставляет мой пульс учащаться, кивает головой и слизывает кровь с губ языком.

— Ок. Ок.

С того самого дня когда она и ее семья въехали в дом по соседству, я влюблен в Пенелопу Файнел. Фиолетово-оранжевый ее любимый цвет, даже после того как я сказал, что фиолетовый и оранжевый не сочетаются. Она завязывает свою левую туфлю таким образом, что получаются ушки зайца. Пен открывает бананы с другого конца и любит кушать вареные яйца с тутовым вареньем.

Девочка, которая просыпается и появляется в своем окне ровно в шесть тридцать утра, с сумасшедшей укладкой после сна, которая пользуется бальзамом для губ с запахом колы и любит музыку в стиле гранж. Мама для нее отрезает корки с хлеба, сначала с боков и затем сверху и снизу. Пен использует розовый пластиковый термос каждый день в школе, несмотря на то, что он весь в трещинах. Она и глазом не моргнет, если компот капнет с

половника, и обязательно оставит пятна на блузке.

Несмотря на все эти знания, ее обкусанные ногти, что-то совершенно новое для меня. Я беру ее руку, чтобы лучше разглядеть, что она с собой натворила, вода пальцем по красной ободранной коже там, где должна быть кутикула.

— Ты мой лучший друг, — звук мягкого голоса Пенелопы заставляет меня оторваться от ее рук и перевести взгляд на голубые очки в оправе в виде звезд. — Я очень счастлива, что дружу с тобой.

Опять двадцать пять!

Мы вбегаем в класс после последнего звонка, прокрадываемся на свои места, пока он все еще звенит и звук гудит и трещит в коробке динамика, висящего на стене класса. С улыбкой на лицах, я и Пен прикладываем руки к груди в районе сердца и отдаем честь под музыку гимна нашей страны. После всех утренних объявлений, мы наконец-то можем присесть и восстановить дыхание, и Пенелопа меняет роликовые коньки на туфли.

— Вы оба постарались, — говорит миссис Алабастер перед началом переклички.

Пенелопа еще шире улыбается нашему надоевшему инструктору и превращает свои тусклые шнурки в заячьи ушки. Изгиб с ее губ исчезает, пока она старательно зашнуровывает обувь. Целый час в классе мы должны выяснять соотношения того-то, того-то и того-то, а моя лучшая девочка, даже не позаботилась открыть книгу по математике. Ее голова мирно покоем на руках, и волосы закрывают полностью ее лицо.

Миссис Алабастер это замечает, но не нарушает покой спящей красавицы.

Тридцать минут пробегает перед звонком и у нас есть десятиминутный перерыв. Пен даже не шевелится, только видно, как она дышит. Я жду, пока все двенадцати парт не опустеют, чтобы подняться с места.

— Пен, — шепчу я и дотрагиваюсь до ее плеча.

— Оставьте ее, мистер Декер, — говорит учительница. Она берет кусок мелка и начинает писать на доске наше следующее задание. — Идите и наслаждайтесь перерывом, молодой человек.

С чувством увязших ног в бетон, я делаю неуверенный шаг в сторону от Пенелопы. Я намерено громко захлопываю дверь. Прежде чем направиться во двор, где меня уже ожидают Герб и Кайл, я еще раз гляжу через маленькое квадратное окошко, чтобы понять проснулась ли Пен.

Она не проснулась, но миссис Алабастер отложила мел и теперь поглаживает спину моей подруги. Я вижу, как шевелятся ее губы, но не слышу и не могу разобрать, что она говорит.

— Ты идешь или как? — эхом отражается голос Герба где-то в конце коридора. — Я купил конфет из автомата!

Я отступаю от двери на шаг и, несмотря на то, что каждый мускул напрягается и борется за то, что бы остаться, разворачиваюсь и заставляю себя идти.

Пенелопы нет на месте, когда я возвращаюсь на место.

— Где она? — меня пробирает мороз по коже.

Миссис Алабастер продолжает записывать задание на зеленой доске. Браслеты на ее тонких запястьях звенят, когда она выписывает кривым почерком, похожим на каракули, буквы.

Она даже не смотрит в мою сторону и говорит:

— Миссис Файнел сегодня будет отсутствовать.

Мои одноклассники, объевшиеся сахара и полные энергии, которой нет у меня, столпились за моей спиной. Пеппер касается меня плечом, когда проходит мимо, а Кайл бьет по затылку. И только Герберт замечает:

— Матильда видела Пен в комнате директора.

Не думая, я выскакиваю из класса на поиски своей девочки.

— Диллон, вернитесь на место, — настаивает учитель.

Я не разворачиваюсь, но и не двигаюсь с места. Даже стоя спиной к классу, я знаю, что сейчас все взгляды устремлены на меня. Т ишина какая-то очень странная, и мои руки покрываются гусиной кожей, пока я размышляю над своим следующим действием.

Что-то не то происходит с Пенелопой, и я знаю, что сейчас ей нужен.

Поэтому я бегу к ней.

И сталкиваюсь как раз с ее отцом.

— Парень, — он фыркает и ворчит. Он так же пытается удержать меня своими мускулами.

Я немного ошалевший. Трясу головой для ясности, в руках знакомого волосатого мужчины я спрашиваю:

— Где Пенелопа?

Темные глаза тренера Файнела смотрят на меня, и я клянусь, что он скрежещет зубами под плотно сжатыми почти-что-покрытыми-усами губами.

— Ты смотришь за моей девочкой, парень? — его железная хватка усиливается, и я могу поклясться, что мои глаза вот-вот вылезут из орбит. — Я должен знать, что ее защищают, пока меня нет рядом.

Я киваю.

— Так и есть, сэр.

— Хорошо, — говорит он. — Я тебе доверяю.

— Вы полностью можете на меня положиться.

Он выпускает меня и когда кровь возвращается в нижние конечности, мистер Файнел одаривает меня пронзительным, хорошо знакомым взглядом.

— Возвращайся в класс, парень, — ворчит он, слегка улыбаясь. — Занимайся своими делами. Пен будет в порядке, когда ты вернешься домой.

Я не жду Кайла и Герба после школы. С письмом, от учителя для моих родителей, о моем сегодняшнем поведении, в портфеле я прыгаю на велосипед и мчусь, как могу быстрее домой.

Неспособный дышать и потеющий как ледяная кружка в палящий день, я бросаю велик на переднем дворе и лечу в дом и вверх по лестнице в свою комнату.

Бегу к своему окну.

Пенелопа уже ждет у своего окна.

«Привет», — читаю я ее послание.

Она сменила свои солнцезащитные очки в виде голубых звезд на бирюзовые треугольники.

«Привет», — пишу я в ответ.

Да, я влюбился. Как Герберт в Матильду, я просто по уши влюбился.

У Пенелопы побиты локти, обгорел нос, и она останавливается каждые несколько минут, чтобы вытащить очередную занозу из пальца. Ее тощие колени ободраны и кровоточат и на девочке, которую на дух не переносят мои друзья, целый ворох сосновых иголок в волосах. Я хочу остановиться, чтобы помочь ей, но...

— Она постоянно с нами, — жалуется Кайл. Он на ходу рубит неуклюжие, низко растущие ветви деревьев ржавым топором, который стащил из гаража отца.

— Да уж, потому что влюбленный голубок без нее не может, — шутит Герб. Он хлопает меня по вспотевшему затылку и бежит вперед, пиная камень, будто это футбольный мяч.

К тому времени как мы заканчиваем разведывать лесополосу за нашими домами, солнце палит на нас сверху через ели и хвойные сосны. Стволы деревьев и валунов на земле сплошь покрыты мхом, и земля больше напоминает жидкую грязь. Я предложил Пен пройтись с нами, потому что она тут еще не бывала, но очевидно, я единственный, кто хочет видеть ее здесь.

— Я хочу сказать, что она как тень, — говорит Кайл, размахивая тупой, выцветшей сталью. — А у нее нет своих друзей?

— Мама не разрешала мне ходить так далеко, — кричит объект нашего разговора на расстоянии пятидесяти футов. Пенелопа бежит через узкую сухую полосу земли, чтобы сократить расстояние между нами, но наш хвостик не добегает до нас, а останавливается и хватается за бок.

Босоногая, она спешит, несмотря на боль в боку, но ударяет палец о камень, наполовину торчащий из земли. Она кричит, я останавливаюсь и оборачиваюсь, чтобы посмотреть что случилось. В этот момент Кайл и Герб смеются надо мной.

Надеюсь, они нахватают тут клещей.

— Я вернусь за ней, — говорю я, указывая через плечо большим пальцем. — Она не сможет пройти дальше, — указываю на склон на нашем пути, заросший кустами.

Герб прихлопывает какое-то насекомое на своем лице, смешно кося глазами.

— Прекрати вести себя как баба, — говорит он.

Яжимаю плечами и еще раз смотрю на Пен. Она приложила руку к глазам, пытаясь смотреть сквозь солнце на нас. Тень с красным отсветом закрывает ее глаза, и капелька крови медленно течет из разбитого колена по голени.

— Ты больше не с нами, Диллон. Ты все время проводишь с новой девочкой, — замечает Кайл.

На самом деле склон не такой уж и крутой и я пригласил ее прогуляться с нами, но не говорил ей приходить без обуви. Ей не следовало увязываться за нами, если она не может идти в ногу. И уж точно, не моя проблема в том, что ее мать не хочет отпускать ее так далеко от дома. Моим родителям все равно. Кайл прав... Я всегда с Пенелопой. Разведывать это все-таки мужское занятие.

— Я уйду домой! — кричит догоняющая. Ее разраженный голос отскакивает от камней, покрытых мхом и окружающих деревьев.

Герб и Кайл смеются. Мне начинает сводить живот.

— Хорошо, — говорит в ответ один из них так, что бы было слышно.

Нет никакого смысла оглядываться на Пенелопу, чтобы понять действительно ли она

уходит. Я и так знаю, что уходит. Она не такого плана девочка, чтобы бросать пустые угрозы. К огда мои друзья начинают подниматься в гору, я нагибаюсь, чтобы заткнуть джинсы в носки и продолжаю следовать рядом с ними.

Я надеюсь, что им в штаны нападает достаточно клещей.

Завернув за холм, Герб решает охотиться на медведей, Кайл же хочет спуститься вниз к пляжу, чтобы поймать морскую звезду у основания замка, а я хочу домой. Но мы проводим вечер среди деревьев, на которые забрались, гоняя зайцев топором, выкапывая, и бросая друг в друга червей, как будто снова наступило лето. Наш смех вспугивает птиц с веток, и мы бежим, пугая сами себя разговорами, что слышали змеиное шипение.

Мы рассказываем непристойные шуточки, дразня Герба после того, как он признался, что нечаянно дотронулся до груди Матильды в школе; подначиваем друг друга съесть странные ягоды с неизвестного куста. Мы все перепачканные, руки покрыты волдырями. К тому времени как мы направляемся домой, мы пахнем грязью и потом, а Кайл находит у себя клеща.

К сожалению, он у него на животе.

— Не могу дождаться, когда мы перейдем в старшую школу, — замечает Кайл по пути домой. — Столько девчонок.

— Да уж, девчонки из старшей школы как кровососущие, которые переносят разные болячки. П о крайней мере, я так слышал, — дразню я его.

Он чешет живот в том месте, куда клещ проникнул под кожу. Никто из нас не захватил зажигалку, чтобы поджечь его, поэтому он терпит до дома.

— Все малышки будут хотеть меня в следующем году, — говорит Г ерб. Пот струится по его вискам. — Потому что я накачанный.

— Тогда плохо, что ты влюблен в рыжую, — говорит Кайл, имея в виду Матильду.

Так и идем домой, споря у кого мышцы лучше и «так какие они были на ощупь, ее сиськи, поточнее?».

Между тем, мои мысли заняты девочкой, которая убежала от нас. Было глупо с моей стороны позволять ей идти одной, и уж точно не должен был позволять этим идиотам, чувствовать себя виноватым за то, что пригласил ее с нами. Пенелопа самая крутая девочка, которую я только знаю и наша дружба, она... замечательная. Она никогда не была такой разраженной как сегодня. Я надеюсь, что не разрушил все то, что у нас есть.

Когда мы появляемся из леса и подходим к моему заднему двору, Герб рассказывает, что, по его мнению, Матильда запихивает в свой лифчик носки. Мистер Файнел у дома без футболки — скорее всего, чтобы проветрить свою волосатую грудь — и косит газон. Когда он видит нас, выключает косилку и в упор смотрит на меня.

Я обхожу дом с другой стороны, чтобы не столкнуться с ним.

И с его волосатым телом.

Косилка запускается снова.

— Лучше я пойду домой, пока не схватил боррелез. Идешь? — спрашивает Кайл. Он уже направился туда, где находится его дом.

— Я с тобой, — говорит Герб, следуя чуть позади него.

Как бы я не хотел посмотреть на горящего клеща, но должен извиниться перед кое-кем.

— Очень по-особенному смотрятся твои штаны, заправленные в носки, Ди, — говорит Риса. Ее острота колет меня прямо в живот.

Сжав губы, я медленно выдыхаю и разворачиваюсь. Моя сестра и Пенелопа, сидят на

верхней ступени крыльца рядом друг с другом. Заходящее солнце окрашивает их кожу, а так же небо, в розовый, оранжевый и фиолетовый, и отбрасывает тени на их босые ноги. Их кожа выглядит побитой и на голове у каждой неопрятный пучок из волос.

Риса надела очки Пен.

Пенелопа сверлит меня пустым взглядом, и я чувствую свою вину еще острее.

— Прости меня, — говорю я с улыбкой, которую тут же хочу стереть с лица.

— Ты повел себя как настоящий негодяй, позволив ей пойти домой в одиночестве, — говорит Риса. В уголке губ у нее зажат леденец и она нарисовала родинку на лице, чтобы выглядеть как Мадонна. — Она могла заблудиться, гений.

Медленно подходя ближе к дому, я держу мои руки вверх, в знак капитуляции. Пен не смотрит на меня, расположив свои локти на коленях и положив щеку на ладонь. Локон волос падает на ее глаза.

— Пен, — говорю я, подходя ближе. Свежий аромат воды из разбрызгивателя кружится в воздухе вокруг нас и чрезмерные распыления от оросительной системы соседей слегка окутывают мою горячую кожу.

С ее стороны есть свободное место, куда я мог бы сесть, но острая боль в моем животе предупреждает меня о том, что лучше этого не делать.

— Не переживай. Я составлю компанию твоей девушке сегодня, — моя сестра улыбается. Щель между ее двумя передними зубами выглядит меньше, когда на лице огромные очки.

Пенелопа сидит как девственница, расположив локти в сторону и кончики ее ушей розовеют от смущения. Ее смущение ставит меня в неловкое положение, неужели это так плохо называться моей девушкой?

Не то, что бы она ею была.

Не то, что бы она когда-нибудь ей будет.

Я делаю шаг назад и выпячиваю свою грудь так, как будто я рассержен или что-то вроде того и говорю:

— А я не знаю, на что ты злишься. Ты сама не захотела нас догонять.

Она резко перевела свои карие глаза в мою сторону, и ее розовые кончики ушей залились алой краской. Пенелопа открыла рот, чтобы что-то сказать, но сжала зубы вместе и свернула свои маленькие ручки в кулаки. Брови, которые у нее намного тоньше, чем у отца, нахмурились точно так же.

Риса качает головой с небольшой ухмылкой в уголке губ.

— Мальчишки такие дураки! — говорит она громко, шлепая себя по колену. — Мама и папа думают, что ты одаренный, со своими замечательными оценками и высокими целями. Но ты, не более чем обычный, глупый мальчишка.

Я наверное, выгляжу как золотая рыбка, когда открываю и закрываю рот безкакого-либо звука. Удары сердца стремительно растут, и нервозность ползет по позвоночнику своими костлявыми пальцами.

Риса скользит своими предательскими пальцами по загорелому плечу Пенелопы и вся светится от гордости.

— Зарекись иметь дело с мальчишками, Пенелопа. Сделай себе одолжение и не приближайся близко к пенисам, которые высасывают душу, — ее улыбка медленно исчезает, и она медленно снимает с себя красные очки и передает их владелице.

Моя сестра что-то замышляет и это видно в ее глазах. Белое становится еще белее,

зеленое — зеленее. Должно быть ее бой-френд, гранж — рокер, снова ее бросил.

— Особенно, когда они в группе, — она практически орет.

Пенелопа встает. Я отступаю еще немного.

— Потому что вы все одинаковые, вы бесчувственные придурки! — Риса указывает пальцем на меня.

Смех нарастает в моих легких. Я не могу справиться. У этой девчонки, несомненно, будущее в театре.

— Мне нравятся туристические автобусы, — говорит она, указывая на себя, — я знаю все тексты песен!

— Беги, — говоря ртом без звука Пенелопе.

Она слушает меня.

Следую прямо за ней, и как только я перебегаю передней двор Файнелов, знакомый звук слышится у меня в ушах, и я холодею. Пенелопа достаточно умна и, не останавливаясь, вбегает на крыльцо. Когда восемь разбрызгивателей появляются из земли, я попадаюсь прямо на середине двора, и ледяная вода выстреливает в воздух и летит в мою сторону.

Я слышу его дьявольский смех прежде, чем вижу Уэйна позади водного крана, он стоит, скрестив руки на груди.

Без сомнений, он смеется из-под своих усов.

Запах скунса сочится из комнаты Рисы и проникает тонкой струйкой в коридор, и музыка долбит из динамиков так сильно, что весь дом вибрирует. Мама у двери Рисы, вся в сомнениях что сделать: покрутить ручку ее двери или толкнуть дверь ладонью. О тец стоит сзади, толкает очки вверх на нос, тяжело дыша.

— Солнышко,пусти меня. Давай поговорим об этом, — говорит мама таким спокойным тоном, как море в летнюю погоду. — Сделай одолжение, милая. Убери скорее ладан, пока соседи ничего не почуяли.

С мокрыми волосами, пахнувший мылом, я прохожу мимо своей семьи напрямик в свою спальню в конце коридора.

— В море полным-полно другой рыбы, Риса! — стараясь перекрычать барабанное соло говорит мама. — Джереми, кстати, всегда пах бензином и маслом пачули.

Слышится громкий треск и ужасная гитарная музыка затихает, заменяя истерический голос сестры.

— Он пах любовью!

— Тебе всего лишь семнадцать. Что ты можешь знать о любви? — дантист слегка повышает свой голос. Его очки скользят вниз по переносице заостренного носа.

— Я знаю, что было между мной и Джереми — эта была любовь! — кричит Риса. — Сильная, сильная любовь.

Отец сжимает губы и чешет затылок.

— А я думал, его звали Элвис.

Мама округляет глаза и трясет головой.

— Это был предыдущий бой-френд, Тим.

Мой отец пожимает плечами.

— Ты даже не знаешь меня! — визжит Риса прежде, чем музыка снова начинает сотрясать дом.

Чувствуя себя в безопасности в четырех стенах своей комнаты, я бросаю грязную

одежду за шкаф и спешу к окну. Солнце село, окрасив небеса в пурпурное и синее, а тротуары заливают лунный свет. Когда я поднимаю створку окна, прохладный воздух врывается в комнату, жалея обгоревшую за день кожу.

Фиолетовые занавески Пенелопы задернуты, но оранжевый свет льется сквозь просвет. Ее тень проходит мимо окна пару раз, даря надежду, но спустя тридцать минут, я чувствую себя странным ребенком, смотрящим в сторону соседского дома.

Хватаю свою записную книжку и маркер с тумбочки, обуваюсь и выхожу из комнаты. Мои родители все еще ведут переговоры с Рисой, поэтому мне ничего не стоит прошмыгнуть мимо и выйти из дома без расспросов. Идя на свет уличных фонарей, я царапаю сообщение, которое Пенелопа не пожелала прочитать у окна и поднимаюсь по ступенькам соседей. Я держу письмо у своего неутомленного сердца и стучу.

— Позднее время для визитов, парень! — отвечает Уэйн.

Желание нарисовать ему на лице черной ручкой за то, что он специально включил разбрызгиватели, очень велико. Моя рука художника подергивается, но я решаю придерживаться плана и зову Пен.

Громко топая и ворча себе под нос о плохих намерениях, «водный Нацист» поднимается по ступеням в комнату дочери.

— Этот чудак-парень здесь, — говорит он. — Я не хочу, чтобы ты с ним слонялась, когда вокруг нет взрослых. Самых Декеров, я в расчет не беру тоже.

— Пап, — скулит Пен, — хватит уже.

— Он даже не знает, как писать грамотно. Ты лучше его, — продолжает он.

Я разворачиваю свое письмо и понимаю, что в спешке спасти дружбу, я перепутал букву. Я быстренько зачеркиваю и пытаюсь втиснуть верное слово рядом, как Пенелопа появляется на лестнице.

«МНЕ ОЧЕНЬ ЖАЛЬ, ЧТО Я ИГНАРИРОВАЛ ИГНОРИРОВАЛ ТЕБЯ»

И улыбка, что затмила белизной саму луну, показывается на ее лице, поцелованным солнцем. Она спускается по лестнице, пока наши лица не оказываются друг напротив друга.

Пенелопа играючи толкает мое плечо и говорит:

— Мальчишки такие дураки.

Глава 5

Пенелопа

— Без паники. Без паники. Не сходи с ума, — шепчу я себе. Мои лодыжки разведены, нижнее белье спущено до икр, а колени туго сжаты вместе.

За неделю до моего тринадцатого дня рождения, мама предупреждала меня, что это может скоро случиться.

— Ты поздний цветок, Пен. Но это когда-то начинается у каждой девушки на этой планете, — говорила она. — Это естественно. Это значит, ты становишься женщиной.

Мама передала мне коробку с тампонами и наказала мне носить их в своем портфеле.

— Лучше перестраховаться, чем протечь, — сказала она.

Я же вместо этого, закинула их под кровать. Я и не собиралась таскать в школу тампоны. Пеппер Хилл постоянно одаривает меня уничтожающим взглядом, и мне бы очень не хотелось пугать Диллона своей надвигающейся женственностью. Он уделяет мне много

внимания с того дня, как игнорировал меня в лесу, и мне бы хотелось, что бы так и осталось.

Отец перебрал всех, и Отца и Сына и Святого Духа, когда зашел в комнату во время этого разговора с мамой. Поэтому, я могу только вообразить, как отреагирует мой единственный друг.

Я также ожидала, что прежде чем это начнется, будет хотя бы один предупреждающий знак. Я никогда и не подумала, что поток обрушится на меня в середине урока, в середине дня, в середине предложения, которое я пыталась закончить для работы по «Английскому».

Теперь джинсы испачканы кровью, а я не знаю что делать.

Глаза горят из-за подступающих слез, а подбородок дрожит. Тяжесть в груди, которая была более — менее терпима в последнее время, разгорается с новой силой, и того и гляди, вырвется наружу.

Я ощущаю тяжесть на плечах и на сгибе локтей. Мои пальцы складываются в кулак, и я глубоко впиваюсь чересчур длинными ногтями в свою тонкую кожу.

Тревога, которая стоит комком, царапает горло и чувство беды, которое преследует меня всю жизнь, сильно давит на голову.

— Почему я не такая, как все? — спрашиваю я себя, когда обжигающее сожаление катиться по моим разгоряченным щекам.

В этот раз я не могу спрятаться за своими солнцезащитными очками.

Слизывая соленые слезы с губ, я дергаю туалетную бумагу и обматываю вокруг белья, испачканного кровью. После того, как я привожу себя в порядок, я натягиваю джинсы и открываю дверь.

Трудно сказать, как долго я пробыла тут с момента, как выбежала из класса и миссис Алабастер даже никого не послала за мной, но я не могу оставаться здесь до конца дня. Моя сумка лежит у парты и свитер, который я могла бы повязать вокруг талии, тоже там.

Сцепив пальцы под попой, я крадусь по коридору на цыпочках к своему классу. Я не уверена, сколько осталось до звонка, когда все выйдут на перерыв, но надеюсь, что не так уж и скоро. Иначе мне не спастись от унижения.

Дойдя до комнаты номер двенадцать, я приподнимаюсь на носочках и смотрю в класс через крошечное окошко на двери. Я успокаиваюсь и дышу ровно, когда нахожу глазами Диллона, сидящего рядом с пустым моим местом. Он стучит карандашом, и его голова повернута в сторону окон. Солнце освещает его и без того светлые волосы.

— Посмотри на меня, — говорю я спокойно. — Посмотри сюда, Диллон.

Сеанс телепатии с лучшим другом не работает, и не важно, как сильно я этого желаю. Я слегка барабаню кончиком пальца по толстому стеклу, но единственный, кто смотрит в моем направлении это Герберт.

Сердце останавливается.

Я ожидаю, что он начнет указывать на меня пальцем и заявлять на весь класс: «У Пенелопы начались месячные», но лучший друг моего лучшего друга, поднимается с места и идет к Диллону, шепчет ему на ухо и кивает в мою сторону.

Сердце выдает — тук, тук, тук.

Мои руки дрожат, пока я удерживаю в голове одну мысль: пожалуйста, спаси меня.

Диллон не так спокоен, когда встает с места. Он вскакивает со стула, ударяя его о позади стоящую парту. Заботливо хватая свою и мою сумку и без единого слова, смотря прямо мне в глаза, проходит мимо учительского стола к двери.

Отступаю на несколько шагов назад, чтобы не быть задетой дверью и когда он

вырастает прямо передо мной, я почти что падаю на него.

Никакой грязи и щенячьего дыхания сегодня.

— Где ты была? — спрашивает он, растирая мне спину движениями вверх и вниз.

Мои щеки горят, и из-под оранжевых стекол свободно текут слезы. Признание того, что сейчас конкретно происходит, полностью убивает меня, но я выдаю выученную лекцию и о женственности, и о тампонах, и о зрелости. Я рассказываю ему об испорченных голубых джинсах и грубой туалетной бумаге.

— Это случается с каждой женщиной на этом свете, — говорю я точь — в — точь как моя мама.

Мои губы дрожат.

Диллон смеется.

— У меня старшая сестра, Пен, — говорит он. Мой соседский мальчик открывает свой рюкзак и достает серую толстовку. — Я знаю, что такое месячные.

— Мне нужно домой — говорю я, опуская голову.

Он поднимает мой подбородок и протягивает свою толстовку.

— Тогда пойдем.

Чем хороша жизнь в маленьком городе? Тем, что каждый знает друг друга. Мы с Диллоном заходим в учительскую, еще раз повторяем историю о моем внезапном развитии по женской части и просим разрешения уйти пораньше с уроков.

Директор, звонит моему отцу и докладывает о ситуации, а тот в свою очередь, передает послание для Диллона:

— Парень! — повторяет наш директор низким голосом, прекрасно пародируя моего отца.

Мы ждем продолжение речи, но директор Снайдер больше ничего не говорит.

— Это все, — подтверждает он, и машет нам рукой, чтобы мы уходили. — Поторопитесь.

Этого достаточно, чтобы мы пошли. По дороге домой он не позволяет мне приближаться к бордюру; переходит улицу, только предварительно посмотрев в обе стороны как минимум трижды; каждые пару шагов спрашивает, как я себя чувствую.

Эта гиперопека, так сильно напоминает мне о мужчине, который напугал этого ребенка до повиновения с первого слога. Эта мысль успокаивает неприятное чувство, растущее внутри меня.

— Ты не обязан оставаться, — говорю я, открывая входную дверь. Мы никогда ее не запираем.

Диллон стоит в самом низу лестницы, засунув руки в карманы. Весь мир я вижу в оранжевом свете из-за солнцезащитных очков, которые я надела сегодня, но даже в них я способна разглядеть, как покраснели его щеки.

— Твоя мама дома? — спрашивает он, поднимаясь на одну ступень.

— Скорее всего, нет. Пока я в школе, она помогает в доме престарелых.

— Тогда я останусь, — тут же говорит он. — Я обещал твоему отцу, что присмотрю за тобой.

Не уверена, когда это «парень» превратилось в «присмотри за ней», но не могу сдержать улыбку, которая расползается по всему лицу.

Он следует за мной по лестнице к комнате и ждет у двери с бешено стучащим сердцем, прежде чем войти. Диллон видит часть моей комнаты из своего окна, но ни разу не был

здесь. В моей комнате никогда еще не было парня.

— Я, наверное, должна... — начинаю я, но не могу закончить из-за смущения.

Его рука пробегает по блондинистым волосам, убирая длинные пряди волос с идеальной формы лба. Теперь лицо полностью открыто, и его зоркие глаза, и прямая линия губ полностью выдают его нервное состояние. Он неровно выталкивает воздух из своих легких и зеленые глаза, которые иногда не дают мне спать по ночам начинают изучение моей комнаты.

— Тебе нужна, э-э-э... помощь? — спрашивает он, прочищая горло.

— Э — э — э... нет, — отвечаю я, мечтая провалиться под землю.

Кончики его ушей становятся цвета спелой вишни.

— Когда у Рисы... произошло это первый раз, — он замолкает и вглядывается в группу, которая изображена на плакате над моей кроватью. — Моя мама помогла ей, ну ты знаешь.

Я качаю головой.

Диллон так глубоко вздыхает, что видно как поднимаются его плечи, а затем опускаются вниз.

— Она читала ей инструкцию. Я могу почитать.

Провалиться. Мне. Сейчас.

Мой «чтец» надолго закрывает глаза и еще раз глубоко вздыхает.

— Я имею в виду, что могу помочь тебе с инструкцией. Или я могу сбежать домой и посмотреть, на месте ли сестра.

Я использую толстовку этого парня, чтобы прикрыть пятно от месячных на джинсах, а теперь он стоит в моей комнате и предлагает помощь с инструкцией к тампонам. Что может быть более постыдным, чем это? С о мной такого никогда не происходило. И вместо того, что бы выпрыгнуть из окна и таким образом закончить эту сумасшедшую жизнь, я лезу под кровать за коробкой тампонов, которые я отказалась брать в школу и передаю ему.

До конца недели мы избегаем встречи глазами, но это не потому, что я этого не хочу.

Все потому, что я должна быть аккуратна в своих желаниях.

Глава 6

Диллон

Я подхожу прямо на крыльцо семейства Файнел и останавливаюсь на коврике с надписью «Добро пожаловать!», прежде чем стучу в желтую дверь.

— Пен не очень хорошо себя чувствует, милый! — эту ложь Сони, которую я слушаю от нее каждый день, начиная с понедельника. Она выдавливает улыбку на своем круглом лице. — Ну, знаешь! Девчачьи проблемы.

Много всего, в чем я не спец, но у меня есть родная сестра-подросток, которая целую неделю, каждый месяц, поедает мороженное тоннами и рычит на меня, если я зачерпываю ложку из ее ведра. А еще, в эти дни, намного больше табачного дыма проникает из ее комнаты, чем обычно. Мне вот интересно, а у нее тоже случаются припадки слез и жалоб и всех этих: «Ты не знаешь, каково сейчас мне!»? Но даже Риса, не пропускает четыре дня школы из-за «девчачьих проблем».

Сегодня с утра меня приветствует Уэйн. Без сомнения он намного больше зарос с прошлого раза, как я его видел.

— Что тебе нужно, парень? — его разросшаяся борода двигается в такт его словам. Запах только что заваренного кофе доносится с кухни и ранит меня прямо в желудок, заставляя его урчать.

Я распрямляю спину и довольно отчетливо говорю, забывая про дикое желание есть и огромные мускулистые руки.

— Я пришел, чтобы проводить Пенелопу в школу, — заявляю я.

Мистер Файнел пытается закрыть дверь прямо перед моим носом, но миссис Файнел кричит откуда-то из дома:

— Уэйн, будь вежлив с мальчиком Декеров!

«Снежный человек» стоит, облокотившись на дверную раму, скрестив руки на своей огромной груди. Густой мех его груди туго упакован под хлопковой футболкой с эмблемой университетской спортивной команды по футболу Кастл Рэйн и торчит только в районе шеи. Темные глаза уставились на меня из-под лохматых бровей, и я, клянусь! слышу, как хрустят его костяшки под волосатыми пальцами.

— Нет, — просто говорит он.

Потирая заднюю сторону шеи, я продумываю свои шансы против «Гиганта», чтобы прорваться к его дочери. Скорее всего, я быстрее его, и вся моя задумка вещь стоящая, с условием, конечно, что я ее смогу найти. Она не только не появляется в школе, но и не подходит к окну. Так что, в этом деле нет ничего такого, что бы я ни смог сделать ради нее.

Мистер Файнел смеется, словно прочитал мои мысли.

— Сегодня она собирается в школу, парень. Я ее отвезу.

Мое сердцебиение восстанавливается, ладони теплеют, и я чувствую легкие покалывания в животе.

Сегодня я увижу Пен, правда, не так скоро как я надеялся.

— Я могу ее подождать, если она еще не готова, — говорю я, поднимаясь на носочки, чтобы лучше разглядеть обстановку внутри дома. Я подросток на несколько дюймов с начала учебного года, но мне нужно еще немного, чтобы догнать по росту небритого «Фашиста».

Кустистые брови сходятся, и Уэйн делает шаг в мою сторону. Я делаю три назад.

— Ты пытаешься влезть между мной и моей дочерью, парень? Ты уверен?

Боясь выглядеть трусом перед огромным человеческим существом, которого я знаю, я встаю в боевую стойку, выпятив грудь ... но, терплю неудачу, когда слова застревают в горле.

Когда я набираюсь храбрости и отвечаю, мой голос пищит.

— Нет! — отвечаю я как тринадцатилетний мальчик в период пубертатности. На сегодняшний день я именно им и являюсь.

Громовой раскат смеха «С нежного человека» сотрясает весь дом. Это отстой, потому что этот смех — на мой счет. Я боюсь произнести что-то еще из-за своего дребезжащего голоса, поэтому я просто спокойно стою и жду.

— Она скоро спустится к тебе, паренек, — говорит он, прежде чем закрыть дверь.

Я все еще слышу его смех.

Роджер Морис тараторит без перерыва.

— Вы же лучшие друзья с Пенелопой, так? Она немного странная, верно? Немного другая. Своеобразная такая. Она с тобой разговаривает? Она совершенно не общается со мной. Однажды я угостил её печеньем. Но она все равно не разговаривает со мной. Хотя

печенье взяла.

Я практически его не знаю, но вмажу по его дурацкому рту, если он скажет хоть еще одно плохое слово про Пен.

— А что там с очками? — спрашивает он, пиная ногой камень из бордюрного ограждения прямо на парковку. — Почему ей разрешается носить солнцезащитные очки в классе, когда всем остальным нельзя?

Автомобили выстроились внутри U-образной парковки в передней части школы. Когда одна машина выезжает, ее место занимает подъехавшая другая. Серебряный Крайслер, который я поджидаю все еще не подъехал, и остается буквально несколько минут до начала занятий, когда мы уже должны сидеть на своих местах.

— У нее классные очки, — говорю я, вытягивая шею, чтобы было лучше видно, какая машина подъезжает следом.

Это Пенелопа.

— Ну, типа того, — говорит Роджер. Он поднимает свой рюкзак с земли и кидает его за плечо. — Но она все равно странная.

Я разворачиваюсь, чтобы треснуть этого парня по башке, и в то же время слышу голос Уэйна Файнела, произносящий мое имя. В его интонации все еще слышится налет юмора.

— Иди — ка сюда, парень, — приказывает он. Могу поклясться, его борода мне подмигивает.

Я обхожу его машину спереди, смотря на Пен через переднее стекло машины, сокращая дистанцию между её отцом и мной. Маленькая девочка в красных очках формы сердечек, сидит на переднем сиденье и прижимает свою сумку с учебниками к груди.

«Йети» высовывается наполовину из машины, держа одну руку на крыше, а другую на дверце.

— Слушай-ка сюда, парень, и лучше слушай, как следует, — говорит он, притягивая меня все ближе, заколдовав своими словами и подмигивающими усами. — Я хочу быть уверенным, что моя дочь улыбается сегодня весь день, уловил? Ты слушаешь, парень? Я достаточно четко выражаюсь?

Я киваю.

— Мне нужно точное число под конец дня, и за каждую улыбку, я дам тебе вот это, — тренер Файнел достает небольшого размера пакет с орешками M&M. — Когда-нибудь пробовал их, парень? Они феноменальны. Мои самые любимые.

Я быстро приседаю вниз достаточно низко, чтобы разглядеть в машине ее.

— Почему она грустит?

Следующий водитель за Крайслером сигналист. Уэйн поворачивается, используя всю мощь своего «магического» лица на гудящего, и тот медленно разворачивает машину, ни разу не взглянув в нашу сторону.

— Сегодня тоже твой день рождения? — спрашивает «рогатый Фашист».

— Да, сэр, — отвечаю я.

Он утвердительно кивает, и мы оба наблюдаем, как наконец-то открывается пассажирская дверь, и девочка, ради которой мы оба готовы через многое пройти, появляется из машины. Меня потрясает ее худоба и неухоженный вид. Пенелопа, конечно и не старается выглядеть клево, как чересчур это делает Пеппер, но волосы ее больше не лоснятся и лицо очень бледное. А прошло всего лишь четыре дня с нашей последней встречи.

Ее движения медленны и она дышит ровно, настроение явно не прекрасно-праздничное. Ноги несут меня прямо к ней.

— Эй, Пен, — говорю я, сгибаясь в коленях, чтобы получше разглядеть ее отсутствующий взгляд на лице.

— Привет, Диллон, — отвечает она. Последний раз я слышал ее голос, когда она благодарила меня за то, что я читаю ей инструкцию через дверь ванной.

Вся грусть этого праздничного дня отражается на ее лице, сжимает её губы туго вместе, и поднимается к глазам под очками, и слезы ползут по щекам.

— Почему ты плачешь? — спрашиваю я. — Кто-то позабыл про твой день рождения?

Она отрицательно трясет головой.

— Я принес тебе подарок, — говорю я, копаясь в своем кармане.

Они немного покрыты ворсинками, слегка липкие, немного теплые, но их цвет напоминает мне о ее очках.

— Мраморные шарики, — говорит она, и я перекаत्याю их из своей в ее руку. Правый уголок ее губ ползет вверх. — Я их обожаю.

Еще один шарик прилип к остатку ириски, которую я недавно жевал. Я плюю на него, вытираю о футболку и кладу ей в руку.

Он ярко — красный, как и цвет ее солнцезащитных очков.

— Я ничего не принесла тебе, — грустно замечает Пен.

— Ну и не страшно.

— Нет, страшно, — говорит она, поднимая руку к лицу. — Возьми вот это.

С несчастьем на лице она передает мне свои очки, и я вынужден смотреть в ее грустные глаза весь день.

Один торт. Две семьи. Тринадцать свечей.

Свет погашен и в воздухе неподвижно застыл аромат уходящего летнего сезона. Наши семьи собрались вокруг нас с Пен у нее на кухне. Мы позируем, стоя у шоколадного торта-мороженого с нашими именами, написанными розовым кремом. Таящие восковые свечи по одной на каждый год жизни на торте, отбрасывают тени каждого из присутствующих на белые стены. Розовые очки Пенелопы отражают желто-оранжевое пламя.

Она краснеет под звуки нашей поздравительной песни, затыкая пальцами уши и притворяясь, что ничего не слышит.

— Ла, ла, ла, ла, — припевает она с улыбкой, за которую я должен получить не менее двух пакетов M&M's

Вместо того, что бы смотреть на именинницу, я делаю ошибку и поворачиваюсь в сторону Герберта, который стоит прямо за Соней, и показывает одними губами слово «Киска».

— Отсоси мой... — я шевелю губами в ответ, когда тренер Файнел делает шаг в мою сторону, тем самым затыкая меня. Я захлопываю рот и утопаю в деревянном стуле.

Наши родные и любимые заканчивают горланить песенку и Кайл добавляет: «И многое другое на четвертом канале». Ловлю взгляд «праздничного Нациста», который направляет свои указательный и средний пальцы руки сначала себе в глаза, а затем указывает ими на меня.

— Я наблюдаю за тобой, — показывает он одними губами.

Мои глаза расширяются, и я ближе подхожу к девочке, которая всего лишь на пять часов

старше меня.

— Загадай желание, — говорит мать Пенелопе. Она облизывает шоколад с лопатки, которой вынимала торт из формы.

Небольшой кусочек прилип к уголку ее рта.

— Твое желание может исполниться, — говорю я, легонько подтягивая торт к Пенелопе.

Она трясет головой и растягивает рот в улыбке от уха до уха.

— Я загадаю желание в следующем году.

Пока небольшие свечи в бело-голубую полоску окончательно не растаяли, я глубоко вздыхаю и загадываю.

Я мечтаю, что бы Пен никогда не носила своих солнцезащитных очков рядом со мной.

Свечи не могут устоять под напором моего желания. Когда гаснут все тринадцать свечей, мы остаемся в темноте, начинает потягивать дымом и мистер Файнел говорит.

— Не могу поверить, что ты загадал это желание, парень.

Сентябрь и октябрь, слава Богу, плавно перешли в ноябрь, и в свои владения радостно вступил декабрь. Один год перепрыгнул в другой и наступил январь, который полностью оправдывает название этого города — Кастл Рэйн. Такое ощущение, что ливень не закончится никогда. Штат Вашингтон накрыт толстым слоем серых облаков. На улицах города потоп, и океан затопил пляж.

Ни у кого нет шансов против непрерывного дождя. Моя обувь и носки постоянно мокрые. Волосы никогда не высыхают до конца. Пальцы сморщенные и покрасневшие. Вода хлещет с крыш и иногда просачивается через щели в окнах. Отец установил емкости на холодильнике и в коридорах, чтобы собрать кап — кап — капли. Он уже заткнул несколько дыр в доме, но новые возникают практически мгновенно.

— Сможешь добраться до школы самостоятельно, Ди? — Риса заходит в мою комнату без стука.

Я отворачиваюсь от глухо зашторенного окна Пенелопы и поворачиваюсь к сестре. Дождь, насквозь пропитав ее волосы, спускается радужно-окрашенными струйками по ее ногам. Мокрая одежда прилипает к ее худому телу, а черная тушь размазана по глазам.

— Что с тобой случилось? — смеюсь я, натягивая свою бинни (прим. пер. — плотная, легкая шапочка) на голову.

— Мой “Жук” не заводится. Я пыталась починить, но думаю бесполезно, — она пожимает плечами и выжимает волосы на мой ковер.

— Все еще льет?

Она качает головой.

— Нет, но там мокрее, чем в трусах у проститутки.

Я кидаю сестре полотенце с пола и беру свой рюкзак, и оставляю ее стоять у двери моей ванны. Она пахнет мокрой травой и куревом, и, приглядевшись поближе, замечаю красные глаза и кривую улыбку на лице сестры.

— Я поеду на велике, — произношу я.

Риса под воздействием, вяло поднимает два пальца и произносит:

— Мир.

Затопленная трава хлюпает под ботинками, когда я иду через свою лужайку к дому Пенелопы. Каждый мой выдох белеет в прохладном воздухе и пульс учащается, когда я

подхожу на крыльцо передней двери.

Спустя неделю нашего тринадцатилетия, стул Пен рядом со мной пустует. И я потерялся в счете дней, сколько ее нет.

Погода не позволяет нам ездить в школу на велосипедах и роликах вместе, поэтому я не знаю, появится ли Пен на утренней линейке. И вот, опять ее нет рядом.

В предыдущие дни, когда дождь делает достаточно долгий перерыв, чтобы я смог пересечь лужайку и дойти до крыльца Файнелов, я выслушиваю извинение за извинением.

— О на простудилась, — врет Соня.

— Пен назначено к доктору сегодня, милый.

— Моя малышка сегодня останется дома, но не принесешь ли ты ей домашнее задание? — говорит она с вымученной улыбкой.

Сегодня, я скрещиваю пальцы за спиной и стучу в дверь.

Миссис Файнел открывает дверь в трениках и огромной толстовке мокрой от пота. На лице отсутствует поддельная улыбка, которой она обычно приветствует меня и под глазами такие темные мешки, что сойдут за синяки.

Соня тяжело вздыхает и опускает плечи, прежде чем, отходя, пустить меня в дом.

— Может ты, сможешь заставить ее подняться с постели, Диллон, — говорит она бесцветным голосом. — Потому что ничего, что мы пробуем, не работает.

Я снимаю шапку с головы и встаю на нижнюю ступеньку, неуверенный в следующем шаге. Мама Пенелопы закрывает дверь ногой, пресекая тусклый дневной свет. Дом молчит, полный запаха влажного воздуха, исходящего через нагреватель. Стоит полная тишина, не считая легкого пыхтения кофе-машины.

— Ты можешь подняться здесь, — говорит миссис Файнел. Она проходит в кухню. — Уэйна нет дома, милый.

Хозяин дома достаточно четко обозначил мне правила этого дома, когда я только начал приходить на регулярной основе:

— Держись подальше от спальни Пенелопы и никогда не трогай пульт от телевизора. Я узнаю, если ты это нарушил, парень. Я всегда наблюдаю, — говорил он.

«Обезьяноподобный» не знает о том разе, когда я впервые был в комнате Пен. Да и Соня, хранит в секрете еще несколько моментов, когда она отошла от правил. Дверь комнаты всегда открыта, и мы только слушаем музыку или листаем журналы «Роллинг Стоун» — не в чем обвинить.

Такой опыт у меня впервые.

Дверь скрипит, и я вижу очертания ее фигуры под кучей одеял на кровати. Фиолетовые занавески, плотно зашторены, и комната полностью погружена во тьму.

Сдерживаюсь, чтобы не сорвать эти занавески с окна — они загораживают мне Пен, только слегка их приоткрываю и пускаю немного серого света.

— Пенелопа, — шепчу я с края кровати.

Глубоко скрытая под одеялами и простынями, утопленная в подушку и разбросанными темными волосами по лицу, она грустно и глубоко вдыхает, а затем выдыхает. Ее глаза цвета темного шоколада двигаются под тонкими веками с выступающими голубыми венками и округлость щек горит красным.

— Пора вставать, — говорю я немного громче.

Самая ленивая девушка в мире разворачивается ко мне лицом, но не встает.

Я стягиваю одеяло, обнажая длину ее шеи и голые плечи. Длинные волосы Пен лежат

поперек ее худых выступающих ключиц и розовые губы слегка приоткрыты.

Вспышка в голове заставляет меня встать с кровати. И вместо того, что бы снова дотронуться до нее, я пинаю кровать.

— Вставай же, — говорю я нахально. — Мы опоздаем в школу.

Ничего.

— Пен.

— Пен.

— Пенелопа!

Она сопит.

Я пинаю снова.

Ее рука дергается.

Она снова сопит.

— Пожалуйста, вставай, — молю я в итоге, еще раз пытаю удачу и трогаю ее за бок.

Длинные ресницы трепещут, бросая тень на щеки слегка тронутые веснушками, и я снова трясу спящую красавицу. Сначала мягко, но затем с нажимом. Сон торжествует, и даже моя тряска не действует на нее.

Отступая назад, я вижу стакан воды на комод у постели и решаю плеснуть воду ей в лицо. Пен натягивает одеяло на голову. Десять маленьких пальчиков на ногах, покрытых нежно-розовой кожей, показываются, сжимаясь, прежде чем полностью расслабиться. Миниатюрные лодыжки и икры, выглянувшие из-под одеяла, заставляют волноваться мою душу и я готов броситься вон из комнаты. Но беру себя в руки и стягиваю одеяло напрочь с самой большой сони, которую я только знаю.

Она спит в сорочке и розовом белье.

Я так сильно зажмуриваю глаза, что, кажется, никогда не открою их вновь. В полной темноте, в поисках пути для побега, я держу руки впереди и быстро машу ими перед собой, пытаюсь понять, где же дверь. З адеваю ножку кровати и лечу вниз на спину.

Тут раздается мягкий удивленный голос:

— Диллон, что ты здесь делаешь? — в сонном голосе слышатся смеющиеся нотки.

Соня, конечно, сказала, что «домашнего тирана» нет дома, но это просто мое счастье, что Уэйн не появился, пока я у его дочери в спальне и на ней ровным счетом ничего не одето, кроме ночнушки и нижнего белья. Пока большая часть меня желает открыть глаза и взглянуть на лицо, которое давно не видел, крохотная часть, которая хочет жить, выпихивает меня к двери.

— Не уходи, — нежно и грустно произносит Пен.

Я останавливаюсь, но не поворачиваюсь к ней. И не открываю глаза.

— Я видела во сне тебя, — говорит она. — А потом, какой — то бездушный паразит стащил с меня одеяло, и это был ты.

— Тебя не было в школе, — говорю я все еще в темноте.

Пружины в ее матрасе прыгают и скрипят, и я слышу ее зевок.

— Ты можешь повернуться, — говорит она.

Пенелопа сидит на краю кровати; она болтает босыми ногами в дюйме от коврика. Ее волосы перепутались и под глазами очертания таких же синяков, как и у ее мамы. Бледно-желтая ночнушка полностью закрывает каждый дюйм ее кожи до колен, и она так сильно сутулится, будто готова вот-вот провалиться обратно в страну снов.

— Я пришел, чтобы проводить тебя в школу, — говорю я.

Мисс Дремота зевает снова, пока сладко вытягивает свои длинные руки и заводит их за голову, но затем встает. Мое взволнованное сердце прыгает в грудной клетке.

— Кинь-ка мне вон те джинсы, — говорит Пенелопа. Она указывает на гору одежды, на полу у двери.

Я передаю ей бледного цвета джинсы и отворачиваюсь, пока она натягивает их на ноги.

— Мне нужна рубашка и толстовка, — говорит она. Звук замка на джинсах снова заставляет меня нервничать.

Передавая ей одежду из кучи, я быстро благодарю Всевышнего за то, что дальше она идет в гардеробную, чтобы переодеться. Пока она там, я заправляю кровать и взбиваю подушки. Во рту все пересохло, поэтому пью воду, которую я чуть было не пустил в дело, чтобы поднять Пен, одним глотком.

Пенелопа появляется из гардеробной, одетая в толстовку, с накинутым капюшоном. Ее волосы заправлены в толстовку, и один из шнурков висит длиннее. Без какого-либо выражения на лице, с ладошкой приложенной там, где бьется сердце, над губами собрались капельки пота, эта невозможная девочка сидит на кровати и беспомощно смотрит на меня.

— Я не знаю, смогу ли я идти, — говорит она. — Ты понятия не имеешь, как это тяжело — одеваться.

Я ставлю стакан на место и спрашиваю:

— В чем дело?

Она пожимает плечами и сводит губы в одну полоску.

В поиске чего-нибудь, что может помочь, на мои глаза попадает вполне очевидный ответ. Она окружена вещами, которые делают все проще и удобнее, но они вне досягаемости от кровати. У меня рождается чувство, что с тех пор как я последний раз ее видел, она не выходила из комнаты.

Красная оправа плотно сидит на переносице, и черные стекла закрывают блестящие глаза. Я вынимаю ее длинные заправленные волосы из толстовки, и поправляю ее. После регулирования шнурков, я распрямляю рукава и расстегиваю ее в районе шеи, чтобы легче дышалось.

— Лучше? — спрашиваю я.

Девочка вытирает пот с лица задней стороной ладони и кивает.

Ее волосы на макушке все в колтунах и если бы это был выходной, и мы просто собирались на пляж или в лес, то я бы не обратил внимания. Но я не хочу, чтобы у Пеппер было больше причин смеяться над ней. Все-таки Пенелопа девочка, ей не все равно как она выглядит.

Я надеюсь.

Пока она надевает носки и туфли, я сижу в изголовье кровати и расчесываю ее спутанные волосы.

— Ты только не говори Гербу и Кайлу что я это делал, — говорю, отправляя очередную расчесанную прядь на место.

Она коротко смеется, но от этого я чувствую себя на десять фунтов выше.

Ее волосы растрепались, но она абсолютно не смотрит в зеркало, пока чистит зубы. Еще заметны покраснения на коже, в том месте, где она так сладко спала, они медленно проходят. Грязные неаккуратные шнурки следуют за ней повсюду в такт шагу.

Я иду вниз по лестнице с нашими рюкзаками на плече. Пен держится за перила обеими

руками, останавливаясь каждые пару шагов, как будто ей и правда это приносит мучение. Она поглядывает на меня, и я могу различить ее большие темные глаза за красной оправой солнцезащитных очков.

Однозначно что-то с ней происходит, только я не знаю что именно.

— Милая, ты встала, — Соня, которая до этого сидела, уставившись в пустоту, медленно опускает свою кружку с кофе.

Она несет свое большое тело вокруг кухонной тумбочки и достигает нас, прежде чем захватить Пенелопу в объятия. Ее дочь кладет голову на плечо матери и мягко выдыхает. Я стою, не шевелясь, неуверенный, что делать дальше, пока Соня успокаивает своего единственного ребенка, пробегая рукой вверх и вниз по всей длине ее пушистых волос.

Миссис Файнел поворачивает свое лицо в сторону несчастной и шепчет:

— Ты уверена, что хочешь пойти в школу сегодня?

Пен кивает.

Соня глубоко вздыхает и выпрямляется, отнимая дочь от груди. Они еще раз обговаривают необходимость завтрака, и, кстати, что насчет обеда? Старшая из них двоих, предлагает отвезти, но Пенелопа хочет пройтись.

Когда мы с Пен спешим к входной двери, она отказывается от растворимой овсянки и мягкого банана.

— Мам, я ничего не хочу. Я просто хочу пойти в школу, — настаивает она, закрывая за нами дверь.

Тусклый свет за пределами дома не дает разглядеть состояние Пен. Она почти такая же серая, как и плотные облака, парящие над вершинами деревьев, и сырой воздух слегка завивает ее пушистые волосы.

Она тянется за роликовыми коньками, когда дождевая капля падает сверху прямо на мой лоб; еще одна поменьше попадает мне на лицо.

— Вот черт, — начинает Пен. — Д ождь начинается.

— Все в воде. Негде кататься все равно, — говорю я, вытирая дождевые капли с лица.

Она поднимает свои очки на голову и встречается со мной большими глазами, из которых вот-вот польет целый водопад, по круче, чем дождь. С ладошкой на лбу, Пенелопа смотрит в сторону дома и говорит:

— Я не очень настроена на поездку до школы на машине, Диллон. Может быть, мне и правда лучше остаться дома.

— Жди здесь, — кричу я и вовсю мчусь через мокрый и скользкий газон, пробегаю мимо мятно-зеленого Фольксвагена сестры, и вверх на крыльцо, где стоит мой велик, опершись о перила.

Резиновые шины прыгают вниз и катятся по деревянным ступеням через лужи и мокрую траву. Небольшие брызги превращаются в сильную морось в течение минуты, пока я везу велик через двор к Пенелопе. Я обязан увезти девочку отсюда, пока Соня не поймет, что небо готово разверзнуться с новой силой.

Мне тоже не особо хочется ехать на машине.

— Запрыгивай, — говорю я, стоя с велосипедом между ног. Мой рюкзак висит высоко на плечах.

Пенелопа опускает свои очки с красной оправой обратно на глаза, и улыбается.

— Где мне сесть?

— Прямо вот сюда, — я хлопаю по рулю.

— Ты уверен? — спрашивает она. Пен перевешивает свою школьную сумку на плечо и подходит к рулю.

Я крепко держу велосипед, пока моя соседка встает на переднюю шину и усаживается на хромированный руль. Ее сумка лупит меня по лицу, и внезапное изменение веса заставляет нас пошатнуться. Мой пассажир вскрикивает и наклоняется слишком сильно вправо, а затем чересчур сильно влево.

— Держись прямее, — смеюсь я и приподнимаюсь, чтобы дать стартовый толчок.

По сравнению с моими, костяшки ее пальцев белеют от чересчур сильной хватки за руль. Пока мы набираем скорость, волосы Пенелопы щекочат мне лицо и обычный дождь уже превратился в душ, который намочил одежду и льет в глаза.

Она громко смеется и мило улыбается.

— Давай быстрее, Диллон. Быстрее! — кричит она, пока мы летим вниз по улице.

Мы мчимся через лужи, словно большие озера, промокшие насквозь ветки и листья, а задняя шина подбрасывает жидкую грязь и небольшие камешки. Подошвы моих ботинок с силой упираются в педали, а икроножные мышцы горят.

Я дышу через ее смех и дождевую воду.

Пенелопа поднимает свою голову к небу и убирает руки от руля.

Вияя велосипедом в разные стороны, страдание превратилось в непринужденный полет, словно птица.

Глава 7

Диллон

Миссис Алабастер никак не может от нас избавиться.

В самый последний день в школе, она выгоняет нас с Пенелопой из класса, кидая нам вслед аттестаты. Мы всю мчимся вниз по коридору, последний раз в этом учебном году. Спеша к двойным дверям мы наперегонки бежим к парковке, где стоит мой велосипед.

Мы ловим ртом летний воздух и уезжаем вместе, перелетая через лежащих полицейских на стоянке. Теперь, мы официально ученики высшей школы. После того, как Пен навсегда оставила свои ролики, она летает на моем руле каждый день и уж точно в состоянии подняться с постели утром.

Полностью доверяя моему вождению, она раскидывает свои руки в сторону, словно птица и разворачивает свое лицо к солнцу. Та девочка, которая держит меня у окна каждую ночь, кричит одни и те же слова каждый раз, когда мы едем.

— Быстрее, Диллон. Крути быстрее!

Воздух, наполненный запахом пыльцы, струится сквозь ее длинные и волнистые волосы. Яркое солнце превращает каждый ее волос цвета каштана почти в красный. Смех Пенелопы — это та мелодия, которая звучит в моей голове вот уже несколько месяцев. И я рад давиться пропитанным запахом пыльцы, почти рыжими, волосами, чтобы услышать его.

Сви-сви-свиинист резиновых шин, летящих по мостовой, становится все громче — нас догоняют Герберт и Матильда. Пенелопа смотрит через плечо, и я поднимаю глаза, чтобы увидеть солнечный блеск через желтые стекла ее солнцезащитных очков в форме желтых звезд. Губы персикового цвета улыбаются, когда наши конкуренты равняются с нами. Пен и Рыжеволосая, тянутся друг к другу, дотрагиваясь кончиками пальцев — Братство руля.

Паря на своем скейтборде, Кайл крепко держится за портфель Герба и катятся вместе.
— Держись, — говорю я Пенелопе сквозь шум скорости.

Благодаря природным инстинктам и улице, на которой я прожил всю свою жизнь и знаю, как свои пять пальцев, я приподнимаюсь на сиденье и достаточно низко наклоняюсь. Я плотно закрываю глаза и перемещаю силу с каждого мускула на теле в ноги и кручу педали еще быстрее. Пронзительный крик моего пассажира заставляет меня ускориться сильнее, ехать быстрее; пот катится по лицу и легкие жадно глотают воздух.

Мы пролетаем мимо наших соперников и Пен вовсю кричит: «Неудачники!».

Когда я снижаю скорость и въезжаю на дорожку моего дома, торжествующий, но абсолютно запыхавшийся, наши соперники проносятся мимо.

Пен спрыгивает с руля, я бросаю велосипед рядом с канистрами из — под масла, и сваливаюсь в траву, задыхаясь от нехватки кислорода. Яркие звезды-очки всплывают передо мной, заслоняя солнце. Она держит в правой руке наши аттестаты успеваемости и улыбки на лице почти не видно.

— Я должна взглянуть что там, прежде чем родители попросят показать им, — произносит она и падает рядом со мной.

Я не удивлен, когда вижу что несколько «А», упали до «В» и некогда хорошая посещаемость теперь отмечена знаком минус. Мое поведение больше не похоже на достойное и в колонке для комментариев значится небольшая записка для моих родителей.

«Я обеспокоена недавним поведением Диллона и снижением его успеваемости. Он часто стал уставать на уроках и постоянно отвлекается. Мистер Декер приступает к заданиям в самую последнюю минуту, вследствие чего страдает качество его работ. Могу я посоветовать, что бы он усиленно работал летом над списком для чтения и сконцентрировал свое внимание на подготовке к высшей школе? Если же он продолжит работать, как и прежде, уверена, что впереди Диллона ждет яркое будущее.»

Пенелопа, просмотрев свой аттестат, тоже видит записку от миссис Алабастер.

«Летняя школа»

— Этого не будет, — говорит «почти лентяйка», закидывая свои плохие оценки обратно в сумку.

Позже, после того, как родители выговаривают мне по поводу аттестата, отправляют в комнату до конца дня как наказание. Они и не догадываются, что мне больше никуда и не надо, и я иду с превеликим удовольствием, притворяясь пристыженным. Пенелопа уже ждет меня, махая своей маленькой ручкой. Мы не двигаемся с места несколько часов.

«ТЕБЕ РАЗРЕШЕНО ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ТЕЛЕФОНОМ?»

Из окна своей спальни, Пенелопа читает записку, которую я прислонил к теплему стеклу и трясет головой. Уже перевалило за два ночи и мои глаза слипаются, но я ем шоколадные батончики и пью газировку, чтобы не уснуть.

«НЕТ», — отвечает ее записка.

Я изображаю грустное лицо и сильнее прижимаюсь к стеклу, чтобы она видела.

Это наша обычная ночная программа. Пенелопа ходит вялая весь день, потому что не спит по ночам, а я совершаю набеги на кухню в поисках чего-либо сладкого и попить, поэтому я могу не спать тоже. В большинстве случаев сон уходит, когда сладости начинают действовать, но тогда уже и бессонница одолевает меня до зари.

Такие ночи обычно приводят к тем дням, когда она не идет в школу.

Но не всегда.

Иногда она просто не в настроении идти в школу.

«ИДИ СПАТЬ», — пишет она.

Допивая остатки теплой, выдохшейся газировкой, я игнорирую ее записку, как делаю каждый раз, когда она ее поднимает, и сминая алюминиевую банку в руке. Я кидаю ее в свой шкаф к остальным, которые прикончил ночью. Несколько месяцев назад, я сделал перестановку в своей комнате, и теперь кровать стоит прямо у окна. Матрац подо мной становится мягче с каждой минутой, которую отсчитывают часы. Мои веки отяжелели, и невероятно горят глаза между длительными морганиями. Я зеваю, и сквозь сон вижу, как вздыхает Пенелопа.

«ГЕРБ СЕГОДНЯ ПОЦЕЛОВАЛ МАТИЛЬДУ», — пишу я.

Глаза Пен округляются и она улыбается. Она с опущенной головой пишет ответ.

«ЭТО МЕРЗКО!»

Отвращение и мерзость — это не то чувство, которое я испытал, увидев как мой лучший друг целует Р ыжеволосую за спортивным залом сегодня в обед. Мир всегда мне казался очень красочным, а когда я вернулся в класс, то только губы Пенелопы и были яркими.

Я завидовал.

«ТЫ КОГДА-НИБУДЬ ЦЕЛОВАЛСЯ?», — пишет она.

Мое сердцебиение учащается, и усталость отходит на второй план, когда добела разгоряченный адреналин движется по моему телу. Я сижу прямо, надеясь, что она не может разглядеть, как краска заливает меня от щек до груди.

«НЕТ, ТЫ ЧТО. А ТЫ?»

Она быстро качает головой в знак отрицания.

Все мое тело расслабляется, и я выдыхаю. Мой пульс потихоньку приходит в норму, когда разговор о поцелуях повисает в тишине. Я вижу, как Пенелопа грызет свои ногти и смотрит назад. Когда усталость, которую я так и не могу побороть берет верх, последняя мысль которая приходит мне в голову, перед тем как заснуть — это, как же я счастлив, что Пен никогда еще не целовалась.

Герб, Кайл, Пенелопа и я проводим день на пляже, катаемся на буги-бордах и ныряем в соленых волнах. Мы едим сэндвичи с песком и ловим морских звезд между камнями у основания скал, похожих на замки. Как мне было велено, когда солнце начинает садиться, я хватаю Пен, наши полотенца и мчусь домой.

— Не опаздывай, парень, — наставляет меня Уэйн перед уходом. — Моя дочь должна быть здесь, чтобы отдать честь стране как подобает.

Наши босые ноги шлепают по разгоряченному асфальту, а плечи жалит летнее солнце. На наших носках появилось вдвое больше веснушек, чем было утром.

На дворе четвертое Июля, и каждый вышел из своего дома с грилем и шезлонгом, наслаждаясь национальной свободой. Вечерний воздух наполняют ароматы масла для жарки гамбургеров и уксуса из соуса для барбекю, на котором готовят курицу и ребра.

Взрывы фейерверков и петард затуманивают воздух.

После того, как я украдкой уношу кусочек арбуза из вклада моей мамы в соседскую вечеринку, мы следуем за Рисой, чтобы зажечь Пенелопе бенгальские огоньки.

— Вы ребята готовы идти в высшую школу? — спрашивает моя сестра. Еще не зажженный косячок висит в уголке ее губ и пальцы на ногах все в грязи. Светлые волосы Рисы четко разделены на две части и вытянуты утюжком, чтобы выглядеть как Джэнис

Джоплин. Сегодня утром Пенелопа нарисовала знак мира на своей щеке, чтобы соответствовать настроению, которое нарисовано на ее собственном лице.

— Ага, — говорю я, кидая корку арбуза в деревья.

Пен пожимает своими обгоревшими плечами, крутя между пальцами бенгальский огонек пурпурного цвета.

Облокотившись на сосну, полностью покрытую толстой корой, Риса прикрывает руками зажигалку и прикуривает от нее сигарету. Вспыхнувшее оранжевое пламя освещает ее лицо, и трясущийся кончик ее вредной привычки вспыхивает красным. Моя сестра выдыхает густую струю дыма, прежде чем кинуть серебряную зажигалку Зиппо в Пен.

— Я что хочу сказать: я попытаюсь смотреть за тобой, но ты же знаешь, мне и свои дела решать надо.

Когда Риса отдала нашим родителям свой аттестат, они пытались рассказать мне как учителя в высшей школе Кастл Рейн сестру, что не захотели с ней расставаться. Но я-то не идиот; Риса провалила двенадцатый класс, поэтому она снова будет учиться там же.

И теперь она будет супер старшекласница. А я буду обычным новичком.

От досады она выплевывает сигарету.

— Но в конце концов, вы есть друг у друга.

Я закатываю глаза, ожидая каких-нибудь комментариев по типу «не будь таким странным» от Пен, но она их так и не произносит. Она полностью поглощена бенгальской палочкой, рисует в воздухе мнимое колесо, высекая искры и безуспешно пытается раздуть пламя; желтые угольки отражаются в ее очках, обрамленных в голубое. Я предлагаю помощь и зажигаю новый огонек с первого раза.

— Все у нас будет хорошо, — отвечаю я сестре. Пенелопа танцует между нами с бенгальским огнем, мерцающим розовым цветом.

— Высшая школа, это совсем другое, Ди. Даже в этом говеном городке, — Темная зола падает с косяка. Риса томно закрывает глаза, и ленивая улыбка появляется на ее губах. — Я слышала, что школа в Ниа Бэй закрылась. И ходят слухи, что они перекидывают всех в Кастл Рейн.

Я зажег следующий огонек для Пен.

— И что? — спрашиваю я.

Моя сестра смеется.

— И что? Да эти ребята из резервации смутьяны, и с ними постоянно одни неприятности. Я даже не представляю, придется ли им это по душе. Каждый день, целый час ехать с родного города, чтобы добраться до школы. Вот так-то. Когда людям становится хорошо, правительство ломает семьи и рушит жизни. Вот почему я говорю плевать на администрацию. И я буду ходить в школу еще следующие пять лет, если захочу. Я ни у кого спрашивать не буду.

Пенелопа делает перерыв в рисовании звезд искрами, чтобы скосить глаза под линзами кобальто-синего отлива и крутит пальцем у виска, как будто Риса совсем ку-ку.

Запах скусна и мокрой травы тяжело повисает в воздухе, вытравливая аромат горячих углей и крема от солнца. У меня припасен еще один бенгальский огонек в заднем кармане брюк, но чем больше моя сестра затягивается, тем большую чушь она несет.

— Войны, — говорит Риса, понижая голос. — Они все там сговорились.

Я смотрю на Пен, она закрыла рот ладошкой, чтобы не рассмеяться.

— Какая еще война? — спрашиваю я.

— Все вместе взятые, — отвечает мне мисс «Паранойя». — Президент Клинтон распорядился начать Вторую Мировую -2.

Тлеющие угольки падают с ее сигареты, и она ждет моей реакции, выдувая своим ртом колечки из дыма. Я почти готов забросить Пен на плечо и унести отсюда, когда мистер «Ультимативная теория заговора» зовет свою дочь.

— Ты бы лучше не стояла с этим странным парнем, — грохочет мистер Файнел со своего двора, практически тряской отражаясь по земле под моими ногами. — Ох, парень, лучше бы тебе не слоняться тут вокруг моей девочки!

— Президент Клинтон и его подослал, чтобы испортить твою жизнь, — смеется моя сестра и сводит глаза в одну точку, когда очередной раз затягивает косяк.

Пенелопа бросает огонек и тушит его носком своей сандалии. Убирая свои затвердевшие от морской соли волосы с лица, девочка с обгоревшими плечами быстро подбегает и так же быстро чмокает меня в щеку, прежде чем испариться между деревьями без единого слова.

Я трогаю себя по щеке в том месте, где она оставила поцелуй. Жар растекается по моему телу, с кончиков пальцев на ногах, до конца каждой волосинки на голове.

— Теперь береги этот поцелуй, — говорит Риса. Она подмигивает, но выходит это двумя глазами сразу.

Так что, она просто моргает.

Мама и папа чуют запах Рисы за километр, и зовут нас на переднее крыльцо, подальше от соседской вечеринки.

— У тебя совсем никакого уважения к закону? — моя мама топает ногой. Ее светлые волосы подпрыгивают. — Тебе совсем наплевать на свои легкие? Тебе есть вообще до чего-то дело?

Рубашка моего отца с гавайским принтом в цветочек, застегнута на все пуговицы до горла, как будто он латиноамериканец на каникулах. Его очки держатся на кончике носа, когда он наклоняется ко мне и нюхает. Я делаю шаг назад с высоко поднятыми руками.

— Я не затягивался, — говорю я с улыбкой.

Моя сестра показывает мне фигу, и я сбегая со ступенек, чтобы сесть рядом с Пенелопой во влажную траву. Столы, стулья, барбекю и коптильни, все было убрано с улицы. Солнце садится, но в воздухе все равно парит густой запах лета. Пенелопа сидит босая, и ее грязные волосы убраны назад с лица и худой шеи.

Веснушчатые щеки горят красным, но на меня она не смотрит.

— Привет, — говорю я.

— Шшшш, — отвечает она. Пенелопа опускает свою руку ладонь вверх на траву между нами.

Все еще с ощущением поцелуя на моем лице от единственной дочери Уэйна, я наблюдаю как он мчится по улице с хлопушкой и зажигалкой. Улыбка на лице Пен расплывается еще больше, когда хлопушка вспыхивает как вулкан, разбрасывая серебряную и золотую магму в воздух. Все это свистит и подпрыгивает, взрываясь гаммой цветов, которая освещает уже темную улицу. Освещая белыми огнями лица моей семьи и Пен, все это так же быстро тухнет, как и начиналось.

Но мистер Файнел тут затем и есть, чтобы заменить эту хлопушку на другую, которая снова разрушает ночь вспышкой света. Между интенсивными ослепительными вспышками, я опускаю свою руку рядом с рукой Пен и немедленно чувствую тепло от того, что она так

близко сидит.

Мой пульс утихает синхронно с затиханием петард и начинает нарастать с новыми взрывами.

Пользуясь удачно выпавшими секундами темноты между взрывами новых огней, фонтанов и огненных кругов, я подползаю ближе к соседской девочке.

Наши мизинчики соприкасаются.

Мне не хватает воздуха.

В ушах звенит.

Перед глазами прыгают точки.

Красный, белый и голубой огни издают визжащий звук, когда поднимаются высоко в небо и меня уже не остановить. Я хватаю ее липкую и теплую руку с покусанными ногтями и переплетаю пальцы плотно вместе, и даже взгляд Фашиста не может мне помешать.

Глава 8

Пенелопа

— И как давно тебе грустно, Пенелопа? — спрашивает доктор женского пола в длинном белом халате.

Я снова перемещаюсь на кушетку, сминая белое бумажное полотенце под ногами. Мама смахивает слезы с глаз, которые так убедительно пытается спрятать, сидя в голубом пластиковом стуле в углу смотрового кабинета. Запах медицинского спирта жалит мой нос и висящие на стенах изображения океана в ярких цветах не спасают, я не чувствую себя лучше или спокойней.

— Ты должна говорить доктору правду, дорогая, — говорит мама, выдавливая улыбку. Она прижимает свою большую кожаную сумку к груди.

Я стреляю глазами по всей комнате, безуспешно пытаюсь найти точку, на которой можно сконцентрироваться. Стая рыб, подмигивающий осьминог и улыбающийся голубой кит — все глядят на меня, высмеивая мои тревоги с выражением счастья.

— Хочешь поиграть с моим стетоскопом? — спрашивает доктор Белый Халат пронзительно высоким голосом. У них с китом похожая улыбка.

— Мне почти четырнадцать, — мои ладони дрожат и грудь как будто полна жидкости.

Красно-лакированные губы вытягиваются в одну линию.

— Вы абсолютно правы, извините меня.

Я привыкла порой коротать время взаперти таких вот комнат, с тех пор как мне исполнилось пять. Каждый новый доктор, к которому меня водили, задает точно такие же вопросы, что и предыдущий. На них надеты одинаковые строгие халаты, они говорят с идентичными заботливыми нотками в голосе и каждый обещает излечить меня от нарастающей тревоги внутри.

Все они светят чем-то мне в глаза.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Так. Смотрите прямо, — говорит доктор Стетоскоп, наведя свой фонарик на стекла очков. От нее тоже пахнет медицинским спиртом. — Было бы немного проще, если бы вы сняли свои солнцезащитные очки.

Мое сердце уже проверяли бесчисленное количество педиатров.

— Нервничаете? — она приподнимает мое запястье и прощупывает пульс рукой, на

случай, что она не правильно послушала.

И, конечно же, в который раз, я становлюсь подушечкой для иголок.

— Нам нужно сделать несколько анализов крови, Пенелопа. Совершенно не нужно беспокоиться, как комарик укусит.

Мама туго держит мои руки, пока я кричу. Мне совсем не больно, но надо же слегка разработать легкие.

Каждый раз для теста Роршаха, мне показывают разные черные кляксы, но я даю всегда одинаковые ответы.

— А что вы видите здесь? — спрашивает доктор Белый Халат.

Она тяжело дышит своим маленьким носом, и ее короткая стрижка по уши, становится уродливее, чем дольше меня заставляют рассматривать кляксы.

Черная клякса на белой карточке выглядит почти как волосатая грудь моего отца, когда она мокрая, или как два человека, держащиеся за руки.

— Убийцу, — нечестно отвечаю я.

Мама шлепает ладонью себе по лбу.

Доктор Грибная Прическа опускает карточку и с раздражением переспрашивает:

— Что?

Пожимая плечами, я толкаю свои ноги дальше и еще больше сминаю бумажное полотенце под собой.

— Убийца.

— Вы видите... убийцу?

— Пенелопа, пожалуйста, только не начинай снова. Доктор Лаура здесь, чтобы помочь тебе, крошка, — мама, сидящая в уголке между дверью и машиной, измеряющей давление, умоляюще смотрит на меня круглыми глазами.

Точно такое же выражение лица появляется у нее каждый раз, когда меня тащат в кабинет с поддельным океаном на стене, чтобы изучать, тыкать и заваливать вопросами. Они разбрасываются такими словами, как: тревога, депрессия и беспомощность. Мое питание, сон и социальные привычки подвергаются вопросам, анализу и инспектированию.

— Сколько часов ночью вы спите?

— Вы кушаете, по крайней мере, три раза в день?

— У вас есть близкие люди вашего возраста?

Первый раз в жизни мне есть что ответить, но я вовсе не хочу разговаривать о Диллоне Декер. С моих губ не слетает ни слова о тех чудесных мраморных шариках, которые я храню по пять штук в каждом кармане, что были подарены мне на день рождения. Я не могу скрыть свое смущение, которое краской разливается по щекам, когда я думаю о том, каково это было держать в своей руке его теплую руку, но они никогда не узнают об этом. Мама рассказывает доктору Проныре о соседском мальчике, но когда она смотрит на меня, ожидания подтверждения своих слов, я не признаюсь, как была счастлива кататься на руле.

— Вы когда-нибудь пробовали алкоголь или наркотики?

— Приходят ли вам мысли в голову причинить себе вред?

— Вы живете половой жизнью?

Я скрещиваю руки на груди и начинаю рассматривать белый потолок сквозь оранжевые стекла очков, отказываясь вообще отвечать что-либо.

— Вы слышите голоса?

Только твой, думаю я про себя.

— Голоса когда-нибудь заставляли вас делать то, чего вам не хотелось бы?

Я оборачиваюсь к маме. Она сидит на краешке стула с отсутствием каких-либо эмоций на лице, и за ее головой, с роскошной копной темных волос, красуется морская черепаха. В то время, как я жду ответа матери этой мошеннице, о том, что я психически нормальна, замечаю жесткую позицию ее плеч, и почти отсутствие дыхания, до меня доходит, что женщина, которая подарила мне жизнь, скорее всего, верит в то, что за моей печалью стоит сумасшествие.

Когда наконец-то она решает говорить, то она говорит такое, чего я еще никогда не слышала прежде.

— С депрессией мы сталкивались в семье со стороны мужа, — говорит она, вздохнув. — Его мать и сестра обе страдают от этого, но столкнулись с этим уже в возрасте. Пенелопа же стала проявлять тревожные знаки совсем в раннем детстве.

Доктор «Дурацкое лицо» кивает.

— Психическое поведение, — продолжает мама медленно, — никогда раньше не беспокоило сильно, но у Пен есть навязчивые склонности. Моя дочь не спит по ночам и почти никогда не доедает полностью. Так как припадки депрессии стали появляться намного чаще, она пропускает много занятий в школе и естественно, страдает ее успеваемость.

Я почти начинаю кричать, только чтобы она замолчала.

— Учебный год начинается через три недели, и я переживаю, как она будет справляться со сложностями старших классов. У нее, конечно, всегда есть солнцезащитные очки...

Я ударяю кулаком по кушетке, и чувство закипающей жидкости в груди твердеет, и колючая паника медленно ползет по моим рукам вниз, к кончикам пальцев. Мои губы дрожат, зубы плотно сжаты и скрежещут.

— Пенелопа никогда не чувствовала себя комфортно среди незнакомцев. Когда она была малышом, она устраивала жуткие истерики при людях. Она ревела до потери сознания. Иногда, она билась обо что-то или колотила себя в грудь до синяков, потому что как она говорила — болит где-то внутри. Люди смотрели на нас, как будто мы монстры какие-то.

На лице у мамы отражается вся скорбь ситуации.

— Наблюдая, как синеет ее лицо от страха... Я все еще слышу ее крики, — она останавливается и задумывается на мгновение. — Спустя какое-то время, мы с мужем решили поочередно выходить на работу, чтобы дома с ней всегда кто-то был. Когда она пошла в садик, стало совсем очевидно как непривычно ей рядом с другими людьми. Истерики начались вновь, и практически постоянно мне приходилось быть в группе, чтобы она не плакала. Тем не менее, она не смогла адаптироваться и спустя месяц они хотели ее исключить.

Доктор Лаура передает матери коробку с носовыми платками, которую она взяла с собой, но так и не начала использовать.

— За день до того, как ее хотели отчислить, мой муж купил ей розовые солнцезащитные очки на заправке. Он сказал ей, что в них она невидима, и она поверила.

Я ударяю плотно сжатым кулаком по кушетке еще раз и начинаю трясти головой, точно зная, куда дальше пойдет разговор.

— Пенелопа, — начинает педиатр, — вы когда-нибудь рассматривали возможность сменить солнцезащитные очки на что-то, что бы вам реально помогло?

— Не-а, — быстро отвечаю я.

— Вы должны понимать, что скрываете настоящую проблему за своеобразной подушкой безопасности. Депрессия с годами становится хуже, а ваше самолечение, в которое вы верите, делает вас просто невидимой. Но я могу вам выписать то, что поможет устранить настоящие симптомы.

— Нет.

— Это не ваша вина и я могу помочь в этом. Одна маленькая таблетка перед сном и вы забудете про проблемы со сном навсегда. И в школе будет легче, потому что вы сможете сконцентрироваться на занятиях, так же лекарства заглушат боль в груди. Не нужно будет прятаться за очками, чтобы быть невидимой, Пенелопа.

Плотно зажмурив глаза, я перевожу свои мысли на единственного человека, с которым я не чувствую себя невидимой; концентрируюсь на доброте и заботе, которую дает мне Диллон. Постепенно сила, с которой я впиваюсь руками в кушетку, ослабевает. Мои легкие наполняются воздухом с очередным вздохом, и я чувствую, как расслабляясь, болит челюсть от напряжения.

Я смотрю, как доктор Лаура передает моей маме рецепт.

— Она лежит уже целую неделю, Соня. Да что с ней такое?

Отец только что зашел через переднюю дверь, а они с мамой уже успели поругаться. Его приглушенный голос следует через пол и по стенам, поднимаясь в мою комнату. Я слышу, как дверь кухни со стуком закрывается, подбрасывая мое напуганное сердце. Лежа на середине кровати и укутанная кучей одеял, я слушаю, как они спорят, не переставая вот уже семь ночей подряд.

— Вот-вот начнется футбольный сезон, и команда нуждается во мне. Я не могу быть дома целый день. Ты здесь, так води себя как взрослый человек, заставь ее подняться, — лает отец, хлопая ящиком, где лежат столовые приборы. Вилки, ножи и ложки, из чистого серебра, соприкасаясь, гремят. Этот звук проникает даже в кости.

Обычно говорящая в спокойном тоне и не спорящая мама, говорит на повышенных тонах, почти кричит и немного позже, я слышу звук разбивающегося стекла. Я силой заставляю себя подняться из-под давящих сверху нескольких фунтов и перекидываю свои онемевшие ноги на край кровати. Голова такая тяжелая, что я еле держу на своих худых плечах, и позвоночник вот-вот поломается под тяжестью веса моего тела.

— Речь не о маленькой девочке, которая думает что она невидимая, Уэйн. Ей нужно лечение, а не солнцезащитные очки! — кричит мама. Снова звук разбитого стекла.

Встав перед дверью спальни, с шатающимися коленями и стучащими зубами я шагаю — но каждый шаг дается мне еще тяжелее, чем предыдущий. Ощущения такие, словно пол сейчас разойдется, и я провалюсь вниз. И ли стены упадут и погребут меня, но я успешно дотягиваюсь до позолоченной дверной ручки и поворачиваю ее.

Свет с первого этажа освещает темный коридор. Я не решаюсь покинуть комнату, но с открытой дверью я слышу родителей намного отчетливее.

— То, что происходит с нашей дочерью — очень серьезно, — продолжает мама. — Она меня пугает, Уэйн.

Чем дольше я стою на ногах, тем тяжелее мне становится. Тяжелые плечи опускаются и на верхней губе образуются капельки пота. Голова пылает как будто в жаре, делая мои грязные волосы еще более сальными. Выдохшиеся легкие работают так, как будто они зажаты в маленьком пространстве. Как и ребра, которые вдруг резко сжимаются. Стараясь

не свалиться, я наклоняюсь к дверному проему и впиваюсь пальцами ног в бежевый коврик.

— Медицинские препараты не обсуждаются. Она слишком молода, — говорит отец с финальной точкой в голосе.

Резкий и колкий запах жареного лука скручивает мой пустой желудок. Слюна наполняет рот, скапливаясь под языком, когда челюсти сводит так, что в глазах появляются слезы. Отец режет только что прожаренный стейк, скрипя вилкой и ножом по голубой тарелке, которую он всегда использует, я знаю. Он ест из нее каждый вечер.

— Но, а вдруг это поможет сейчас? — спрашивает мама. Разлетаясь на мелкие кусочки, стакан падает к ее ногам на пол.

Тишина звенит в моих ушах, поэтому я отхожу назад в свою темную комнату и закрываю дверь с небольшим щелчком. Скользя под одеяло на кровать, я успокаиваюсь, потому что только это средство помогает мне справиться с горькой виной, которая пожирает меня.

Я игнорирую своих жизнедателей, когда их ссора разгорается снова. Встаю и раскрываю занавески цвета сливы. Сквозь каждую горящую звезду в небе и белую луну, блестящую над Кастл Рэйн, я вижу Диллона, который смотрит на меня, как будто это вовсе не ночь, а белый день.

Единственный мальчик, который держал меня за руку, слегка улыбается и прижимает ладонь к стеклу. Представляя, что его пальцы переплетены с моими, я прижимаю руку к холодному стеклу, и пытаюсь улыбнуться, чтобы он знал, что я скучаю по нему.

Но я не могу.

Все что мне удастся, это слезы.

Глава 9

Диллон

— Они не чересчур большие и не слишком маленькие, они идеальной формы. Вот эта родинка в форме снежинки слева, моя самая любимая, и мне нравится, что они не висят. Я видела некоторые, которые прямо болтаются, и это ужасно. Твои, абсолютно точно мне нравятся.

Риса и Кайл сидят напротив друг друга. Моя сестра массирует «идеальные» мочки уха моего друга, зажав их между подушечками своих разрисованных пальцев, а тот, с раскрытыми от восхищения глазами и красным лицом, кушает эту лесть.

— Тебе сколько лет? — Риса еще ближе пододвигается к моему другу; их коленные чашечки соприкасаются.

— Мне только исполнилось четырнадцать, — отвечает он не моргая, уставившись на разукрашенные губы сестры, напоминающие фиолетовый леденец. — Мне будет пятнадцать через одиннадцать месяцев.

Эта девушка, с которой я делю ДНК, убирает прядь своих светлых волос с глаз Кайла, прежде чем прислоняется кончиком своего носа к его.

— Между нами всего лишь пять лет разницы, — говорит она. — Тебя когда-нибудь целовали, мальчик?

Он резко вдыхает воздух и быстро мотает головой в знак отрицания.

Это последние выходные лета, которые пробежали ну очень уж быстро, и мы

растягиваем последние оставшиеся секунды вместе. Когда Файнелы и мои родители упомянули о совместном ужине, мы с Пенелопой убедили их оставить нас дома под присмотром Рисы. С тех пор, как он наградил меня «парень, ты считаешь меня дураком?» взглядом, и подразнил несколькими упаковками арахисового M & M's, который я получал за улыбки Пен (я все еще их считаю), он наконец-то согласился оставить нас вдвоем дома.

Кайл приехал на велосипеде, когда еще Крайслер Файнелов разворачивался, выезжая на дорогу, и теперь мы вчетвером сидим полукругом в душной спальне моей сестры, с горячей коробкой ладана. Курит только Риса, но моя голова будто в тумане и рот, словно набит ватными шариками.

Пенелопа положила голову на мое плечо, и туго переплела пальцы с моими, что я слышу стук ее сердца между костяшками. Она запрокидывает свою голову назад, показывая мне полусонные веки, и красные от усталости глаза, под круглыми очками.

— Ты когда-нибудь целовался? — шепчет она, говоря уголком рта, как всегда это делает.

— Так, перестань, — шутливо говорю я, слегка пихая ее локтем.

Риса отодвигается от мальчика с идеальной формой ушей и подносит к губам пахнущую цитрусом траву, обернутую специальной бумагой для курения. Конец косяка вспыхивает красно-оранжевым огнем, и я ощущаю, как взлетает мой пульс и до смеха щекочет небо во рту.

Наша нянька выпускает густой поток серо-белого дыма прямо в лицо Кайлу, но и мы с Пен, вдыхаем дым аж до помутнения разума. Вкус такой же приятный, как и сам запах, и я поворачиваюсь к девочке, которая сидит рядом со мной, чтобы лизнуть вкус с ее губ, как с конфеты.

— Можно мне попробовать? — спрашивает она. Пенелопа сидит прямо, немного повернувшись к Рисе.

Ее длинные каштановые волосы выросли еще больше за летний период, который Пен в основном провела в постели. Концы волос не ровные и окрашены в другой цвет, а кудряшки, которые всегда подпрыгивали, когда мы мчались между деревьев или прыгали по песку на пляже, теперь висят плашмя и спутаны. Ее руки намного худее, чем они были на Четвертое Июля и когда снимает свои очки, под ее глазами я различаю фиолетовые синяки, от недосыпания.

Когда она тянется за пагубной привычкой моей сестры, от худобы видно как выпирают кости на ее локте. Тонкие пальцы делают такой жест, как будто она знает, зачем тянется, как будто даже знает, как это держать.

— Я не знаю, Пен. Твой папа меня убьет, — говорит Риса, отодвигаясь от Кайла, чтобы сесть прямо. Она прогибает спину и прячет то, что осталось от косяка в своей руке.

— Да он не узнает, — настаивает мисс любопытство. Подползая на тощих коленях, Пенелопа усаживается перед нашим наблюдателем. — Я просто хочу понять как это... один разочек.

Появляясь над моей правой бровью, капельки холодного пота, падают на заднюю часть моей горячей шеи, и потолок в этой прокуренной комнате вдруг рушится на меня. Я убираю свои грязные волосы с лица и проклиная воздух, который не должен был вдыхать, переживая по поводу ее легких.

— Все это должно остаться между нами, — говорит моя сестра, когда передает свою зависимость девочке, которую я еле уговорил подняться с утра.

Мы с Кайлом обмениваемся быстрыми взглядами; его глаза красные, круглые и такие же любопытные, как и у Пенелопы.

Однажды в прошлом учебном году, к нам в класс заходил полицейский с огромными накачанными руками и очками, в которых все отражалось как в зеркале, и наставлял об опасности курения марихуаны.

— Это так называемые наркотики-ворота, — говорил он, раздавая всем наклейки на бампер с надписью D.A.R.E (образовательная программа по сопротивлению к употреблению наркотиков), которые мы потом наклеивали в туалетах школы. — Травка это самый первый путь к разрушенным мечтам и к жизни на мостовых.

Жизнь бездомного, это последнее что приходит мне в голову, когда Пен во все глаза смотрит на то, что только что приняла в себя. Завороженная дымкой, которая напоминает ленты, она отодвигает косячок и увлеченно смотрит на дымящийся кончик, прежде чем уголок ее рта приподнимается в улыбке.

Она прикасается губами к дрожащему кончику и вдыхает, закрывая глаза, как она всегда делает.

Плотно гранича с безумием, я наблюдаю, как ее розовые губы плотно окружили те самые ворота к несбывшимся желаниям и мечтаю, чтобы это были мои губы, которые она целует. Пенелопа выдыхает, ни разу не кашлянув, и я быстро вдыхаю то, что она выпустила, медленно пропихиваясь поближе, чтобы собрать все.

— Хочешь попробовать? — она снова облизывает свои губы.

Мое сердце глухо стучит, отдаваясь практически в каждом месте пульса на теле. Воздух вибрирует, и потолок снова возвращается на то месте, где он был прежде.

— Давай со мной вместе, — предлагает Пен, держа «жизнь на мостовой» передо мной.

Она глупо улыбается и «давай, давай».

Эх, никчемные уроки, нам преподали копы в один из школьных дней. Я курю то, что мне дала Пен, чтобы почувствовать то же, что почувствовала она; но закашливаюсь, потому что мне далеко до естественного мастерства Пен. Кайл берет то, что осталось из моих пальцев и стряхивает остатки в косяк, который Риса снова скручивает. И мы снова передаем его по кругу, пока он не догорит. А потом мы без устали смеемся.

Мы с Пенелопой держимся за руки и сдуваем волосы с лица друг друга. Я поднимаю ее солнцезащитные очки на голову, отказываясь смотреть на нее через розовые стекла.

— У меня лицо онемело, — говорит она.

— А я чувствую стук сердца в мозгах, — говорю я.

— А у тебя есть мозги? — говорит мой комик.

Дым уходит из комнаты через зазор в окне, и последний день лета перерастает в последнюю ночь. Лежа плечо-к-плечу на полу в ванной, Пенелопа и я рассматриваем коллекцию постеров местных банд, подписанные долларовые банкноты и порванные этикетки от ликера, прикрепленные к потолку, пока Риса и Кайл разговаривают шепотом. Когда наступает тишина, мы решаем посмотреть, чем они заняты.

Моя сестра целует моего лучшего друга.

— Что за...

Губы Пен прижимаются к моим.

Слегка облокотившись на меня, Пенелопа держит мое лицо в своих дрожащих руках и дотрагивается своим плотно сжатым ртом моего расслабленного. Наши носы слегка

ударяются и я почти уверен, что поранил зубами кожу, так как ощущаю вкус крови, но она дарит мне поцелуй.

Она медленно дышит... и намного отважнее меня.

Смелый язычок проникает в рот, и я пытаюсь приподняться, но Пенелопа толкает меня обратно на пол. Моя голова ударяется о ковер, но мы не отрываем губ друг от друга. Мы раскрыли губы еще шире, водя языками по небольшому кругу внутри, и первый раз целуемся, смотря друг на друга и держась за руки.

— А она похорошела за лето, — говорит Роджер Моррис, кивая на девушку, которая целовала меня прошлой ночью в ванной комнате моей сестры.

Единственный курс, на который мы ходим вместе, это биология первого периода, и потому что Пен опять еле встала этим утром, мы мчались в школу как угорелые. Мы не можем сесть рядом, потому что прилежные ученики, которые пришли в класс вовремя, уже заняли места. Мы же сели туда, где было свободно.

Я поглядываю сквозь лабораторию, где Пен сидит рядом с Матильдой Типп. Прячась за парой очков в красной оправе, она и подружка Герберта сравнивают расписания.

— Это ты о чем? — спрашиваю я, прикидывая, сколько придется заплатить Матильде за обмен местом, надеясь, что потяну эту сумму.

— Ее сиськи, друг. Странная девчонка отрастила сиськи, и они достаточно большие.

Голова затуманивается, и я уже не думаю. Я действую.

Бью локтем Роджера Морриса по лицу. Его нос хрустит от удара, и он падает на пол, выбивая из-под себя стул, и толкая стол на ребят, которые сидят впереди нас. Весь класс смотрит, пытаюсь понять что произошло. Пенелопа встает со стула, прижимая руки ко рту в состоянии шока.

Теперь я их вижу.

Сиськи.

Преподаватель, чье имя я пока что не знаю, тащит меня вон из лаборатории за воротник и сам лично провожает до кабинета.

— Всегда найдется кто-то, который обязательно устроит это в первый день школы, — говорит он, толкая меня на деревянный стул перед дверью с табличкой «Директор».

Кабинет администрации высшей школы небольшой, полностью загруженный снующими туда-сюда школьниками, желающими изменить свое расписание и учителями, с бумажными стаканчиками из которых пахнет несвежим кофе и зажатыми папками под мышкой, жалующимися на новый учебный год.

Я наблюдаю за входом как ястреб, ожидая, что сейчас с большей вероятностью ворвется тот самый преподаватель, о груди, чьей дочери, я не могу перестать думать. Не теперь, когда я ее заметил.

— Парень! — кричит Уэйн, шагая, как я и предполагал, позади своей дочери и ее нового поклонника.

Смотря в пол, мне слишком стыдно, что бы смотреть в лицо Пенелопе или ее отцу, особенно когда Пен начинает смеяться.

— Ничего нет ненормального в том, что бы защитить честь девушки, — вещает Тренер Файнел. Его спортивные ботинки появляются в поле моего зрения. — Расскажи, что произошло.

Я трясую головой, но все же поднимаю на него глаза. Он держит пакет M &M 's и все, что

я могу видеть, это желтая упаковка.

— У Пенелопы есть грудь, — бормочу я.

— А-а? Говори яснее, парень. Я ничего не понимаю.

Та самая девочка, которую я ужасно хочу поцеловать снова, стоит позади своего отца с кривой улыбкой на губах, и мои глаза опускаются с губ на ее круглую грудь.

И я просто говорю это.

— У Пенелопы есть грудь!

Глава 10

Диллон

— Мы должны поговорить, — говорит отец, кладя обе руки на стол. — И я буду с тобой откровенен.

Сидя напротив отца в его кабинете, я закидываю голову назад и смотрю вверх на встроенный в потолок вентилятор, который кружит и кружит, кружит и кружит без устали; позолоченная цепочка включения механизма звякает по стеклянной лампочке. Прохладный, крутящийся воздух освежает мое разгоряченное лицо. Сегодня суббота и мы с Пенелопой провели весь день в постройке песчаных замков на пляже и поедании черничных ледяных рожков.

— Я не хочу занимать слишком много твоего времени сын, но мама получила очень интересный звонок по телефону, пока ты был на пляже с девочкой Файнелов. После ээм, — он кашляет, — того не простого случая в первый день школы, становится ясно, я слишком долго откладывал этот урок.

— Что? — я выпрямляюсь и с вниманием смотрю на него.

Отец двигает свои очки в серебряной оправе глубже на нос и прочищает горло.

— Так... кто-то сегодня видел, как ты поцеловал Пен и позвонил нам, чтобы мы были в курсе.

— О! — вжавшись в свой стул, я глотаю готовое выпрыгнуть из горла сердце, и перевожу взгляд на ноги.

— На следующей недели тебя исполняется четырнадцать, поэтому то, через что ты сейчас проходишь абсолютно нормально. У меня было, то же самое, в твоём возрасте.

Мои щеки горят обжигающе-красным.

— Я хочу извиниться перед тобой, если ты чувствуешь себя одиноким в этих изменениях, Диллон. Мы с мамой всегда здесь для тебя, и я более чем уверен, что Риса может ответить на любой твой вопрос касательно тела, если тебе неудобно или не комфортно обращаться к нам. Она девочка, но она очень хорошая сестра и прошла свой пубертатный период в раннем возрасте, кстати говоря.

Кажется, «Дантист» впал в небытие, выражение лица стало пустым, а его мысли сейчас где-то далеко. Как будто он заново переживает тот неловкий случай, когда он оказался совершенно беспомощным, когда у моей сестры впервые пришли месячные.

— Папа, все ок. Мы можем не разговаривать на эту тему, — говорю я, готовый слинять из комнаты.

Он наклоняется ко мне, опрокидывая карандашницу в форме резца. Желто-оранжевые карандаши номер два вылетают и катятся к краю стола. Глядя на меня через стекла очков,

мой отец делает знак приблизиться к нему.

— У тебя уже начали расти волосы в странных, как тебе может показаться, местах? — шепчет он, как будто кто-то кроме нас может это услышать.

Схватившись за деревянные ручки кресла, я закрываю глаза и мечтаю полностью слиться с коричневой кожей в трещинках. Жар распространяется по щекам, ползет вниз на шею, ниже по локтям и затаивается в кончиках пальцев.

Только на прошлой неделе Пенелопа подняла свою руку передо мной и Рисой и, указав на подмышечную впадину, рассмеявшись, сказала:

— У меня наверное, никогда не вырастет достаточно для бритья.

Моя сестра пыталась уговорить ее оставить в покое пару несчастных волосинок, но Пен выщипала их и, загадав желание, сдула с ладони. Я подумал, что не стоит демонстрировать ей свои места, где за прошлый год я отрастил волосы.

— У тебя бывают какие-то не совсем нормальные мечты? Как реагирует твое тело, когда ты думаешь о девушках? О Пенелопе? Ты ничего не хочешь мне рассказать?

Когда я не отвечаю, слишком смущенный, чтобы произнести хоть что-то, отец выдвигает самый верхний ящик из черного шкафа для хранения документов, стоящего за столом из красного дерева, и вынимает небольшую пластиковую модель, которая напоминает нижнюю часть женского тела.

— Ты намного смысленнее многих детей твоего возраста, Диллон, поэтому я не буду принижать твои умственные способности, доставая также модель мужской репродуктивной системы. Как ты можешь себе представить, она такая же, как и твоя.

Он разворачивает анатомическую модель на другую сторону, чтобы показать мне то, что находится внутри, и я почти кричу.

— Это женская репродуктивная система, сын. Может быть, я всего лишь дантист, но технически, я медицинский сотрудник. В течение следующего часа или чуть больше, я собираюсь объяснить тебе, что конкретно все это значит. Это важно, когда ты готов для занятий сексом...

Вскакивая на ноги, я, заплетаясь и почти падая из-за не зашнурованных ботинок, вылетаю из двери кабинета. Я перепрыгиваю через две ступеньки, пробегаю мимо сестры, которая заходит домой и убегаю прочь.

— Как поговорили? — спрашивает она саркастическим тоном, когда я наматываю круг у дома.

Спустя месяц, после того как я врезал Роджеру, я все еще привыкаю к изменениям Пенелопы. Ее репродуктивная система намного больше того, с чем я могу справиться. Уэйн бы просто свернул мне шею, только лишь зная, что я видел, как выглядит пластиковая версия репродуктивной системы.

— Парень! — «анатомический фашист» зовет меня так, как давно выбрал.

Между нашими домами нет никакого забора, поэтому он достает меня через траву перед деревьями, которая разграничивает наши дворы. Глубокое звучание его голоса меня пугает, и я путаюсь в своих болтающихся шнурках прежде, чем свалиться лицом в землю. П ролетая достаточно приличное расстояние, чтобы оставить пятна от травы на своей белой футболке.

— Что? — отвечаю я ртом, полностью набитым одуванчиками.

— Сколько сегодня улыбок? — спрашивает тренер Файнел, ничего не подозревающий о погружении в грязь, которое я только что испытал.

Вытирая частички травы со своего рта, я сажусь и произношу:

— Сбился со счета после пятидесяти семи.

«Кинг — Конг» кивает, стоя в двери и возвращается в дом.

— Ты задолжал мне кучу конфет, старичок, — бормочу я из последних сил, вставая на ноги. — Плати давай, простофиля.

«Ворчащий фашист» внезапно появляется и говорит:

— Ты что-то сказал, парень?

Я отрицательно качаю головой и растворяюсь между соснами, чтобы найти девочку в солнцезащитных очках в форме звезд.

Пенелопа по лодыжки в свежей грязи, танцует под яркими солнечными лучами, которые мерцают там и тут через зазоры между ветвями деревьев. За ее ухо заткнут какой-то дикий цветочек и сухие грязные комья по всей длине ног. Раскачиваясь вперед-назад, выкидывая свою ногу высоко вперед и затем, назад, единственная девушка, из-за которой я вижу странные сновидения, машет мне рукой с улыбкой на все лицо, которая угрожает захватить целый мир.

Я скидываю свои ботинки и носки и в пару прыжков оказываюсь позади нее, разбрызгивая жидкую грязь выше наших голов. О пускаясь на нас, словно плотный водопад, грязь приземляется нам на головы, на лица и поверх очков-звезд, ослепляя ее.

В ритме нашего возбуждения, покрытые илом и пятнами от травы, мы подпрыгиваем вверх и вниз, разбрызгивая пропитанную водой землю между стволов деревьев и замшелых скал. Пен визжит, я кричу, птицы спасаются бегством, а белки удирают врассыпную. Мы наступаем на пальцы друг друга и ударяемся головами, но ничего не может нас остановить от этой веселой затеи.

Тряся головой назад и вперед, ее «невидимость» скрывает болезненность под грязновеснушчатым лицом, и грязь стекает с кончиков ее волос. Я наблюдаю за ее танцем; за всей ней, покрытой почвой; свободной от всего, за чем она пряталась. Я понимаю, что прошло уже две недели, с тех пор как уговорил ее подняться с постели и пойти в школу. Вот уже четырнадцать дней, как она ходит в школу, и сейчас я впервые за все время вижу ее такой счастливой.

Большие карие глаза поднимаются на меня, и Пен обводит свои руки вокруг моей шеи, замыкая круг. Она шепчет, едва касаясь грязными губами моего уха.

— Я такая счастливая рядом с тобой.

Глава 11

Диллон

Перебирая кучу одежды на полу ее спальни, я нахожу чистые трусы в одной стопке и левый ботинок в другой. Я хватаю рубашку из шкафа и кидаю все это на кровать.

— Пенелопа, — говорю я, открывая занавески, чтобы пустить света в комнату. — Ты должна встать.

Она выглядит такой маленькой под множеством одеял, одетая в такую же пижаму, в которой была вчера утром. На лице линии от подушки, и волосы прилипли к ее потрескавшимся губам. У этой девочки едва хватает сил, чтобы поднять руку и отмахнуться от меня.

— Уходи, — бормочет Пенелопа.

Я стягиваю одеяла подальше с тела, надеясь, что немного свежего воздуха и витамина D заставит ее подняться.

— Давай же, я собрал тебе одежду. Где расческа? Я помогу собрать волосы.

Подойдя к проигрывателю, я включаю последний трек на диске и просматриваю комод на предмет солнцезащитных очков, пока непонятная музыка и неуклюжие аккорды гудят из маленьких динамиков.

— Выключи это, — стонет мисс сонливость, накрывая голову подушкой.

После того, как мне удастся выбрать голубые очки в круглой оправе, подходящие под рубашку, которая, надеюсь, ей понравится, я рывком забираю подушку из-под ее головы и еще раз, любезно, прошу ее покинуть кровать.

Она садится, но мое сердце проваливается куда-то в желудок, когда ее печальные глаза через силу открываются и смотрят на меня.

— Неужели ты еще не понял, Диллон? — говорит она, пытаясь держать свою голову ровно. — Тому, что ты у меня единственный друг есть причина. Неужели ты до сих пор не догадался?

Я кидаю очки на прикроватную тумбочку и говорю:

— Но сегодня наш день рождения.

Пен валится обратно на свой матрас и скрывается под темнотой лоскутного покрывала.

— Уходи из моей комнаты.

Глава 12

Пенелопа

Мама врывается в мою комнату, пуская с собой свет из коридора, который сильно жалит мои, едва открывшиеся глаза. Я скидываю одеяла, пропитанные моим потом, но никак не могу себя заставить подняться с постели. Кажется, что мышцы на руках и ногах отлиты из цемента, а мои кости — это металлические трубы.

— Мы не можем так продолжать. Я договорилась о пропуске школы на сегодня, но завтра они ждут тебя в классе.

— Оставь меня в покое, — говорю я, закрывая лицо руками.

— Не в этот раз, Пенелопа, — отвечает мама. Нежный звук ее голоса ласково звенит где-то внутри меня, но когда она убирает волосы с моего лица, я уворачиваюсь от ее руки.

Пытаясь слиться с кроватью, я крепко держусь руками за фиолетовую простынь и плотно сжимаю глаза, чтобы не заплакать. Воздух мучительно давит своим весом. Как бы я сильно не хотела маму рядом с собой, но звук ее шагов по ковру сильно отдается в моей тяжелой голове.

Неделю назад мне исполнилось четырнадцать, а я так и не задула свечи на торте.

— По крайней мере, прими душ и спускайся ко мне. Мы можем весь день провести сидя у телевизора, но ты не можешь больше оставаться в этой комнате.

Уткнувшись лицом в матрас, я подтягиваю свои ноги под живот и сворачиваюсь в комочек. Каждый волосок на моей голове болит, и я еле дышу.

— Ты не понимаешь, — кричу я в ответ. Горячие слезы проникают в мягкий хлопок подо мной. — Никто не понимает!

Вместо того, что бы уйти из комнаты, как она обычно делает когда я ору, мама дергает за концы штанин моей пижамы и за кофту пижамы. Мама пытается снова дотронуться до моего лица, но я быстро и болезненно перекатываюсь на другую сторону.

— Я встану попозже, — лгу я. — Дай мне еще поспать.

— Нет, ты достаточно спала.

Мама обхватывает толстыми пальцами мои запястья и тянет меня вверх. Темнота, которая уютно обустроилась внутри моего тела и души, шипит и рычит, отдавая болью в конечностях, и выталкивает воздух из легких, который выходит из моего рта как пронзительный визг. Я пытаюсь вырвать руку из крепкой хватки, но она еще крепче сжимает ее.

— Больно же, — кричу я, пытаюсь дотянуться до деревянной спинки кровати в изголовье, прежде чем она окончательно поднимает меня. — Хватит.

— Скажи, где больно, — вопрошает леди, которая носила меня в своем животе девять месяцев, и слезы катятся с ее круглого лица. Она не прекращает попытки стащить меня с единственной вещи в этом доме, от которой мне комфортно.

Мои ноги достигают ковра, и пальцы соскальзывают со спинки кровати. Я впираюсь ногтями в руку матери, когда полностью съезжаю с матраса. Кричу до той поры, пока вся комната не начинает трястись, и страх того, что нужно ее покинуть, разрывает мне сердце.

— Да везде! — кричу я. — Мне везде больно.

Я падаю на попу и использую вес своего тела, чтобы задержаться на полу, крича и брыкаясь, не желая идти куда-либо. Бессилие тянет мою голову назад, и я пытаюсь укунить маму за пальцы, пока она тащит меня по полу за шиворот пижамы.

— Пожалуйста, мама, пожалуйста. Ты не знаешь как мне ужасно, — говорю я, давась словами, давась этой жизнью.

Она не отвечает, пытаюсь поднять меня в коридоре, где я плотно упираюсь в стены, сшибая школьные фотографии в рамках, свадебные снимки и деревянное распятие. Мои грязные волосы прилипли как попало к мокрому от слез лицу, а подушечки пальцев болят от ударов по стенным карнизам. Грубое хлопковое волокно врезается в мое горло и меня вталкивают в ванну. Вода в душе уже бежит и небольшое пространство ванной комнаты все в пару.

— Успокойся, Пенелопа, — нежно шепчет мама, подпирая меня сзади и подталкивая к раковине. Она обнимает меня, прижимаясь телом, крепко удерживая, чтобы я не развалилась на куски.

Я трясусь головой вперед-назад, плотно сжав зубы, всей душой ненавидя каждое ее прикосновение, хотя они помогают немного облегчить боль.

— Я не могу дышать, — говорю я, втягивая воздух, который никак не может пробиться в мои легкие через рот.

Мои губы дрожат. Подушечки пальцев онемели. Перед глазами плавают пятна.

— Я умираю, — говорю я, чувствуя, как сильно бьется сердце, будто сейчас взорвется и выпрыгнет из груди.

— Да нет же, малышка, — уверяет она, добираясь до задней части пижамы и кладя ладонь на голое тело. Она растирает спину руками, нашептывая мне в ухо, как сильно она меня любит. — Я бы никогда не позволила тебе умереть.

Мама помогает мне подняться в ванную и лезет туда же за мной, не снимая одежды. Злобно прижимает меня к своей мягкой груди, отодвигая мои мокрые волосы с лица и

шеи. Мои рыдания успокаиваются и превращаются в икоту и дрожащие вздохи, а теплая вода понемногу «размораживает» пальцы ног и рук. Пока мы сидим под проливным душем, моя мамуля снова и снова говорит мне, что все будет хорошо.

— Так будет не всегда, Пен.

Я ей не верю.

Защищенная парой солнцезащитных очков с зелеными стеклами, с волосами влажными у корней и почти сухими на кончиках, и желудком, болящим, от принятой пищи впервые за несколько дней, я жду. Мы с мамой простояли под бегущей водой, пока не замерзли, а когда вышли из ванной, она не позволила мне вернуться в комнату. Отрезанная от одного безопасного места, я жду другого, который скоро вернется домой со школы.

Сижу босая, на крыльце Декеров, ловлю солоноватый воздух, доносящийся с океана, который всего лишь в паре кварталов отсюда. Листья на деревьях начали менять окраску на желтую с первым холодным ветром. Теплое солнце конца сентября ласкает мою чистую, пахнущую кокосом кожу. Чувство такое, будто я застряла в плотном пузыре, и смотрю на окружающую действительность оттуда. Но я не чешусь в панике, и мое сердце бьется в нормальном ритме.

Отец не позволяет мне пить лекарства, которые мне прописали, но мама говорит, что если пить не часто — то не страшно.

— Это будет секрет, договорились? — говорит она прежде, чем я кладу белую таблеточку на кончик языка.

Когда очертание фигуры единственного мальчика, который так много значит для меня, появляется в конце улицы, я прикрываю яркие солнечные лучи рукой, чтобы видеть, как он идет ко мне.

Пульс начинает учащаться.

Когда я ставлю ступню на деревянную ступеньку, сухое дерево раскалывается и впивается в мою мягкую кожу. Я встаю, чтобы он смог меня увидеть, поднимаю руку и интенсивно машу, морщась от боли в теле, после последнего приступа и нескольких дней проведенных в постели.

Диллон от неожиданности останавливается, не дойдя семь домов до меня, щуриться от дневного света, который ярко играет в его темно русых волосах, и смотрит на меня. Каждый раз, когда я его вижу, он становится выше, как будто растет каждую секунду, когда мы не вместе.

— Странный соседский парень, вон как растет, — сказал отец на прошлой неделе, заметя это тоже. Он, пытаясь, попил молочно-шоколадный протеиновый коктейль и затем добавил: — Но я все еще могу наподдать ему.

С высоко сидящим рюкзаком на плечах и развязанном шнурке на правом ботинке, широко улыбаясь, он начинает бежать весь оставшийся путь до дома. Чем быстрее он приближается, тем лучше было видно, что мягкие черты его мальчишеского лица стали острее, и футболка с какой-то музыкальной группой, которую он надел в первый день в школу, тогда была ему впору, а теперь мала.

Вовсе не запыхавшийся от пробежки, Диллон замедляется перед своим домом и идет через всю лужайку, трясая головой, чтобы его длинные волнистые волосы легли на место.

— Где твой велик? — спрашиваю я, ступая на асфальтированную дорожку.

Он переводит взгляд своих зеленых глаз на меня; очертание его фигуры не четкое, от

солнца которое светит мне в лицо.

— Два велосипеда были украдены на этой неделе из школы, поэтому я не катаюсь, пока ты не присоединишься ко мне. Я слышал, что это были парни из резервации, — говорит он, почесывая место над бровью.

Я чувствую, какой тяжелой вдруг стала голова, и хочется закрыть глаза. Я сажусь на ступеньку и глубоко вздыхаю.

— Все хорошо? — спрашивает Диллон, подходя ко мне ближе.

Я трясую головой, борясь со слезами.

— Есть кто дома? — он встает на крыльцо позади меня своими грязными, запачканными ботинками и кивает на переднюю дверь.

— Не думаю, — говорю я.

У дома ни одной машины, и Риса еще не вернулась со школы.

Мистер «сама заботливость» протягивает руки ко мне и говорит:

— Пойдем.

Диллон следует за мной, когда я вхожу к нему домой и поднимаюсь по лестнице, медленно, шаг за шагом.

— Если ты упадешь, то я тебя поймаю, — говорит он, даже не догадываясь, как горько отдаются эти слова в моей душе.

Я видела его комнату только через окно, но когда распахиваю дверь, сладкий, наполненный запахом мыла аромат комфорта обволакивает меня, подавляя боль в животе, и скованность плеч ослабевает. Я глубоко вдыхаю через нос и не выдыхаю, пока не чувствую облегчения в напряженных глазах.

Этот простой мальчик имеет такую же простую комнату. В отличие от моей, на полу нет не единой кучи грязной одежды. Кровать заправлена, а на стенах лишь пара картин в рамах.

Следуя через всю комнату к двуспальной кровати, я залажу под уютное темное синее одеяло, снимаю очки и укладываю голову на плоскую подушку. Бросая портфель и сняв обувь, мальчик, в чью кровать я только что вторглась, закрывает дверь и задерживает занавески. Комната погружается в темноту.

Он сидит в ногах и спрашивает:

— Почему ты плачешь, Пенелопа?

— Потому что мне грустно, — отвечаю я, позволяя этой «никогда не проходящей» грусти просочиться в его красную наволочку.

Немного сутулясь, он кивает, прежде чем говорит:

— У тебя депрессия?

Старые пружины кровати скрипят под тяжестью наших двух тел, и мне никогда в жизни не было так комфортно. Когда усталость опускается на веки, теплые слезы продолжают катиться по лицу. Но я не нахожу в себе сил, чтобы испытывать стыд или облегчение, от того, что Диллон, наконец-то раскрыл мой секрет.

Отец все не правильно понял. Соседский мальчик не чудак, это я...

— Да, это так.

Меня будит отец, своим щекочущим от бороды поцелуем в лоб. Когда я открываю глаза, он возвышается надо мной и говорит мягким шепотом:

— Ты еще слишком молода, чтобы проводить ночи с мальчиками, дорогая.

С начала, я не могу понять, где я. Глазами изучаю комнату. Когда папа вынимает меня из теплых одеял, я замечаю Диллона, спящего на полу рядом с кроватью и вспоминаю наш короткий диалог, и как было приятно, завернуться в его одеяла.

Хочу сохранить это ощущение и тянусь за уголком темно синего стеганого одеяла. Беру его с собой, пока мой отец перешагивает через мальчика, который прикоснулся губами к моему лбу, прежде чем заснуть.

Убаюканная в руках отца, я дышу воздухом, напоминающим запах футбольного поля, и притворяюсь спящей, прислонившись к его большой твердой груди, когда он несет меня вниз по ступеням. Внизу, голос Доун нарушает тишину.

— С ней все хорошо, Уэйн? — спрашивает она. Миссис Декер, плотнее укрывает меня одеялом своего сына.

— Соня сказала, сегодня было тяжело, но все будет в порядке, — голос отца гремит рядом с моим ухом.

Передняя дверь открывается и холодный воздух жалит лицо, когда отец ступает на крыльцо. Я распахиваю глаза и слепну от яркости желтого фонаря на крыльце. Мошки и другие ночные летающие жучки роятся вокруг него, а звезды выстилают ночное небо над домом.

— Если тебе что-то нужно, — говорит Тимоти, оповещая меня о своей компании, — дай нам знать.

— Просто скажи своему парню, что я его должник, — говорит отец. Я улыбаюсь.

Пронесенная через две парковки, через двор, другую входную дверь, и немного, другие ступени, меня укладывают в кровать в своей собственной комнате. В следующий момент, когда я остаюсь одна, и огни коридора меркнут, когда закрывается дверь, я спрыгиваю с кровати и мчусь к окну.

Диллон смотрит на меня через весь двор, высоко держа записку:
«БУДЬ МОЕЙ ДЕВУШКОЙ»

Глава 13

Пенелопа

— А Диллон Декер и правда твой парень? — спрашивает Пеппер Хилл. Она перекидывает свои длиннющие светлые волосы за изящные плечи, и лопает розовый пузырь жвачки во рту.

С длинными ресницами, блестящими губами и идеально ровными зубами — уверенная, безупречная и счастливая — я во все глаза смотрю на сидящую напротив меня девушку в школьной библиотеке и удивляюсь, почему я не родилась больше похожей на нее и меньше на себя — странную, обреченную и кучей недостатков.

— Мы встречаемся всего лишь несколько месяцев, — я пожимаю плечами и откидываюсь обратно на спинку стула, перекидывая свои волнистые темные волосы за костлявые плечи.

— Хм, — отвечает она, смотря на меня в упор, но не как на живого человека (а я не ее игрушка и не состою в группе «поддержки Пеппер Хилл»). — Спорим, он это предложил только потому, что жалеет тебя.

Почему она не может понять, что он мой единственный друг?

— Большое спасибо, Пеппер, — говорю я, закрывая свой учебник по математике и роняя карандаш. Мне больше не интересно доделывать кучу заданий, которые поднакопились с тех дней, что я отсутствовала.

Она широко раскрывает свои голубые глаза и отмахивается от меня.

— Без обид, но очки у тебя странноватые. И тебя никогда нет в школе. Диллон супер умный, ну а ты...

— Я умная, — инстинктивно отвечаю я, краснея с каждым словом, срывающимся с моих губ.

Дьяволица наклоняет голову на бок и улыбается.

— О'кей.

Толкая очки в красной оправе выше на нос, я открываю школьную сумку и пихаю туда вещи. Я беру за правило избегать Пеппер, но она и не собирается держать в секрете, что хочет того, что принадлежит мне и разыскивает меня, пока я хорошенько прячусь. Сплетни в уборных и случайно-неслучайные тычки от Пеппер Хилл и компании это одно. Понимать — что она идеально подходит для Диллона — совсем другое.

Пеппер, скорее всего, права, и это лишь вопрос времени, когда он это осознает.

— Вы целуетесь? У тебя уже было это с ним? — спрашивает она, нарушая правила библиотеки и смеется так громко, что с книг слетает пыль.

— Ты грубиянка, — бормочу я, застегивая рюкзак.

Она тянется и хватает меня за руку. Ее челка, подстриженная на бок, падает на левый глаз и от нее исходит запах сладкой ваты. А я, наверное, пахну мазью от растяжения мышц и мои волосы в хвосте, который мне помогал делать мой бойфренд, завязывая их на ходу, пока мы мчались в школу.

— С Диллоном это не должно быть грубо. Ну вот честно, ты хоть иногда смотришь на него? — спрашивает мисс Злорадность с легким налетом краски на щеках. — Он восхитительный, Пенелопа.

Официально мы встречаемся месяцев пять, и не прошли даже первую стадию, но ей я этого не рассказываю.

Она ударяет ладонью по поверхности стола. Но удар, как будто по нижней части моей груди — так беспокойство разжигает вибрирующую панику.

— Перестань делать так, — говорю я, отодвигая стул, чтобы уйти.

Пеппер снова ударяет по столу.

— Это?

Я растираю рукой место, повыше того, где прыгает сердце и напоминаю себе, что она не может меня обидеть, если не видит меня.

Спасаясь бегством между книжных полок и школьных постеров, на которых написано «Чтение это прекрасно», я с опущенной головой продолжаю следовать вперед к выходу. Б арабнящее беспокойство, что поселилось в груди, ударяет еще громче, когда враг проходит мимо, между рядом научных книг и мной.

Она поворачивается и останавливается на моем пути, скрещивая на груди руки, прямо перед моими очками.

— Я думаю, ты должна порвать с Диллоном. Для его же блага.

— А я думаю, что ты должна убраться с моего пути, — отвечаю я в том строгом тоне, какой только могу изобразить.

Пеппер Хилл делает шаг ближе ко мне.

— А что ты сделаешь, если я не уйду?

Мысли о том, что я могу выдрать ее дурацкие волосы и отхлестать ими по ее лицу пробегают в сознании. Но прежде чем мне выпадает шанс найти ножницы, мальчик, которого она хочет у меня украсть, появляется в конце стойки с документальной литературой. Его улыбка меркнет, как только он замечает, что меня загнал в угол сам дьявол.

Я пытаюсь обойти своего учителя, чтобы прорваться к нему. Но она подходит ближе, отказываясь меня пускать. Мой следующий шаг — отшвырнуть ее на книжные полки, но Диллон опережает меня.

— Чего ты тут устроила, Пеппер? — спрашивает он, притянув меня к себе. Мистер «Великолепие» берет меня за руку, и заслоняет спиной.

— Ничего, — лжет она, притворяясь слабой и сладко улыбаясь.

Когда наконец-то она уходит, я облакачиваюсь на книги о космосе и генетике, и еще какой-то науки, и во все глаза смотрю на мальчика, с которым должна порвать ради его же блага.

— Почему тебе нравится со мной целоваться? — спрашиваю я. — Не хотелось бы тебе больше целоваться с девчонками типа Пеппер Хилл?

Он пожимает плечами.

— Потому что, я предпочитаю тебя.

— Мой отец дает тебе конфеты за то, что ты заставляешь меня улыбаться, и это странно, — смеюсь я, окруженная запахом старого переплета и старых чернил на древней бумаге.

— Я никогда не говорил, что твой отец странный, — его глупая улыбка становится больше, и я хочу убрать его волосы с глаз.

Диллон не подозревает, каким классным он становится. И как чрезвычайно сильной, я становлюсь рядом с ним. Каждый хочет дружить с ним, и они терпят меня, потому что я всегда рядом. Я знаю, придет день, когда он перестанет составлять мне компанию по ночам у окна.

Неужели этот парень и правда хочет расчесывать волосы сумасшедшей девчонке по утрам, потому что она не может это делать сама?

А через несколько лет, Диллон окончит школу лучше всех и уйдет в колледж.

Я же буду счастлива, если смогу закончить девятый класс.

— У меня кое-что есть для тебя, — соседский мальчик открывает свой рюкзак и достает оттуда длинное желтое перо. — Дети в художественной школе мастерят что-то из них.

И когда счастье гудит во мне, я спрашиваю:

— Ты его украл?

— У них полно таких. Так что пропажа не будет обнаружена, — говорит он, передавая перо.

Держа основание между пальцев, я провожу пером по своим губам; мягкое волокно скользит по губам и щекает нос. Диллон подходит ближе и поднимает очки на верхушку моей головы, как он делает всегда, когда мы одни. Пока я смотрю в его красивые зеленые глаза, я думаю о том, что сказала Пеппер Хилл и размышляю, почему сама не догадалась об этом.

После всего, что он сделал для меня, это малое, что я могу ему дать.

— Диллон?

— Даа? — он наблюдает, как его подарок отстраняется от моих губ.

— Ты хочешь заняться со мной любовью?

Потрясенный, с красным лицом, Диллон поглядывает на меня краем глаза, пока мы идем из библиотеки в классную комнату, где у меня математика. Прежде чем он собирается отправиться на свой почетный урок английского языка, его рот открывается, как будто он что-то хочет сказать, но он тут же туго смыкает губы и практически пихает меня в класс, прежде чем уйти.

Я сажусь в конце класса и вынимаю книгу по предмету, который я не смогу пересдать ранее конца года.

— Удалось сделать что-нибудь из домашнего задания, Пенелопа? — спрашивает меня мисс «Она-сочетается-со-всем-классом».

Я протягиваю ей завершенное, на порванном от бессилия листе, и кое как склеенное скотчем, даже не утруждаюсь извиниться за то, что все остальное не готово. «Миссис — без имени» наступает своей туфлей из коричневой кожи на плиточный пол класс и качает головой.

— Только вот не надо рвать, мисс Файнел, — говорит она разочарованным тоном.

— Извините, — бормочу я.

Другие ученики, конечно, замечают, что наш преподаватель зависла около меня. Они оборачиваются через спины друг друга в поисках меня и Миссис «Имя-ставить-сюда», ловя каждое слово из нашего разговора.

— Сколько шансов я тебе давала? Почему образование для тебя не на первом месте? Тебя волнует твое будущее, Пенелопа? Ты хочешь поступить в колледж? — миссис Разочарование все говорит и говорит.

Я вижу, как двигаются ее худые губы, но я не слушаю, только киваю, когда она прерывается для моего ответа.

— Бла, бла, бла и бла, — миссис «Бла» вбивает свои пальцы в задание, которое я дала ей. — Бла. Бла.

— Да, мээм, — говорю я, растерянная.

— Значит, у меня опять будет разговор с твоим отцом, — она быстро моргает, вскидывает вверх руки и уходит.

У миссис «Полиэстровая юбка» стрелка на чулках.

Один за другим, мои школьные товарищи поднимают головы в направлении доски, открывают свои учебники по математике на странице «бла» и начинают сегодняшний урок. Я стараюсь тоже следовать ходу урока, но, как и на предыдущем уроке, ищу X, и округлив до ближайшей десятой медленно стекаю в кучу... бла.

— Миссис Биксби такая зануда.

Через два стола справа от меня, Джошуа Дарк глубоко сидит в своем стуле, перекатывая голубую ручку между пальцев. Близко посаженные темные глаза, окруженные оливкового цвета кожей и коротко стриженными волосами, смотрят на меня. Он занимает одно и то же место целый год, но припоминаю, как Риса говорила мне избегать ребят из резервации, а Джош Дарк у них главный.

Мило улыбаясь, я делаю вид, что очень занята разбираясь с коэффициентами или чем там еще?

— Ты понимаешь это дерьмо? — он поднимает свои принадлежности и пересаживается за ближайшую парту справа от меня. — Тебе помочь с кучей накопившихся заданий?

Он пахнет жвачкой с корицей и гвоздикой, и я замечаю золотистый ободок по краям зрачков, которые мне показались черными. Больше, чем любой другой мальчик в нашем седьмом классе, даже больше Диллона, руки Джоша в три раза больше моих. Когда он тянется за моими просроченными заданиями, его ладонь почти такого же размера как лист бумаги.

— Черт возьми, милочка, да ты отстаешь, — он поднимает карандаш и решает все мои проблемы.

Когда подходит время и уже пора идти домой, Джошуа Дарк заканчивает более чем половину моих заданий и убирает остальное к себе в сумку с обещанием доделать к завтрашнему утру.

— Без проблем, — говорит он, поднимая свою сумку на огромное плечо, когда я благодарю его.

Я не спрашиваю его, как он оказался в этом классе по математике, если он такой умник; его репутация опасного для общества человека всегда впереди него. Слухи ходят такие, что он избил директора своей бывшей школы, и продавал наркотики маленьким детям на игровых площадках. Матильда Типп рассказала, что слышала, как будто он со своей командой однажды ограбил банк, но так как он носит изъеденную молью рубашку и старые ботинки, скорее всего это не правда.

Джош следует к выходу позади меня и затем прямо за мной по коридору. Передав мне смятую бумажку, он произносит:

— Если тебе нужна помощь с сегодняшним заданием, просто позвони.

— Почему ты так добр ко мне? — спрашиваю я, когда семизначный номер жжет мне руку.

Мистер «Плохие новости» кивает головой в сторону классной комнаты и говорит:

— Биксби стерва.

Я закатываю глаза.

— Она еще ничего, по сравнению с моим учителем по английскому.

— Мистер Костер? — спрашивает он. — Лысый, толстый и пахнет как...

— Вонючий сыр «Колби Джэк», — заканчиваю я его предложение.

— Точно, — Джош смеется. — Он тоже у меня. Первый семестр.

Мы сравниваем расписания и выясняем, что у нас общие преподаватели в разное время дня. Мы обмениваемся историями о странностях наших педагогов, я не замечаю, что коридор пуст, и мы единственные ученики, кто остался, пока не приходит Диллон в поисках меня.

— Мы ждем тебя, Пен, — говорит он, запыхавшись.

Джош делает шаг в сторону, и улыбка сходит с лица. Диллон хватается за руку, и тащит меня от опасности — ограблением — банка — супер-мальчиком — из — резервации — кто — отлично — справляется — с — заданием.

— Извини, — говорю я, пожимая его пальцы.

Темные глаза провожают меня.

— Хватит уже извиняться.

Закатывая свои, я представляю мистера «Ходячая проблема» мистеру «Сама доброта».

— Диллон, это Джошуа Дарк. Он помогал мне с заданием по математике. Джош, это мой парень — Диллон Декер.

Поначалу ни от одного нет ответа, но не стоит путать доброту со слабостью.

— Держись подальше от моей девушки, — ревнивый, светлый и смелый встает в боевую

стойку и показывает себя с той стороны, с которой я его еще не видела.

Нисколько не потревоженный, Джош улыбается и уходит, говоря:

— До скорого, Пенни.

Глава 14

Диллон

Мой отец смотрит на меня таким взглядом, как будто я только что объявил, что сейчас проходит семинар по Теории стоматологии для таких же зануд-стоматологов, как и он, на который, его не пригласили.

Нет, даже лучше чем это.

Его лицо напоминает мне о том моменте, когда он осознал, что взрослый человек после удаления зуба, унес с собой его «счастливый» разбрызгиватель для цветов, и он был вынужден купить новый, пока что еще не такой счастливый.

— Ты уверен, что готов? — папа прочищает свое горло, закрывая дверь так, чтобы мама не могла слышать нашего разговора.

Секс, это очень естественный процесс, неотъемлемая часть периода созревания мужчины. Папа рассказывал мне все это, одновременно показывая и называя органы на пластиковом макете, а теперь он хотел бы узнать, правда ли я готов к сексу. Я совершенно не был готов, что волосы будут расти вокруг моего члена, но это случилось.

Я раздумываю, сколько пачек M & Ms тренер Файнел мне даст, если я заставлю Пен улыбаться во время секса.

Думаю, это достойно двойной порции.

— Учитывая состояние Пенелопы, Диллон, связывать себя физическими отношениями с ней не очень мудрое решение.

— Временами она грустна, — говорю я, проглатывая гнев, — но не умирает же.

Выкатывая стульчик на колесах из-под своего стола он садится, и снимает очки. Папа пощипывает кончик своего носа перед тем, как продолжить.

— Я имею в виду немного другое, Диллон. Особенность в детстве, а вы как раз и являетесь теми самыми детьми.

— Мне исполнится пятнадцать через пять месяцев, — говорю я, выпрямляясь, чтобы выглядеть выше, даже несмотря на то, у нас с отцом одинаковый рост.

Я жду, что мой отец начнет целый доклад на тему подростков в депрессии или достанет пластмассовый макет мозгов, и уже готовлю себя морально к лекции, которую я совсем не хочу слушать. Но вместе этого, он расстегивает пуговицы на манжетах своей светло-голубой сорочки и закатывает рукава.

— Твоя подруга очень больна, сын, — говорит он серьезным тоном. — И эта та болезнь, из которой, вероятнее всего, она никогда не вырастет.

— Я справлюсь с этим, — настаиваю я. Я справлюсь с этим сам. Я знаю Пенелопу лучше, чем он или чем даже кто угодно!

— Нет, я не думаю, что ты сможешь, — папа откидывается назад и скрещивает руки на груди.

Сидя напротив стены, полностью увешанной дипломами в рамках и разными наградами, полученными в его области знаний, нет никаких сомнений, что человек, который

дал мне жизнь — очень умный. И сейчас у меня не самое простое время, но я все же пользуюсь его советами.

Сейчас же то время, которое не подходит под это описание вовсе.

— Ты маловат, чтобы начинать такие серьезные отношения, но очевидно то, что это приносит тебе радость. До недавнего времени, ваши отношения носили невинный характер.

Слушая его разглагольствования, будто он знает, что происходит между мной и соседской девочкой, меня так и подмывает выдрать ему два передних зубы ржавыми плоскогубцами. Без обезболивающего.

— С тех пор как Файнелы въехали по соседству, мы с твоей мамой стали свидетелями как ты отодвинул все, что было для тебя в приоритете назад, освободив место для Пен. Мы достаточно хорошо осведомлены, насколько сильной может быть первая любовь, но я все же думаю, что сейчас самое время нам вмешаться.

Проведя рукой сквозь волосы на голове, я расстроено выдохнул.

— Риса влюбляется каждую неделю, и ей вы ничего не говорите.

Скромная улыбка перечеркивает извиняющееся выражение на лице отца.

— Твоя сестра живет свободным духом, и в основном я поддерживаю ее саморазвитие.

— У нее голова от травки задурманена и в школе ее считают сумасшедшей, — отвечаю я, закатывая глаза. Чувство вины мгновенно жалит меня, и я больше ничего не говорю, опасаясь нового укола.

Понимаю, что, скорее всего, отец тоже прав.

— Ты, конечно же, не такой, но твой отчет об успеваемости пришел вчера по почте.

Несколько разочарованных преподавателей предупреждали меня, что отправят мои оценки родителям на рассмотрение. Каждый день с того момента я проверял почту, надеясь забрать из сумки почтальона, перед тем как он опустит их в ящик, но все что приходило — были счета и купоны на покупки. Решив, что мои учителя всего лишь лгуны, я перестал преследовать почтальона.

Это была ошибка.

— Твоя мама так же заметила горящий всю ночь свет в твоей спальне, чем и объясняются твои постоянные опоздания в школу.

Пульс начинает биться в подушечках пальцев, когда я говорю,

— Я буду стараться над оценками и никогда больше не опоздаю.

Отец подталкивает очки вверх на свой узкий нос и моргает за толстыми стеклами.

— Я никогда не чувствовал надобности вводить какие-то строгие правила по отношению к тебе, Диллон. И мне очень нравится Пенелопа, но...

Не дав отцу договорить, я встаю и мчусь к двери со словами:

— Я передам Пенелопе, что мы не можем заниматься сексом. Спасибо, что поговорил.

Выходя из передней двери я плавно погружаюсь в лучи майского солнца, пересекаю нашу въездную дорогу и затем дорогу Файнелов, осторожно, чтобы не наступить в пятна от масла, которые оставил «Жук» Рисы на асфальте. Когда я поднимаюсь на соседское крыльцо, я даже не думаю постучать, прежде чем войти внутрь. Мистер «Нацист — позвони в звонок, прежде чем проникнуть в мое королевство» отсутствует дома, а Соня говорит, что мне всегда рады в их доме.

— Она наверху, — говорит мама Пенелопы из кухни, облизывая с пальцев что-то напоминающее жидкое тесто для брауни.

Медленно поднимаясь, я решаю, что больше ни за что не обращусь к отцу за советом. А

какое вообще отношение имеет секс к любви, в любом случае? И кто он такой, чтобы судить, отчего грустит Пенелопа? И это тот человек, который плакал каждый раз, как я терял молочные зубы в детстве, потому что он считал их идеальными. Таковыми идеальными, что даже зубная фея их была не достойна.

— Плохие новости, — говорю я, открывая дверь в комнату Пенелопы.

— Тссс, — она прикладывает палец к губам.

Я останавливаюсь в проходе, освещая темноту душного пространства. Стены ее комнаты окрашены в ярко — оранжевый от дюжины зажженных маленьких свечек, расположенных повсюду. Зачинщик огня сидит в позе лотоса в центре своей кровати, с раскрытыми ладонями на коленях, соединив кончики среднего и большого пальца.

— Ммммммммм, — глаза Пенелопы закрыты, лицо ничего не выражает.

Достаточное количество свечей, чтобы спалить весь дом дотла, покрывают каждую устойчивую поверхность в ее комнате. Я с легкостью насчитываю ряд из двадцати свечей на ее комодике прямо перед магнитофоном, еще десять стоят на подоконнике, семь штук горят на прикроватной тумбочке и еще три мерцают на книгах по Английскому языку позади кучи одежды.

— Что, черт подери, ты здесь устроила? — спрашиваю я, закрывая за собой дверь. И прежде чем заживо сгореть, задуваю свечи и широко открываю окно спальни, чтобы пустить немного свежего воздуха.

— Эй! — восклицает она, падая на спину. — Я была так близка в этот раз. Ты должен уважать умерших, Диллон.

Размахивая фиолетовой подушкой над детектором дыма, чтобы он не разразился сиреной тревоги, прежде чем уйдет весь дым, я переспрашиваю:

— Близка к чему?

— К вызову духа Курта Кобейна. Я хочу, чтобы он использовал мой голос для того, чтобы поговорить со своими фанатами еще раз.

Отбросив подушку в угол комнаты, я усаживаюсь на край кровати, удовлетворенный тем, что только что спас целый квартал от смерти через сожжение.

Одетая в футболку с изображением старой музыкальной группы и в пластиковых бусах на шее, Пен держит рядом, несколько альбомов с роком и эта музыка медленно играет на заднем фоне.

— Не стоит жечь так много свечей или предлагать свое тело в качестве сосуда для давно ушедших из жизни музыкантов, — говорю я.

— Он бы не умер, если бы его не убила собственная жена, — Пен поднимает на меня свои разочарованные карие глаза.

— Разве он не сам себя застрелил? — спрашиваю я.

Пен отмахивается от меня.

— Ты принес плохие известия?

Я киваю и говорю:

— Мой папа сказал, чтобы нам не стоит... ну ты поняла... делать этого.

Юный маг выпрямляется, и ее длинные волнистые волосы спадают на хрупкие плечи. Крестик висит достаточно низко и достает до груди. Прошло три дня с тех пор, как она предложила расстаться с девственностью друг друга. С тех пор, мысли о девушке, которая часто плачет без причины, вторгаются в мою голову совершенно с новой стороны.

Я вспоминаю форму ее губ и насколько верхняя губа пухлее нижней. Вокруг груди она

усыпана мелкими веснушками, а некоторые собрались в форме кристаллов прямо под впадинкой на шее. Длинные ресницы достают почти до ее нежных щек, когда она опускает глаза, и мне так нравится ее манера говорить уголком рта.

Когда мы целуемся, я еще сильнее ощущаю как ее «девичье развитие» мягко упирается в мое тело и как пальцы нежно порхают по моей шее.

На следующий день за обедом, Пен взяла мою руку и под столом положила ее на свое оголенное бедро. Я был настолько напуган, чтобы сделать хоть что-либо и мой страх был единственной вещью, которая удержала меня от того что я хотел сделать — провести открытой ладонью вверх и вниз по бедру.

— Что они вообще знают? — говорит она, проводя тыльной стороной ладони по лбу. Ее футболка приподнимается, когда она вытягивает вверх руку.

В глубине живота прыгает нервный комочек. На секунду я закрываю глаза, прогоняя прочь мысли о голом пупке и желтых трусиках, торчащих из-под джинсовых шорт.

— Он как бы доктор, — говорю я, сглатывая с трудом.

— Но, он ничего не знает о нас, — легко отвечает она, прикладывая свой подбородок на мое плечо. Пенелопа смотрит на меня из-под своих темных ресниц.

Близость этой девушки заставляет потеть мои ладони, и у меня снова учащается сердцебиение.

— Мы же любим друг друга, так? — шепчет она.

Для меня совсем ничего не значило это слово, которое упомянул отец, прежде чем я выскочил из кабинета; но слыша слово «любовь» из уст Пенелопы, сразу проясняется многое.

Я люблю ее с поры пузырей от жевательной резинки и фургона для переезда.

Я люблю ее, и за очки в красной оправе в форме сердец.

Я люблю ее и за то, как она выглядит, паря на руле моего велосипеда.

Я люблю ее.

— Что происходит с Пенелопой? — спрашивает Герберт, кивая головой в сторону печального Нечто под деревом в школьном саду.

Пен сидит, спрятав свое лицо между колен, которые она притянула к груди. Я знал, что сегодня будет достаточно проблемный день, когда вытащил ее утром из постели и увидел темные круги под глазами, и слезы, которые катились по ее бледным щекам. Но все еще более ухудшилось в течение дня.

Спрятавшись под стеклами голубого цвета, она невидима; а мир все видит. Она ни с кем не разговаривает, кроме меня, и когда я пришел чтобы забрать ее с урока перед обедом, она спала, положив голову на стол.

— Да ничего с ней не происходит, — резко отвечаю я. Мои друзья не знают. Им не нужно знать дважды два, чтобы понимать, что с Пен что-то происходит.

Присоединившись к своей подруге под старым дубом, я встаю на колени позади нее.

— Я не думаю, что могу пойти на следующий урок, Диллон, — говорит она. Ее голос глухо звучит между колен.

— Еще один урок и мы уйдем вместе.

Она трясет головой, поворачиваясь в сторону, так, что я вижу ее лицо. Жидкая подводка течет с ее глаз, и губы дрожат, когда она произносит,

— Я хочу найти своего папу. Он разрешит поспать мне в его кабинете.

— Ты уже почти преодолела большую часть дня. Еще один час — это же ерунда, — говорю я, вытирая ее лицо своими пальцами.

Поднимая «мисс безнадежность» на ноги, я хватаю ее под руку и веду к зданию, где будет последний урок Пен. Я наблюдаю, как ее маленькие зеленые туфельки шагают позади моих бело-черных, в то время как я рассказываю о том, что делает ее счастливой. Например, о приведениях или о перьях, которые я продолжаю таскать из студии-мастерской.

Она хватается меня за футболку, когда мы достигаем следующего класса по ее расписанию.

— Это все и затем у нас будет целое лето, хорошо? — говорю я, отрывая ее пальцы от моей одежды, прежде чем целую костяшки ее пальцев.

— Я все равно не сдам целый предмет в один день. Так что не страшно, если я пропущу. Нижняя губа Пенелопы подрагивает. Она опускает голову так, что мне не видно ее лица.

Острая боль пронзает мой живот, когда она вот так входит в депрессию, переворачивая все там с ног на голову. Вместе того, что бы скрючиться от боли и кричать, как делает моя милая, когда все летит в тартары, я целую ее в макушку и заправляю пару выбившихся локонов за ухо.

Я уже почти собрался идти по коридору в класс Английского, который находится в здании рядом, когда Джошуа Дарк проходит мимо нас и открывает классную дверь. Он придерживает ее ногой и говорит:

— Ты заходишь, Пенни?

Она поднимает глаза на парня, с которым, часто ее предупреждали не общаться и остерегаться, и улыбается половинкой рта. Я почти меняю свое мнение и говорю Пен, что мы должны сбежать и пойти домой сейчас же, но пока она кивает головой и отступает назад, слова застревают в моем горле. Пока она не зашла слишком далеко, я хватаю ее за руку и сжимаю ее пальцы.

— Еще один час, — напоминает мне она с настоящей улыбкой.

«Боль в моем животе» растворяется в классе, но Джош не следует за ней. Он убирает свой грязный ботинок из дверного проема, позволяя двери закрыться. Всего лишь в нескольких шагах друг от друга, с горячей ненавистью, струящейся по моим венам, мне так хочется врезать по этой тупой ухмылке на его дурацкой физиономии.

Звонок сигнализирует о начале занятия, крича откуда-то с потолков, звеня в моих ушах. Этого достаточно, чтобы позволить слепой ярости разжедать меня изнутри, и я ухожу прочь, уже отсчитывая следующие шестьдесят минут.

— Где она? — интересуется Матильда вслух, собирая что-то с концов своих волос. — Давайте начнем это лето!

Велосипед отцеплен и готов с ветерком довести мою девочку домой. Герб, Кайл и рыжеволосая, тоже готовы ехать, раскачиваясь из стороны в сторону кто на двух, а кто на четырех колесах. Несмотря на то, что ей хотелось бежать домой, еще не начав и первого урока в школе, Пенелопы нигде не видно. Прошел уже час и пошел второй, а она никогда не опаздывает.

Наклоняя велосипед в сторону забора и пристегивая его, я засовываю руки в карманы и с нетерпением ожидаю её появления в двойных дверях, через которые она выходит каждый день. Каждый раз, как они открываются, мое сердце замирает, надеясь, что это Пен. Но это не она.

— Дружище, мы одни кто здесь остался, — говорит Кайл.

Я оглядываюсь вокруг и наконец понимаю, что двор перед школой почти пустой. Она, должно быть, закончила урок и ушла домой, но обычно Пенелопа меня предупреждает об этом. Если она удрала с урока чтобы вздремнуть в кабинете тренера Файнела, то он бы ее разбудил, чтобы она поехала домой вместе с нами. Все равно — Пенелопа уже давно здесь была бы.

— Я пойду поищу ее, — говорю я, отдаляясь от своих друзей.

— Мы будем здесь, — кричит мне вслед Матильда.

Я даже и не думаю проверять кабинет ее отца, прежде чем иду напрямик в класс математики. Воспоминание о полуулыбке, которую она подарила Джошу, когда у нее не осталось сил на что-то большее кроме слез, подсказывает мне, где конкретно ее искать. С сердцебиением где-то в районе горла, я шагаю через двойные двери, через которые она так и не вышла ко мне. В коридоре я вижу ее, прислонившуюся к шкафчикам и мирно болтающую с ним, как будто это не мне пришлось вытаскивать ее из дома утром. Я закипаю, и готов плюнуть ей в ноги.

Пен замечает меня, стоящего в конце коридора и выпрямляется. Часть меня успокаивается, когда я вижу что ее лицо по-прежнему бледное и плечи опущены.

— Вот черт, — говорит она, помахав Джошуа ручкой на прощание и идя на встречу ко мне. — Извини меня. Ты же должен был уехать!

— Что происходит? — спрашиваю я, когда она останавливается прямо передо мной.

— Ничего, — говорит она, поглядывая через плечо прежде, чем продолжает. — Джош помогал закончить мне с кучей домашки. Это повысило мою оценку до «Д». И я благодарил его.

Подняв свои глаза и смотря через голову Пенелопы, я вижу, как помощник с домашкой удаляется по коридору в другую сторону. Вместо того, что бы начать преследовать его, я беру свою девушку за руку и увожу ее отсюда, подальше от проблем.

— Я сдала математику только благодаря ему, — говорит Пен несерьезным тоном. — Я уверена, он просто пожалел меня. Он, скорее всего, и не вспомнит в следующем году кто я такая.

С переплетёнными пальцами, видя наших друзей, я не говорю ей о том, как надеюсь, что она права.

Глава 15

Пенелопа

— Ребята, вы влюбились друг в друга как детсадовские детки, или все по-взрослому? Потому что тут есть разница.

Я пожимаю поцелованным солнцем плечами, не зная, как назвать ту теплоту, которую пробуждает внутри меня Диллон. Я только уверена, что это мое самое любимое ощущение в мире.

Риса выпускает струю дыма в липкий летний воздух:

— Он видел твои сиськи?

От этих слов, мои глаза, спрятанные за оранжевыми линзами очков, широко распахиваются, и я скрещиваю руки на груди.

— Нет!

Официально окончив школу, сестра моего парня провела все лето в путешествии, следуя за некоторыми инди-группами по всему Тихоокеанскому Северо-Западу. Она вернулась два дня назад с дредами на голове, проколотым носом, и небольшой татуировкой на нижней части спины. Вернувшись, Риса подарила мне рубашку. Мне было приятно знать, что она думала обо мне, пока спала в задней части фургона и чистила зубы в туалетах на заправках.

— Ди сказал мне, что вы хотите заняться сексом. Это огромное дело для такой миленькой маленькой девочки. Ты знаешь, на что это похоже, быть с кем-то в таком плане? Поделиться своим телом с другим человеком?

— Я не знаю, — отвечаю я, отмахиваясь от струи дыма, — я видела это в кино.

Риса убрала волосы в хост на затылке, и сейчас, бриллиант в ее носу сверкает на солнце. На ней, пара моих розовых очков, и щель между зубами смотрится довольно мило, за ярко накрашенными красными губами.

— Что за спешка? — спрашивает она. — Ты такая молодая. Подожди немного.

Ее слова, залетают мне в одно ухо и вылетают из другого. Я вытираю липкий пот со лба и смотрю во двор, где Диллон выравнивает свежий слой бетона перед крыльцом, работая в паре с моим отцом. Прошлую неделю они провели, разбивая кувалдами и другими инструментами прежнее бетонное покрытие, сгорая под лучами летнего солнца, споря и рассуждая о подростковых мышцах и жестких волосах на груди.

— Клянусь его усами, он протянул руку и прикоснулся ко мне, — ябедничал мне мой мальчик вчера вечером, после долгого дня работы рядом с моим отцом.

— У девушек из оркестра больше силы, чем у уроды, живущего по соседству, — жаловался позже папа.

Поднимая тяжелые локоны с шеи, я завязываю их в пучок на макушке и вытягиваю ноги перед собой. Диллон стоит, задрав очки на лоб, осматривая фронт своей работы с красным лицом, и щурится из-за солнца. Его белая футболка вся в поту. У меня перехватывает дыхание, когда он снимает ее.

— Перестань смотреть на него, — подшучивает Риса, пихая меня в плечо.

Я не могу. Я не хочу.

Его тяжелое дыхание и мерцающая от пота кожа. Этот парень — полностью мой.

Объект моего восхищения смотрит сквозь наши дворы, встречаясь взглядом со мной. Зажав нижнюю губу зубами, я скрещиваю ноги и машу ему.

— Секс — это дешево, Пен. Заниматься любовью — намного приятнее, — опьяненная косячком, Риса мямлит между затылками.

Диллон бросает свою футболку через плечо и движется ко мне.

Теперь, его волосы десяти различных оттенков русого, и у него появились мышцы, которых не было две недели назад.

Встав на босые ноги, я перепрыгнула горячий бетон, приземлившись на вызывающую зуд траву, которая щекочет между пальцами. Пока я сидела рядом с Рисой, я не заметила, что надышалась наркотическим дымом, и ее вредная привычка ударила мне в голову. Пузырьки внутри меня глупо смеялись, а лицо пощипывало. Чем ближе я подходила к Диллону (проходя мимо моего отца, не заботясь о том, что мои волосы явно пахнут марихуаной), тем сильнее мое сердце танцевало.

— Мы заняты, Пенелопа, — проворчал папа, смешивая целый мешок бетона в тачке.

Диллон утирает с правого виска капли пота, подмигивает мне и говорит:

— Игнорируй его.

Прохладный соленый океанский бриз проходит через наши дворы, достаточно душистый и освежающий, чтобы по рукам поползли мурашки. Свободные пряди моих волос взметнулись, и часть упала на лицо, прилипая к бальзаму на моих губах, со вкусом вишневой колы.

Диллон заправляет мои непослушные пряди за ухо и говорит:

— Я люблю тебя, как никого другого.

Мое сердце начинает колотиться и дрожать как безумное, а внизу живота покалывает. Мне требуется много сил, чтобы не начать слизывать капли пота, скатывающиеся по его лицу, прямо на глазах отца.

Смахнув кончиком пальца каплю, я смотрю на крошечный шарик жидкости, и меня охватывает желание растереть его по своим губам. Но, прежде чем я получаю шанс выполнить свое желание, он скатывается и падает, впитываясь в газон.

Диллон берет меня за руку и идет со мной к новой залитой бетонной плите, которую они сделали сегодня утром по другую сторону крыльца. Потом, это будет площадка для барбекю. Бетон сохнет медленно, темно-серого цвета и идеально ровный.

Мой парень опускается на колени, и тянет меня вниз за собой. Он вытягивает свои руки и раздвигает пальцы. Понимая, что он задумал, я копирую его движения. Мы одновременно опускаем наши ладони в сырой цемент и давим, пока они полностью не скрываются в нем.

— Это так холодно! — смеюсь я

Потом мы поднимаем руки, чтобы посмотреть на то, как мы отметились в летнем проекте тренера Файнела. Диллон встает и убегает, но я остаюсь и смотрю на наши отпечатки, думая обо всем, что он сделал своими руками для меня. Эти руки держали расческу, чтобы расчесать мои волосы, когда я не могла сделать это сама. Его ладони и десять длинных пальцев, сжимали руль велосипеда и везли нас туда, куда мы желаем. Костяшки пальцев, стучали в мою дверь каждое утро, несмотря на то, что мой отец отрицательно относится к этому. Эти руки держали карандаш, которым пишутся записки для меня.

Но лучшего всего, они держат мою руку.

— Эй, ты в порядке? — спрашивает подошедший Диллон. Его голос потерял свою беззаботность, и улыбка и светлые глаза погасли.

Я улыбаюсь, надеясь, что озабоченность с его лица исчезнет.

— Я в порядке, — встаю на ноги и вытираю испачканные в цементе руки о джинсовые шорты.

Диллон делает шаг ближе. В правой руке он держит небольшую сломанную ветку.

— Ты уверена? Потому что мы можем уйти отсюда.

Я качаю головой, стараясь, чтобы мой голос звучал увереннее.

— Все нормально.

Его плечи заметно расслабляются, и на место возвращается улыбка, мгновенно освещающая его лицо.

— Твой папа будет недоволен, — говорит он, опускаясь на колени и ставя кончик палки в бетон выше наших отпечатков. — Но какая, к черту, разница?

Диллон криво выводит наши имена над отпечатками рук, даты под ними, а затем он рисует маленькое, кривобокое сердце между ними.

Его рука на моем плече, а моя, на его обнаженной потной пояснице, и мы с гордостью

смотрим на наш вклад в будущую пикник-зону Файнелов.

Потом, подходит сестра моего парня, вдруг толкает нас, и берет палочку. И, пока ее не остановили, на нетронутой поверхности плиты, большими кривыми буквами выводит: «РИСА НАПОЛНЕНА ТРАВКОЙ». И, швырнув палку через весь двор, словно героиня идёшь домой.

Мы онемели и застыли в напряжении, не зная, как это исправить, тут отец появился с другой стороны дома. Лицо отца красное от активных движений, а темные волосы вьются от пота.

— Я работаю один, парень? Ты хочешь, чтобы я умер под этим солнцем? Это твой план — убить меня и завладеть моей семьей? — в его тоне нотки юмора, и я думаю, что улыбка спрятана в усах.

Затем он переводит взгляд на плиту.

— Парень! — рычит он. — Я оставил тебя без присмотра на пять минут, и ты все испортил!

Диллон убрал руку с моего плеча, и поднял обе, сдаваясь.

Он стоит с широко раскрытыми глазами полными извинения.

Я делаю несколько шагов назад, тайно надеюсь, что они решат эту проблему между собой, и в ожидании, когда отец увидит реальную проблему во второй надписи.

Тренер указывает на каракули и говорит:

— У тебя миленький почерк, парень

Диллон закатывает глаза.

— Риса наполнена травкой, — читает папа. Он стоит прямо, и фокусируется на заклятом враге. — Какого черта это значит? Это какая-то реклама банды? Ты что, ее участник? Мне стоит беспокоиться за безопасность своей дочери?

На этот раз я закатываю глаза.

— Я не делал этого, — восклицает Диллон, отступая назад, когда мой отец начинает на него двигаться, — тут написано имя моей сестры.

Папа выглядит задумчивым.

— Мне показалось, что пахнуло травкой. Она в городе?

Диллон кивает.

— Только что вернулась.

Он думает, что я сидела на крыльце Декеров все утро одна?

— Мне лучше поговорить с вашими родителями.

Мой парень взмахивает руками.

— Делайте, что хотите.

Папа возвращается к своей испорченной работе.

— У меня есть еще один вопрос к тебе, парень.

— Какой?

— Почему между твоими отпечатками и отпечатками моей принцессы, сердце?

Диллон был прав. Волосы на груди моего отца выглядят так, будто они собираются вытянуться и схватить его.

Лето закончилось, и тучи на небе окрашивают мир в те же серые тона, что и мое настроение. Дождливый сентябрьским днем, я встречаю свое пятнадцатилетие вместе с Диллоном, спрятавшись в лесу. Мы пропускаем торт и мороженое, и не возвращаемся домой,

пока на небе не появляются миллионы звезд, и месяц не начинает освещать дорогу.

Когда мы выходим из убежища деревьев, наши родители ходят с фонариками и кричат наши имена.

— Уже утро. Я собирался звонить в полицию! — гневно кричит папа.

Наши семьи разделяют нас, загоняя по домам. Мама украсила кухню тем же плакатом «С Днем Рождения!», который она использовала, когда мне исполнилось четырнадцать.

— Ты проспала свой последний день рождения, помнишь? — она отвечает, когда я спрашиваю, почему.

Пятнадцать незажжённых свечей украшают домашний торт, и все, что она приготовила на ужин, стоит холодным на плите. Желтые воздушные шары, привязанные к стульям, уже потеряли свою способность летать, и я им сочувствую. Последние дни для меня были депрессивными.

Папа берет из холодильника пиво и открывает его. Он не смотрит на меня.

— Я иду спать, — говорю я, уходя от празднования Дня рождения, я не хочу этого.

Я провела этот день в руках единственного человека, который может помочь мне уйти от печали, одолевающей мое нутро. Мы спрятались под столетними дубами, защищающими нас от дождя своими большими ветками, и сидели под звуки волн, разбивающихся о берег Касл-Рок.

Я спала, потом мы целовались, и ... он меня не тронул, даже когда я умоляла.

— Не нужно ждать, — сказала я, охваченная сильным желанием, — мы можем сделать это прямо здесь. В честь моего дня рождения.

Диллон не утруждал себя ответом. Он просто закрывал глаза и опускал голову, прижавшись спиной к толстой коре.

— О чем ты думала, Пен? — спрашивает мама, когда я прохожу мимо. — Почему ты ушла, не сказав нам, куда идешь?

Отперевшись на перила лестницы, я говорю:

— Я сказала вам, что буду с Диллоном.

— Но ты же сказала, что вернешься до обеда, — отвечает она.

Папа бросает пустую пивную бутылку в раковину, открывает холодильник и берет следующую. Наступает пауза, и мама вздыхает. Я не готова оставаться и выслушивать назревающий между ними спор. Я пошла в свою комнату преследуемая словами: «Если она постоянно будет принимать лекарства, такое не будет происходить»

Мой парень появляется в своем окне, и первый пишет записку:

«МЕНЯ НЕ ВОЛНУЕТ, ЧТО ОНИ ГОВОРЯТ»

Мой второй год в старшей школе, проходит также как и первый. У меня нет совмещенных занятий с Диллоном, потому что он умнее меня. Ребята на занятиях держатся от меня подальше, потому что я странная девушка в солнечных очках. Учителя перестали уделять мне внимание после первого семестра, когда они наконец поняли, что лучше потратить свое время на кого-то другого. Часто, я уговариваю Диллона улизнуть пораньше. Иногда, у него не получается, поэтому я тусуюсь, а потом и засыпаю в папином кабинете, пока не приходит время идти домой.

— Вот, — Джошуа Дарк кладет передо мной лист и садится рядом со мной. — Я знал что ты не собираешься делать, поэтому сделал домашнее задание за тебя.

Я придвигаю лист поближе, и с улыбкой смотрю на ответы по алгебре.

— Спасибо.

Джош кладет руку на спинку моего стула. Он пахнет корицей и мылом. До сих пор, дети из резервации продолжают приезжать к нам. Они невероятно сильно выросли за лето, и мой отец, первые несколько недель учебы присматривался к ним, и нанимал способных для футбольной команды. Некоторые, в том числе и Джош, и не выглядят слишком ... бедными.

Я не видела ни одной прорехи в одежде Джошуа, и кажется, что каждый день он носит новую пару обуви.

Я пинаю красную пару кроссовок, которую он выбрал сегодня и спрашиваю:

— Ты получил классную работу или что-то вроде?

Этот плохой мальчик подмигивает мне и говорит:

— Что-то вроде.

Я просматриваю работу которую он сделал для меня, как я делала вчера и позавчера, и за день до этого. Единственная причина, по которой я сдам этот курс, то, что он делает домашнюю работу для двоих. Этот секрет наш учитель еще не раскрыл, или же его просто не волнует это. Кроме того, я не рассказала про него Диллону.

Джош двигает рукой по спинке моего стула вверх, дойдя до моей шеи, он проводит вдоль позвонков большим пальцем вверх и вниз. Выпрямляя спину, я инстинктивно осматриваюсь, чтобы убедиться, что мой парень не видит это, хотя я знаю, что он сидит в другом классе.

— Мы должны погулять как-нибудь, Пенни.

Делая вид, что мне что-то нужно в моей сумке, я наклоняюсь так, что рука Джоша спадает обратно на спинку стула. В сумке нет ничего, кроме пары запасных солнцезащитных очков (на тот случай, если пара на мне сломается), мой обед, и желтый карандаш, идентичный тому, что уже лежит у меня на столе.

— Что-то не так с этим? — спрашивает Джош, держа в руках первый карандаш, когда я достаю второй.

Я пожимаю плечами.

— Этот лучше.

Оторвав угол от листа с домашним заданием, он что-то записывает моим карандашом, и передает этот обрывок мне, прежде чем положить мой карандаш в карман своей рубашки.

Это его номер телефона.

— У меня есть парень, — напоминаю я ему, скидывая бумажку со стола на пол.

Джошуа отрывает другой уголок и снова пишет свой номер, на этот раз ручкой.

— Позвони мне, когда захочешь приехать на мою территорию.

— Твой отец скоро вернется домой, — говорит Диллон, так мило покраснев, лежа на моих подушках.

Я ползу по кровати, сажусь на колени рядом с ним и беру его руку в свою.

— Ничего не говори, ладно?

Ярко-зеленые глаза смотрят на меня из-под длинных темно-русых ресниц. Его дыхание прерывается, а щеки краснеют.

— Закрой глаза, — говорю я, нервничая из-за силы его взгляда.

Я просила об этом снова и снова, но его ответ всегда одно-никогда-не-меняющееся «нет». Он не должен говорить так. Я знаю, что он не прикоснется ко мне из-за моей

депрессии. Но я хочу его, и знаю: это сделает мне лучше. Как сделало, прикосновение рук и поцелуи. Мысли о Диллоне, трогающего меня так, чтобы заставить меня кричать. Его голое тело прижавшееся к моему, сделает больше, чем любая таблетка, которую мама дает мне тайком от отца.

Я знаю, что он думает об этом.

Он думает об этом, когда моргает чуть медленнее и целует меня немного настойчивее; когда он отходит в сторону и поправляет штаны, как будто я не знаю, почему он делает; когда Диллон перестает дышать, и позволяет мне целовать его от уха до горла. Я знаю, что он тоже этого хочет.

Я кладу его руку на свою грудь, и его глаза широко распахиваются.

Он не убирает ладони.

— Пен...

— Ты боишься? Потому что я, нет.

Диллон качает головой, медленно моргая.

Отпустив его запястье, я не глядя, бросаю очки на другую сторону спальни. Поднимаю подол своей рубашки, в первый раз показывая Диллону Декеру свой розовый лифчик, размера С. Я расстегиваю его, и даю упасть мне в руки.

Ни один из нас не переводит дыхание.

Медленно, дрожащими руками Диллон прикасается ко мне.

— Великолепно, — шепчет он.

Осторожно опустив меня на спину, Диллон ложится рядом со мной. Мы целуемся, но я хочу, чтобы он по-настоящему трогал меня. Поворачиваясь на бок, я закидываю на него ногу и двигаю бедрами, чтобы он знал, что я хочу быть ближе.

Но он медлит.

— Почему ты боишься меня? — спрашиваю я, пока его поцелуи спускаются вниз по шее к ключице. — У нас настоящая любовь, Диллон. Этого достаточно.

Его глаза смотрят на меня, пока губы двигаются вниз к моей груди. Я смотрю, как они скользят по моему плечу и опускаются к правой груди.

Медленно, очень медленно, его рот приближается к моему соску, пока он наконец, не оказывается на нем. Тепло и влажно. Огонь разгорается между ног, и я прикрываю рот ладонью, чтоб скрыть вскрик.

Сначала Диллон нежный, но потом его руки сжимают сильнее, а он засасывает все глубже. Я чувствую, как его язык кружит и целует. Он откатывается немного в сторону, наблюдая, как соски сияют в слабом свете лампы. Огонь во мне снова вспыхивает. На этот раз я стону не скрываясь, и Диллон улыбается.

Все горячее и горячее, так жарко! Я могу представить, какой секс будет с ним. Он сильный. Его движения грубы. Он будет управлять мной, любить меня ... брать меня.

Я не могу ждать еще один день.

Я вращаю бедрами напротив его ноги и шепчу:

— Диллон.

— Сейчас? — спрашивает он, поднимая голову.

Он надувает губы, желая того же.

Прежде чем захлопывается дверь серебристого Крайслера, эхо с подъездной дорожки поднимается в мою комнату.

Диллон вскакивает и кидает лифчик мне в лицо. Мы не сидим на месте, мелькают руки,

ноги и футболки. Он натягивает на меня рубашку, пока я пытаюсь застегнуть лифчик.

Когда мы падаем на постель, дверь в спальню открывается, и подозревающий все и всех футбольный тренер бросает на нас свой «парень» взгляд.

— Ничего! — Диллон кричит, несмотря на то, что его даже не спрашивали.

Однако подушка на его коленях все выдает.

Глава 16

Диллон

Пенелопа и я, встречаем наш шестнадцатый день рождения дождливым сентябрьским утром. Глубокие серые тучи, гул, бум и шум в голове.

— Не заставляй меня проводить свой день рождения дома, — говорит она по телефону. — Спрячь меня.

— Хорошо, — отвечаю я и завершаю вызов.

Мои веки тяжелые, и отсутствие сна отдается болью в костях и мышцах. Я знаю, что если пропущу день рождения, это разобьет сердце моей матери. Я никогда не забуду ужас на ее лице, и как сильно она сжимала беспроводной телефон в руке, когда я и моя девушка вышли из лесу в прошлом году.

— Как ты мог, Диллон? — кричала она на меня. — Ты знаешь, как я испугалась?

Я сбросил одеяло и сел, вытягивая руки над головой. Потом выбрался из кровати и схватил одежду из ящиков комода. Как только оделся, я вытряхиваю из своего рюкзака все на пол, и кладу в него фонарик и пару запасных толстовок для Пен.

Она забудет принести свою.

Прежде чем выйти на улицу, я беру на кухне несколько бутылок воды и немного еды из холодильника, так, у нас будет еда в течение дня. По дороге, стаскиваю с дивана красный плед.

Безнадега, ждет на тротуаре напротив моего дома, в желтых резиновых сапогах и в очках с розовой оправой, держа большой черный зонт над головой.

Она передает мне зонтик, и мы идем бок о бок, без конечной цели. Вскоре, мы оказались на пляже, где бесконечные небеса впитывают в себя целый мир. Океан сопротивляется, с шумом ударяя о скалы Кастл-Рок. Именинница бежит передо мной, поднимая влажный песок позади себя. Раскинув руки в стороны, она встречает лицом дождь.

— Счастливого чертового шестнадцатилетия! — кричит она в небо. — В этом году будет лучше, верно? Все ведь уже просчитано.

Я бегу за ней, отбросив в сторону зонтик, который мешал мне.

— Тогда почему я чувствую, что умираю? — она опускается на колени и роняет свою голову на руки.

Я оборачиваю вокруг своей девочки уже отсыревший плед и поднимаю ее на ноги. Ручьи слез сбегает по лицу Пен, а с губ вырываются рыдания. Я поднимаю ее на руки, и несу так быстро, как только могу, к утесу в конце пляжа. Небольшой пещеры у основания утеса достаточно, чтобы защитить нас от бури и океана.

— Я знаю, что это твой день рождения, и ты, если хочешь, можешь плакать, но не надо, — говорю я, снимая с нее промокший свитер, вместе с тонкой футболкой и бюстгалтером.

Она дрожит полуголая в тусклом свете, и продолжает плакать, потому что она права. Шестнадцать, ничего не изменит. Вообще, с возрастом ей становится хуже, и если это тенденция, значит, в этом году будет хуже, чем в прошлом, и я этого боюсь.

— Я могу плакать, если хочу, — сказала она, клацая зубами, до тех пор, пока я не вытащил сухую толстовку из рюкзака и не натянул на ее крохотное тело.

— Это так, но думаю, что мы проведем время в этой пещере лучше, если ты не будешь поднимать здесь влажность своими слезами.

Она улыбается.

— Неправильные слова.

Я приподнимаю ее подбородок и провожу большим пальцем по уголку ее губ.

— Так-то лучше.

После того, как и я сменил толстовку, я дал Пенелопе съесть батончик и стаканчик яблочного пюре. Слезы продолжали медленно катиться из ее глаз, но в этом нет ничего нового. Все, что она делала в последнее время — плакала.

— Устала? — спрашиваю у нее, убирая пряди мокрых волос с лица.

Мое собственное истощение заменено беспокойством и душевной болью, которую я испытываю всякий раз, когда я смотрю на эту девушку. Беспомощность, которую я ощущаю рядом с ней, построила себе дом глубоко внутри меня, и я не могу расслабиться, чувствуя себя ужасно виноватым.

Она доверяет мне достаточно, позволяя ее любить. Пенелопа приходит ко мне, когда она нуждается в помощи.

Но я не могу спасти ее.

Я не могу заставить слезы остановиться.

Что бы я ни делал, больше не работает.

Я прислоняюсь к каменной стенке, Пен лежит рядом со мной на песке, положив голову на мои колени. Дождь продолжает лить с неба, а океан разбиваться о берег. Проходит час, прежде чем дыхание Пен выравнивается, и она расслабляется. Позже, я закрываю глаза и наконец засыпаю, впервые за последние двадцать четыре часа.

Так, мы проспали до следующего утра.

На этот раз, моя мама позвонила копам.

Глава 17

Диллон

— Что за дела у Пен с этим парнем из резервации? Я думал, ты попросил ее, не разговаривать с ним, — спрашивает Герберт между укусами пиццы.

Я отрываюсь от своего обеда и смотрю на лучшего друга, сидящего напротив меня. Матильда Тип сидит рядом с ним и проверяет макияж в небольшом зеркальце; ее голубые глаза смотрят сверху на меня.

— А что? — спрашиваю у него, подозревая, что это как-то связано с тем, что моя девочка не сидит сейчас рядом со мной, и ее нигде не видно.

— Я видел, как она гуляла с ним раньше, и собирался надрать ему задницу, но Рыжая не позволила.

Матильда со щелчком закрывает зеркало и бросает его в сумку.

— Вы же понимаете, что Пенелопа живой человек, верно? Она может иметь друзей.

— Фраза «Джош Дарк» означает дилер, — говорит Кайл, ковыряя белой пластиковой ложкой в чашке, с сомнительно выглядящими фруктами, которую выдают во всех школах.

Герб, Рыжая и я ждем его объяснений, но он продолжает жрать непонятные на вид персики и груши.

— Какой именно дилер? Он раздает карты в покере? — спрашивает Матильда.

— Или связан с Изобразительным искусством? — добавляет Герб.

Кайл толкает свой поднос подальше и откидывается на спинку стула. Он переводит глаза между мной и двумя другими занявшими стол.

— Мммм, ну нет, — говорит он тоном, говорящим, что мы идиоты, — он занимается наркотиками.

В то время как Матильда задает вопросы Кайлу по той информации, которую он просто сбросил на нас, все вокруг меня буквально останавливается. Удары собственного сердца отдаются у меня в ушах, я потираю руками лицо и закрываю глаза, пока прилив ярости бушующий в моей голове не прекращается, и я могу снова дышать.

— Вот она. Ди, не говори ей, что я сказал. Я не хочу, чтобы она злилась на меня, — Герб жует свою пиццу, Матильда делает вид, что листает журнальчик, который она мгновенно вытащила из сумки. Кайл скрещивает руки на груди и ждет шоу.

Пен и я никогда не ссорились, но я чувствую, что это произойдет сейчас.

Моя девушка прячет от меня лицо за занавесом из волос и за очками в зеленой оправе, но мягко улыбается всем остальным. Прежде чем ей выдается шанс вытащить стул из-за стола, я пинаю его ей. Она садится, не удосужившись поздороваться.

— Почему ты опять говорила с Джошем? — я сердитым тоном медленно спрашиваю ее. Герберт кашляет.

— Он мой друг, — защищается она, насупившись.

И вот, просто так, Пен разбивает мое сердце.

Она не называет людей рядом с ней своими друзьями. Ей тяжело признаться в том, что Герб, Матильда, и Кайл ее друзья, но она так легко признается, что Джошуа Дарк является им?

Я резко отодвигаю свой стул с ужасным скрипом. Я встаю и ухожу от девушки, которую люблю, потому что сейчас, я не могу спокойно смотреть на нее.

Мне нужно пространство.

Мне нужен воздух.

Я направляюсь в здание школы, где я знаю, могу побыть в покое некоторое время. Я почувствовал облегчение, когда посмотрев через плечо увидел, что Пенелопа за мной не последовала. В обед раздается звонок, и поскольку я был исключен с Истории наград, после первого семестра из-за большого количества опозданий, прямо сейчас, у меня базовый курс американской истории, в классе моей девушки.

Я не иду.

— Эй, ты, — говорит Пеппер Хилл, появившись из ниоткуда, — удивительно видеть тебя здесь. Я думала, это мое секретное место.

Она лезет в сумочку за пачкой сигарет и засовывает оранжевый конец сигареты между красными губами и поджигает ее розовой зажигалкой. Бумажная пачка до сих пор в ее руке.

— Хочешь попробовать? — предлагает она, выпуская кислый, серый, неприятно пахнущий дым в воздух.

Мой отец читал мне лекцию о табаке, так что я знаю о вреде курения. Но сейчас я злой, поэтому я делаю это, и влюбляюсь в этот мгновенный успокаивающий эффект и переворот в голове.

Я вдыхаю глубже, заполняя мой рот и легкие отвратительным вкусом смолы и ацетона.

— Помедленнее, а то тебя стошнит, — смеется Пеппер.

Она забирает мою наполовину выкуренную сигарету, и стоя так близко к ней, я могу понять, почему Пен ревнует меня к ней. Пеппер поражает своей ослепительностью. Ее волосы теперь имеют другой оттенок русого, который был раньше; я вижу натуральный цвет, растущий у корней. В отличие от моей девушки, на ней слишком много косметики, и от нее пахнет приворотным зельем.

— Мы можем встречаться здесь каждый день, если хочешь, — говорит она, тряся пачкой сигарет.

Я знаю, что это неправильно, но если Пен может делать это, значит, и я могу.

— Ладно.

— Не сегодня, Диллон.

— Я могу войти и увидеть ее?

Соня вздыхает.

— Диллон, не сегодня.

Пенелопы не было в школе почти две недели, и мне не разрешают ее видеть. Тренер Файнел приходил поговорить с моим отцом прошлым вечером. Они тихо говорили о визитах врачей, о приступах неудержимого плача, о плюсах и минусах лекарства, которое она должна принимать.

— Скажите ей, что я люблю ее и прошу позвонить мне, как только ей станет лучше?

С более усталыми, чем у меня, глазами, миссис Файнел улыбается.

— Я передам, милый, ты знаешь

Не заморачиваясь насчет велика, я оставляю его вместе со своим сердцем на середине дороги и начинаю одинокую прогулку в школу. Я не спал всю прошлую ночь, как и накануне вечером, боюсь отходить от окна в случае, если она появится перед ним.

Бессонница обволакивает мое тело, выжимая жизнь из меня. Сейчас я воспринимаю все так, будто смотрю через толщу воды, и моя реакция замедленна. Я иду по краю дороги навстречу автомобилю, и непроизвольно вышагивая на дорогу. До того как это доходит до меня, водитель сигналист мне, прежде чем умчаться прочь.

К тому времени как я пришел в школу, я так устал, что падаю на стул и не могу держать глаза открытыми. Я складываю руки на столе и роняю на них голову. Я мертв для мира. Через час, звонок прорывается в мои сны, и кто-то трясет меня за плечо.

— Вы больше не можете продолжать так делать, мистер Декер. Еще раз это повторится, и я звоню вашим родителям. Уходите из моего класса.

Я поднимаю голову, и мой учитель психологии, мистер Мур, стоит надо мной. Собираю свои вещи, в том числе задания, которые я не сделал, пока спал, выдвигаюсь в следующий класс. Я должен проснуться после обеда.

Когда я прихожу домой из школы, она ждет меня, стоя босиком у порога моего дома. Пенелопа бежит ко мне, как только я появляюсь в пределах видимости, и врзается в мое тело, оставляя поцелуи по всему моему лицу. Прикосновения к ней ощущаются прекрасно, и я счастлив видеть ее. Я рад, что она снова чувствует себя самой, но слишком уставшая, чтобы

показать это.

— В чем дело? Ты в порядке? Диллон, поговори со мной, — глядя на меня сквозь зеленые круглые солнцезащитные очки, она кладет ладони на мое лицо и заставляет посмотреть на нее.

— Я просто устал, — говорю я, беря ее за руку и веду в дом, в мою комнату.

Упав лицом вниз на кровать, автоматически закрываю глаза.

— Это работа — быть моим парнем, не так ли? Я нервотрепка, — под ее весом матрас рядом со мной, продавливается.

Если бы я мог сделать так, чтобы слова покинули мой рот, я бы ей сказал, что я все понимаю, что я люблю ее несмотря ни на что. Я понимаю, что она больна, и я здесь и никуда не денусь. Истощение не дает мне объяснить ей, что она может рассчитывать на меня.

Пенелопа снимает мои туфли и натягивает на меня одеяло. Она лежит рядом со мной, но не так близко, как раньше, и я ненавижу это расстояние. Ни одного слова о том, как сильно я скучал по ней сегодня, или как мне нравятся ее очки, не может сорваться с моих губ. Когда она начинает плакать, я хочу вытереть ее слезы, но не могу.

Прежде чем я заснул, та, кто поддерживает меня по ночам шепчет, что она любит меня.

— Я сожалею, я сделала это с тобой. Я буду очень стараться, чтобы быть лучше, — говорит она тихо.

Когда я проснусь, безусловно, скажу ей, что люблю ее тоже. Моя любовь к ней абсолютна. Я объясню, я не сплю с ней каждую ночь, потому что я хочу заботиться о ней, потому что она моя девушка.

Несмотря ни на что.

Сегодня вечером, я буду у окна, и все будет как обычно. Завтра мы пойдем в школу вместе, и все будет в порядке. Если она останется здесь, со мной, когда я проснусь, она будет знать.

— От тебя пахнет сигаретным дымом, — шепчет Пенелопа.

Я коснулся губами верхней части ее плеча, медленно спуская ее лифчик.

— Нет, я не курил, — говорю я напротив ее мягкой кожи.

Она опускает руки, поэтому я могу спустить черные кружева вниз по рукам.

— Да, ты курил.

Я встречаюсь с Пеппер Хилл за школой каждый день после обеда, чтобы покурить, давая разные оправдания каждый раз моей девочке.

— Я оставил свой рюкзак в кафетерии, — лгал ей, — мне надо забрать кое-что из ... ну, откуда угодно.

Сейчас это больше, чем просто наказание для моей девушки после нашей первой ссоры. Несмотря на то, что Пен становится лучше в течение последних нескольких недель, я все еще беспокоюсь, и курение помогает мне бороться с этим. Я не люблю ей врать, но это лучше, чем признаться, что кое-что делаю с ее злейшим врагом.

— Может быть, это из-за вечеринки, — говорю я, снимая рубашку.

Сегодня у моих родителей девятнадцатая годовщина свадьбы, и они устраивают вечеринку. Все пьяны, и после того, как я сбежал с Пен, Риса обещала быть нашей смотрящей.

Это должно произойти в эту ночь.

Раздвигая ее ноги в стороны, я опускаюсь между ее бедер так, что Пенелопа может почувствовать то, что она делает со мной. Ее голова откидывается назад, розовые губы размыкаются сразу, как я прижимаю свою обнаженную грудь к ее.

Прижимаясь к ее теплоте местечку, где только джинсы разделяют нас, я чувствую, как ее соски твердеют напротив моей кожи, и поверхностное дыхание выходит из моих легких.

— Сними их, — говорю я, задыхаясь.

Пенелопа протягивает руку между нами и расстегивает джинсы.

— Не джинсы. Очки, — я убираю их с ее лица, и бросаю их в сторону кровати, надеясь, что они сломаются, и она не сможет надеть их на всю ночь.

Раскрытая Пен отворачивает голову в сторону, как будто ей вдруг стало неловко из-за того, что я смотрю на нее. Она закрывает глаза и цепляется за меня, почти разрывая кожу ногтями.

Я целую ее там, где бьется ее сердце.

Затем ниже.

И ниже.

Я расстегиваю ее джинсы, спускаю их до бедер, прежде чем Пен помогает мне приподнимаясь, чтобы я мог снять их совсем, оставив ее в голубых трусиках с маленьким белым бантиком на резинке.

Она прячет лицо руками и делает резкие вдохи, когда я целую ее колено.

— Все в порядке? — спрашиваю, прежде чем двигаться дальше, я боюсь перестараться с этой хрупкой девушкой.

С закрытыми глазами и с простынями, сжатыми в руке, девушка, которую я люблю с детства, кивает головой, прикусив нижнюю губу.

Затаив дыхание, я медленно стягиваю светло-голубой хлопок вниз по ее гладким, стройным ногам, пока она не остается голой, и я могу увидеть всю ее.

Отказываясь дышать в случае, если я что-то пропущу, я медленно двигаю свою дрожащую руку к тому, чего я никогда не касался раньше. Спина Пенелопы прогибается над матрасом, когда я это делаю.

— Ты можешь сказать мне, чтобы я остановился в любое время, — говорю я, стараясь не задохнуться.

Следуя указаниям ее тела и лица, я двигаю рукой медленнее, быстрее, глубже ... тут становится слишком сложно.

Я прислоняю свой лоб к ее, и мы тяжело дышим, не отводя глаза друг от друга.

Потом она напрягается всем телом, и ее ноги сжимают мою руку. Пен зажимает нижнюю губу, чтобы удержаться от криков. Ее щеки становятся красными и кожа такой горячей. Я чувствую каждую мышцу ее напряженного тела, когда она поднимается все выше, и выше, и выше.

Пока, наконец, она не воспаряет и уносит меня с собой.

После, свет в ее глазах и изгиб улыбки говорят мне, что реальность никогда уже не станет прежней.

Глава 18

Пенелопа

— Я хочу эту.

— Детка, ты уверена? — спрашивает мама, глядя на светло-розовую рубашку, которую я держу, показывая ей.

— Да, она миленькая. И желтую, я возьму тоже.

— Миленькая? — спрашивает она, остолбенев. — Пожалуйста, ты уверена в этом? Потому что, сюда далеко ехать, и если мы вернемся домой и ты пе...

— Я не собираюсь менять свое решение, — прервала я ее, радуясь своему выбору.

Моя мама протягивает руку за одеждой, которую я обычно не ношу, из магазина, в который я сегодня первый раз зашла, и относит их на кассу с озабоченным выражением на лице. Кроме этого, есть еще четыре сумки с покупками, про которые она дважды меня спросила, до и после того, как она заплатила за них.

Вручая мне пятый пакет, она засовывает чек в сумочку и говорит:

— Слишком много стресса. Давай поедим.

Я заказываю салат, который мне трудно есть, потому что моя мама внимательно следит за каждым съеденным кусочком, как будто у меня анорексия, а не болезнь мозга.

— Съешь все овощи, — говорит она, направляя на меня вилку с куском лазаньи, — они полезны для тебя.

Я закидываю помидорку черри в рот и улыбаюсь ей.

Женщина, которая принесла меня в этот мир, вытирает рот белой салфеткой и говорит:

— Сегодня было хорошо, правда, детка? Все в порядке?

Кивнув головой, я отталкиваю росток брокколи в сторону и накалываю вилкой кусочек огурца.

— Это было здорово. Все хорошо, — говорю я, накалывая дальше, кусок авокадо.

Для меня молчание не приносит неловкости, я не беспокоюсь из-за этого, но не мама. Ради нее, я должна рассказывать о школе, или о мальчике из резервации, с которым дружу последние пару лет.

Но я не делаю этого, потому что она расскажет папе. Учитывая то, как отличаются друг от друга он и Диллон, они удивительно совпадают во мнении, что дети приезжающие на автобусах — неприятности. Тренер Файнел не возражает, что Джошуа Дарк играет в футбольной команде, но он не позволит, так называемому уголовнику, подружиться с его потомством.

Я слышала слухи о Джоше, но не верю им.

— Как Диллон, дорогая?

— Хорошо, мам. С Диллоном все хорошо.

В этом и проблема. Мальчик по соседству, всегда был слишком хорош для меня, общение с ним, это моя попытка подняться до его уровня.

Я знаю, это может закончиться катастрофой.

— Ты выглядишь прекрасно, детка. Это приятная перемена, — честно говорит мама, потянувшись через стол к моей руке.

— Спасибо, мама.

— Диллон полюбит это.

— Я надеюсь.

— Твой отец, с другой стороны, не будет слишком счастлив, что его единственная дочь растет.

Пенелопа

— Ей нельзя выходить из дома в таком виде.

Парализующая паника сковывает меня изнутри, заставив меня замереть.

Это именно то, чего я боялась. Что папе не понравится то, что Диллон и другие дети в школе, подумают обо мне.

— Уэйн, не будь смешным, — мама встает, двигаясь между моим отцом и мной.

Как это не ужасно для меня, он сидит на диване на своем месте и бесцельно листает телевизионные каналы. Я собираюсь рискнуть, страх покидает мой разум, а мой отец даже не может выпустить пульт из рук, чтобы успокоить меня.

— Она выглядит на восемнадцать, Соня. Мне и так сложно удерживать от нее этого уroda по соседству.

Он понятия не имеет, какую огромную ошибку совершает.

— Ей шестнадцать. Она выглядит на шестнадцать, — настаивает мама и топает ногой.

— Этому парню больше нельзя к тебе приближаться. И ты, не подходи к нему Пенелопа, — усы папы двигаются, когда он разговаривает.

Я хочу сорвать их с его лица.

Чувствуя полный провал, я отворачиваюсь от человека, который отказывается показать свою чуткость хотя бы на пять минут, и бегу наверх. Я захлопнула дверь в спальню и включила стерео, прежде чем отголоски спора моих родителей можно будет услышать через стены.

И прежде чем развалюсь на мелкие кусочки, я спешу к окну и закрываю шторы. Я слишком смущена, чтобы показать Диллону, что с собой сделала.

Это было ошибкой.

Глава 20

Диллон

— Ты же знаешь, что так не может продолжаться вечно, — Риса держится за мой локоть, ища своими, такого же цвета, как и мои, глаза. — Я знаю, что ты любишь ее, но ты должен начать любить и себя, Ди.

С термोकружкой чая для себя и второй с кофе, для Пен, я волочу ноги сначала по своему газону, а затем по ее. Как уже миллион дней до этого, я стучу в дверь Файнелов три раза, прежде чем Соня открывает ее, и я вхожу в место, что становится для меня вторым домом.

— Будешь кофе? — мама моей девушки спрашивает таким бодрым тоном, которого я не ожидал. Она несет свое тяжелое тело к кофейнику.

— Пока нет, — говорю я и иду вверх по лестнице в комнату Пен.

Прежде чем Соня скрылась из виду, я замечаю, что она лучезарно улыбается, будто ей кто-то сказал, что луна сделана из ванильного мороженого.

Поскольку, прошлой ночью у окна я был один, я приготовился к тому, что Пенелопа устроит мне сегодня тяжелое утро. Эпизоды депрессии, которыми она страдает, в последнее время стали более частыми, но ее поведение до, и во время их, остается в основном одинаковым. Я могу предсказать и обработать ее настроение лучше, чем кто-либо

другой.

— Пора просыпаться, Пен. Я принес тебе кофе, — я открываю дверь, но останавливаюсь, прежде чем шагнуть внутрь.

— Что ты думаешь? — спрашивает она.

Я думаю, что она похожа на Пеппер Хилл.

Стоя в центре своей спальни, она вращается, чтобы я оценил ее новый стиль со всех сторон. Темно-коричневые волосы моей девушки сейчас, почти белые. Вместо длинных и вьющихся волос, остававшихся неизменными с первой нашей встречи, сейчас они совершенно прямые и всего лишь на несколько сантиметров ниже плеч.

Одетая в пару фиолетовых Levi's и белую майку, она собирается показать всей школе немного кожи, которую до этого видел только я. И вместо того, чтобы надеть рваные кеды, как она делала весь последний год, Пенелопа одевает черные балетки.

Она красивая, но что-то не так.

Ее лицо осунулось.

— Ты тоже это ненавидишь?

Я вхожу в комнату и целую ее в щеку, обалдевая от фруктового аромата на ее коже.

— Я не ненавижу. Ты выглядишь прелестно.

— Ты думаешь, я красивая?

— Да, я почти не узнаю тебя.

Моя девочка радостно прижимает свои покрытые блеском губы к моим, и берет свой кофе.

В удивлении, я сижу на ее постели, пока она бежит по комнате, примеряя на себя несколько свитеров, на которых все еще висят ценники. Она выбирает черный хлопковый свитер, бросая остальные на пол. Покрывает свои волосы лаком и затем спрашивает меня, какая цепочка нравится мне больше: серебряная или золотая.

— Золотая, — говорю я, надеясь, что правильно ответил.

Я почти уверен, что потерял свою девочку в этой копии Пеппер, но прежде чем мы уходим, Пен сбрасывает балетки и пихает ноги в кроссовки, давая мне надежду, что она не сильно изменилась.

Я наблюдаю за ней, с новым розовым рюкзаком закинутым на плечи всю дорогу до школы, пиная камни. Предполагаю, что она выросла из стиля сорванца (все говорили, что это не будет длиться вечно), но я думал что в итоге, Пенелопа будет больше похожа Рису, а не на Пеппер Хилл. Она пахнет как Ботанический сад. А этот блеск на ее губах ... И сегодня первый раз за два года, я не расчесывал ей волосы.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Она прямо как из журнала, и ее стиль для меня новый.

Может быть, я чувствую себя неуверенно.

Может быть, я ненавижу это.

— Пенелопа, ты знаешь, что ты достаточно хороша, верно? Ты идеальна, и для меня неважно, как ты выглядишь.

Она поворачивает голову и пряди волос ударяют ее по лицу.

— Да?

Я хватаю ее запястье, останавливаясь перед школой. Я поднимаю очки, которые она при всех изменениях, еще не выбросила, и смотрю в ее глаза.

— Да.

— Именно поэтому ты куришь с Пеппер Хилл каждый день за школой, потому что я достаточно хороша?

Я ухожу с первого урока на десять минут раньше и бегу по пустому коридору к классу Пенелопы по английскому. Я жду за дверью, засунув руки в карманы. Чувство вины, как свинец в животе, и паника отдает дрожью в руках.

Звенит звонок, и меня отталкивают на ряд шкафчиков позади меня, где я жду, когда Пен выйдет из класса. Невысокая девушка в очках, высокий парень в кожаной куртке, и один парень из резервации выходят первыми, затем еще двадцать человек, которые кажутся размытым пятном.

— Это мой шкафчик, парень, — кто-то говорит в мою сторону.

Я двигаюсь в сторону не глядя, проходящий мимо студент задевает меня плечом.

— Извини, — мямлит кто-то еще.

Мой следующий класс на другой стороне кампуса. Мне нужно выдвигаться в ту сторону уже сейчас, если я хочу успеть занять свое место до второго звонка. По мере того как приближается окончание школы, я не могу позволить себе опоздать. Мои оценки высокие, но я попал в класс отличников.

Высшая школа и мои цели на будущее — колледж и медицинская школа, сейчас находятся в тени моего разбитого сердца и предательства, которое пересекло покрасневшее лицо Пен после того, как я признался, что провожу время с Пеппер.

Народ начинает исчезать в узком коридоре. Другие ученики начали заходить внутрь класса, а Пенелопа все еще не вышла. Не удивлюсь, если она справилась без меня или вообще она ушла из школы, пока я страдал на протяжении урока обществознания.

Последний студент покинул класс, уткнувшись носом в книгу, не смотря куда он идет. Я хватаю его за локоть и чуть не пугаю его до смерти.

— Пенелопа Файнел все еще там? — спрашиваю я.

Он толкает очки в проволочной оправе нос и говорит:

— Кто?

Отпихнув его прочь, я направляюсь в класс и нахожу ее сидящей в дальнем углу. Ее голова лежит на сложенных руках, очки лежат рядом и, судя по устойчивому дыханию, она спит.

Я подхожу к столу и встаю на колени рядом с той, которая владеет моим сердцем, улыбаясь при звуке мягкого храпа Пен.

— Ты можешь попросить ее сдвинуться? Это мое место, — спрашивает какая-то девка писклявым голосом.

Я не заморачиваюсь, чтобы посмотреть наверх и убираю пряди волос с лица Пен. Ее губы приоткрылись, и глаза двигаются за веками, покрытыми сетью синих вен.

Раскрывая очки, чтобы Пен могла сразу их надеть, я шепчу ее имя.

— Просыпайся, малыш, — говорю я тихо.

Ее ресницы трепещут при звуке моего голоса.

— Давай, Пен. Мы должны идти.

Она садится и вытирает уголок рта тыльной стороной руки. Макияж, который она никогда не наносила, размазался под ее сонными глазами. Она забирает у меня очки и надевает их, даже не протерев.

Мы единственные студенты, находящиеся не там где должны, и ни один из нас не

говорит ни единого слова, пока мы не останавливаемся посреди коридора. Ее следующий урок будет проходить в одном, мой — в другом конце кампуса.

— Хочешь, я провожу тебя в класс? — спрашиваю, не зная, имею ли я сейчас право прикоснуться к ней или нет. Поэтому я хватаюсь руками за лямки своего рюкзака.

— Я не инвалид, Диллон, — говорит она, поворачиваясь, чтобы отойти от меня.

— Зачем ты мне это говоришь? — спрашиваю, ловя ее запястье. Такое ощущение, что я смотрю на человека, которого не знаю.

Она освобождает свою руку и делает два шага назад.

— Может быть, мы должны расстаться, — говорит она холодно, без эмоций на лице, но слезы начинают стекать из-под ее фиолетовых линз.

Сокращая пространство между нами, я беру ее лицо в ладони и стираю ее печаль пальцами. Я сгибаю ноги в коленях так, чтобы наши глаза находились на одном уровне. Как жаль, что она не оставила свои очки дома.

— Мы не расстанемся, Пен. Не из-за этого. Мне жаль, что я не сказал тебе про Пеппер, но я клянусь, что это ничего не значит.

Она качает головой, облизывая губы и тем самым стирая этот отвратительный блеск.

— Может ты понял, что ты слишком хорош для меня?

— Это не так, — говорю я, притягивая ее к себе.

Ее руки обвиваются за моей спиной, и я наклоняю ее голову назад, чтобы поцеловать в уголок губ.

— Пожалуйста, не делай этого, — я прошу, зажимая ее нижнюю губу между зубами, прежде чем поцеловать.

Это занимает всего лишь момент, но наши губы соединяются. Пальцы Пенелопы сжимают мою рубашку, и я скольжу руками в ее волосы. Огромная потребность течет в моих венах, согревая тело изнутри, пока я не начинаю чувствовать, что скоро взорвусь. Двигаясь ртом вниз по ее шее, я медленно толкаю ее, пока она не упирается спиной о стену.

Я прижимаюсь поцелуем в нежном месте под ее ухом и шепчу, задыхаясь:

— Почему ты не понимаешь, что именно ты, слишком хороша для меня?

Новый внешний вид Пенелопы приносит новое внимание.

Те люди, которые называли ее странной последние четыре года, вдруг посчитали ее достойной разговора.

— Милые очки, — говорит ей кто-то, когда мы идем по коридору.

— Мне нравится твой цвет волос, — восторгаются некоторые, — где ты это сделала?

— Что это у тебя за блеск такой, Пенелопа? Seriously, он смотрится потрясающе, — говорит Пеппер, останавливаясь за нашим столом во время обеда.

Ее губы изгибаются в ухмылку, и она подмигивает мне подавая знак, перед тем как уходит, отбрасывая волосы. Я знаю, что это неправильно, но я все еще нахожу время, чтобы улизнуть, и выкурить сигарету или две между уроками с Пеппер. Я даже дал ей денег, чтобы она достала мне собственную пачку по своим связям.

Это единственное, что у меня есть личное. Мне нужно временное облегчение от постоянного сумрака из-за постоянного нахождения с тем, кто страдает депрессией.

Впитывая внимание, улыбки и фальшивый смех, Пенелопа пользуется этим. Она обменивается номерами с некоторыми девочками из нашего класса и строит планы о просмотре фильма с группой других.

Но, как только заканчиваются уроки, остаемся только я и она, и вся игра прекращается. Она выкидывает бумажки с номерами телефонов в мусорное ведро, и не собирается идти в кинотеатр.

Я не знаю, то ли из-за того что она старается всю неделю, то ли из-за того, что она притворяется не той, кем она является, но ночи и выходные дни, просто кошмарны. Она не только грустная, она полна ярости и с ней невозможно справиться.

— Ладно, я позволю тебе увидеть меня, — непредсказуемая и ненасытная, она пытается засунуть руку в мои шорты.

Пен и я прячемся от апрельских ливней в пещере, спрятанной у подножия Кастл Рок. Я целую ее пока не начинают кровоточить губы и трогаю, пока она не начинает сотрясаться подо мной, цепляясь за мои руки и бока. После того, как мы проводим день полуголыми и становимся измотанными, бессонница врзается в меня, и все, что я хочу сделать, это закрыть глаза. Но Пенелопа бодрствует и просит больше.

— Мы можем просто отдохнуть некоторое время? Я не спал всю ночь, — я лежу спиной на холодном песке и пробегаю рукой по волосам.

— Я тоже! — усмехается она.

— Очевидно, — говорю я, глядя в потолок пещеры.

Она бросает горсть песка на меня, крошечные гранулы падают в мои волосы и глаза. Я сижу, выплевывая песок изо рта и убирая его с лица.

— Почему ты не хочешь секса со мной? — спрашивает она, бросая новую горсть. — Ты боишься?

— Прекрати, — говорю я, вытряхивая песок из волос.

Она кидает песок в меня прежде чем выйти из нашего укрытия. Проходит время, прежде чем мои глаза перестают слезиться, и я снова вижу. Я укладываю наши одеяла и фонарики в рюкзак и выхожу. Пен на полпути вниз по пляжу и бежит, но я и не гонюсь за ней.

Часть меня хочет вернуться в пещеру и не вылезать из нее, пока я не посплю как минимум двенадцать часов, но я заставляю ноги двигаться по мокрому песку сквозь дождь к дому. Эта дорога, кажется заняла несколько часов, и я едва двигаюсь к тому времени, когда подхожу к дому.

— Ты ничего сегодня не заработал парень, — говорит тренер Файнел со своего крыльца, в руках он держит небольшую пачку шоколадно-ореховых конфет.

Я дохожу до конца своей лужайки и спрашиваю:

— Она там?

Он кивает.

У меня больше не хватает сил бороться с ней, я захожу домой, и разряд молнии проходит по небу. За ней следует гром, достаточно сильный, чтобы сотрясать землю.

Мама выбегает мне навстречу из кухни, с полотенцем для посуды в руке.

— Где ты был в такой шторм, Диллон? — спрашивает она, останавливаясь передо мной.

— Я был в Кастл Рок с Пен, — отвечаю, опуская рюкзак на пол. — Мы поругались.

— Опять? — замечает моя сестра в саркастическом тоне с дивана позади меня.

Папа несется вниз с губами сжатыми в тонкую линию и со сведенными вместе бровями, он явно беспокоится о чем-то.

— Вы шли домой в такую грозу? Ты с ума сошел? — карие глаза мамы широко открыты.

— Его де-е-евушка, — Риса начинает петь.

Со всех сторон меня окружает семья, и я обреченно прислоняюсь к входной двери, когда понимаю, что они не собираюсь позволить подняться мне наверх, в свою комнату.

— Почему ты не воспользовался таксофоном, чтобы позвонить одному из нас, ради Бога? У тебя губы синие! — женщина, которая привела меня в этот мир, кричит.

Проведя руками по лицу, я раскидываю их по сторонам.

— Я шел домой с пляжа все время. В чем проблема?

Мама качает головой, прежде чем всплеснуть руками и вернуться на кухню. Папа делает шаг вперед, а моя сестра выключает телевизор.

— Проблема в том, что ты вернулся домой весь мокрый. Ты ушел утром без нашего разрешения. В записке, которую ты нам оставил, говорится, что ты у Файнелов, а не на пляже во время грозы. Ты позволяешь болезни Пенелопы разрушать себя, я тебя не узнаю. Для твоей матери и меня, это очень большая проблема, — говорит папа, тоном на грани истерики.

Его подбородок дрожит, и я отворачиваюсь, не в силах вынести боль, которую я причинил. Тут я заметил, что моя одежда промокла и прилипла к коже. Мои руки дрожат, зубы стучат, и вода капает с кончиков волос.

— Я не понимал, что шел дождь... — начал я.

— Когда ты в последний раз спал, Ди? Ты, серьезно, похож на зомби, — говорит Риса. Она встает с дивана и несет плед, оборачивая его вокруг моих плеч.

Они не понимают.

Когда это моя сестра, взяла на себя ответственность за свою жизнь? Два года, как она окончила среднюю школу, а у нее все еще нет работы, и она все еще получает деньги от отца. К тому же, Риса наверное, сейчас под кайфом. И она хочет поговорить об ошибках, которые, как она думает я совершаю?

Мои родители не знают, что значит любить кого-то до смерти, как я люблю Пен. Их отношения основаны на тушеном мясе, приготовленном в мультиварке и на том, кто первый угадает правильный ответ в передаче «Кто хочет стать миллионером?». У них много одинаковой одежды и слишком много декоративных подушек на кровати. Единственный раз когда я видел как они ругались, был когда мама не закрыла тюбик зубной пасты.

Подняв подбородок в жалкой попытке сохранить лицо, я говорю:

— Если вы закончили разговор со мной, будто я тупой, то я пошел спать.

За исключением стука дождя по крыше и раската грома после молнии, в доме полная тишина.

Никто не останавливает меня, когда я сбрасываю плед и иду в комнату. С намерение проспять до утра, я закрываю дверь и скидываю туфли, намеренно избегая окна на случай, если моя сердечная боль там.

Вместо того, чтобы упасть прямо в постель, я делаю ошибку, и закрывая жалюзи ловлю ее лицо в окне, прежде чем горизонтальные полосы появляются между нами.

Не открывай их.

Не делай этого.

Я тяну за веревочку, открывая жалюзи, и сразу понимаю, что не закрою глаза в ближайшее время. Ее записка гласит:

ПОЧЕМУ Я ТАКАЯ РАЗБИТАЯ?

Я поднимаю беспроводной телефон и нажимаю кнопку перезвонить, потому что ее номер единственный, который я когда-либо набирал.

Когда она отвечает, я говорю:
— Ты идеальна для меня.

Глава 21

Пенелопа

Я просыпаюсь на полу спальни. Колени подтянуты к груди, волосы прилипли к лицу, ночнушка, которую я ношу уже неделю, собралась у меня на талии, и на мне нет нижнего белья.

Это единственная связная мысль, что я в состоянии обработать до того, как тяжесть моего безумства обрушивается на меня и душит изнутри.

Слезы, над которыми у меня нет контроля, собираются в моих горящих глазах, прежде чем скатиться на ковер рядом с моей головой. Кровь, похожая на ил, проталкивается по моим цементным венам, и мое затухающее сердце бьется в клетке из костей.

Заставляя руки согнуться, я расчесываю горло, надеясь сделать отверстия, чтобы дышать, потому что мои легкие не работают.

Я переворачиваюсь на спину, предпочитая задохнуться, а не жить в темноте.
То же самое, наверно, чувствуют умирающие.
Почему Бог так жесток?

Глава 22

Диллон

Герберт едет за рулем автомобиля своей мамы по подъездной дорожке. Матильда сидит на переднем пассажирском сиденье, а Кайл на заднем. Все четыре окна машины открыты и из них звучит очень громкая музыка.

— Угадай, кто сегодня получил права? — кричит он, высунув голову из окна.

Я подхожу к машине и Рыжая машет мне, а Кайл тянется, чтобы пожать мне руку через открытое окно.

— Что вы здесь делаете, ребята? — спрашиваю я, засовывая руки в карманы.

Мне исполнилось шестнадцать восемь месяцев назад, и мысль о том, чтобы получить права, ни разу не приходила мне в голову. Мне стоит задуматься, что еще я пропустил.

— Где Пен? — спрашивает Герб. — Мы едем на пляж попрыгать.

Посмотрев на закрытые окна ее спальни, я откидываюсь на пятки и качаю головой:

— Я не думаю, что ей понравится это.

— Это значит что и ты не пойдешь? Теперь она твоя мама что ли? — спрашивает Кайл смеясь, как будто это какая-то шутка. — Теперь ты совсем не зависишь с нами.

Я ударил рукой по крыше красного Civic и отошел назад, не в состоянии объяснить, что на самом деле происходит с девушкой по соседству.

— Я догоню вас попозже, или попрошу Рису подвезти меня туда вечером, — я лгу, надеясь что успокоил их достаточно и не буду чувствовать вину из-за лжи.

Улыбка распространяется по лицу Кайла.

— Скажи своей сестре, что мне интересно как у нее дела.

Глава 23

Пенелопа

Новый день.

Новый доктор.

Новый рецепт.

Глава 24

Диллон

Я не видел Пенелопу восемь дней, и не выхожу из комнаты, чтобы быть у окна на случай, если она проснется.

— Папа и я, собираемся сходить куда-нибудь на ужин. Хочешь пойти с нами? — спрашивает мама. Ее тонкий голос доносится до меня из-за закрытой двери. — Прогулка может пойти тебе на пользу.

Лежа на полу под открытым окном, я кидаю мяч вверх и ловлю его, прежде чем снова бросить. Красные нити, вшитые в резиновый кожан, словно движутся по мячу вверх и вниз.

— Диллон, можно мне войти? — спрашивает мама. Она пытается справиться с дверью дергая медную ручку, а потом стучит. — Ты еще не спишь?

Я сажусь, позволяя мячу упасть на пол. Он падает на ковер с мягким стуком и катится к центру моей комнаты.

— Я не голоден, — говорю я потирая лицо руками, прежде чем подняться на ноги.

Заходящее солнце окрашивает стены моей спальни в розовый и оранжевый, и температура теплого воздуха начинает опускаться вниз вместе с самой яркой звездой на небе. Смотрю в окно и расстраиваюсь, увидев по-прежнему закрытые окна Пен. Я отхожу от него с болью внутри и открываю дверь спальни.

Мама медленно входит в мою комнату, проводит пальцем по поверхности комода и кривится из-за слоя пыли. Ее карие глаза расширяются, заметив грудку одежды в углу и массу грязной посуды, которую я не удосужился отнести на кухню.

— По крайней мере, я знаю что ты ешь, — говорит она, складывая пустые стаканы и тарелки, чтобы забрать их.

Сидя на краю кровати, я говорю:

— Это не так важно.

Пенелопа могла бы быть ее дочерью.

С двумя кучками моей грязной «безответственности» в руках, она открывает рот, чтобы заговорить. Я настраиваю себя на ту же лекцию, что я уже слышал несколько раз на этой неделе, но мои плечи опускаются, когда она щелкает губами.

Неспособный никого сделать счастливым, мне кажется, что я разрываюсь на две части. Мое сердце — с грустной девушкой по соседству, которая не может покинуть комнату из-за постоянной сонливости, вызванной таблетками. Соня, не проявляет ко мне сострадание и не позволяет увидеть Пен. Мои родители заставляют меня ходить в школу каждый день без нее, и они прячут домашний телефон, чтобы я перестал звонить Файнелам.

Последнее что я хочу, чтобы Пенелопа считала будто я ее бросил; и мне хочется, чтобы мои родители знали, что могут доверять мне. Одно мешает другому, так что я застрял между школой и комнатой, в которой запираюсь сразу после возвращения домой.

Мама переступает с одной ноги на другую. Ее светлые волосы убраны назад, и темные круги под глазами вызывают дискомфорт.

— Мам, я в порядке, — говорю я, надеясь облегчить ее беспокойство.

Она тяжело вздыхает.

— Пожалуйста, пойдем с нами на ужин. Мне от этого станет лучше.

Отталкиваясь от матраса, я соглашаюсь пойти и беру часть грязной посуды, чтобы помочь маме. Свет возвращается в мамины глаза, и улыбка расплзается по ее маленькому лицу. Только эта ее реакция, поднимает мое настроение.

Но оно сразу же падает, как и посуда из моих рук, когда я слышу крик Пенелопы.

— Диллон! — моя мама зовет меня, когда я выбегаю за дверь, давя ногами посуду.

Отчаянные и оглушительные крики моей девочки, становятся громче, пока я несусь вниз по лестнице. Я выскакиваю на улицу вслед за отцом, который выбежал из кухни. Спускаясь с крыльца, я несусь во двор к Файнелам.

Пен босиком и в пижаме, с горящим безумством в глазах, тянет за рубашку своего отца, пока он пытается отойти от дома. Она пальцами ног, словно вцепилась в траву, но ее отец сильнее, и вытаскивает ее на бетонную дорожку. Она спотыкается и падает, выпуская темно-синюю рубашку отца из рук. Ее грязные ноги покрываются кровью, когда Пен ударяется ими о бетон.

Соня стоит в открытой двери дома прикрывая руками рот, и слезы катятся из глаз. Мама проходит мимо меня, чтобы успокоить соседей, которые стали друзьями нашей семье.

С бешено колотящимся сердцем я пытаюсь подойти к Пенелопе, но мой отец не пускает меня.

— Иди внутрь, — строгим тоном, которого я никогда не слышал от него раньше, приказывает он.

— Папа! Пожалуйста, папа! Нет, ты не можешь, папа! — рыдает Пенелопа, но тренер Файнел не слушает ее. Даже когда его дочь, ползет за ним на коленях и хватает за лодыжки.

— Отпусти, — рычит он. У Уэйна в руках небольшая картонная коробка.

Я смотрю сквозь слезы, как костяшки Пен белеют от напряжения, и больше не могу стоять сложа руки. Несмотря на протесты отца, я отталкиваю его и подбегаю к Пен, и падаю на колени рядом с девушкой, которая рушит души. Она не реагирует на мое объятие, но что-то во мне щелкает, становясь на место, и я чувствую себя завершенным с моим безумством в руках.

Уэйн молча стоит над нами, глядя на нас пустым взглядом. Он просто ждет, чтобы она успокоилась. Будто перед ним, не больше чем своенравная девушка устраивающая истерику.

Я чувствую дрожь в ее мышцах и слышу страх в ее голосе.

Это страх.

Это истерика.

— Это я, Пенелопа, — я шепчу ей на ухо, медленно положив свою руку поверх ее и осторожно обнимаю другой.

— Давай, малыш. Вставай, — говорю я, держа ее так крепко, что не остается пространства между нашими телами.

Вдруг, она разворачивается ко мне лицом, сильно прижимается ко мне и кричит:

— Он разбил их!

Свободный от удерживающих рук своего единственного ребенка, мистер Файнел подошел к металлическому мусорному баку, стоящему рядом с домом, снял крышку и положил ее на землю. Пен прячет лицо на моей шее, покрывая мою кожу теплыми слезами, не в состоянии справиться с тем, что ее отец собирается сделать.

Я наблюдаю как он вываливает в бак все, что находилось внутри коробки и начинаю плакать с моей девушкой, когда я понимаю, что это было.

Радуга поломанных дужек и разбитых линз выпадает из коробки. Круглые зеленые, овальные желтые, фиолетовые, красные и голубые фрагменты храбрости Пенелопы исчезают в помойке, наполненной пустыми коробками из-под молока и остатками еды с прошлой недели.

— Боже мой, — я слышу как где-то позади меня вздыхает мама.

Уэйн запихивает пустую коробку в металлический бак поверх разбитых очков и возвращает крышку на место.

— Иди домой, парень — говорит он, забирая Пен из моих рук.

Неистовый бой Пенелопы прекращается, и она становится спокойной. Он несет ее, как ребенка, прижав к груди; идет мимо моих родителей, а потом мимо своей жены, прежде чем исчезнуть в доме.

Стирая сердитые слезы с лица, я встаю на ноги и бегу в дом в свою комнату.

У меня тоже есть коробка, которую я держу под кроватью.

— Ты должен позволить Файнелам самим разбираться с их дочерью, Диллон. Ты не представляешь через что они проходят, — говорит папа, стоя у двери.

Глубоко вдыхая через нос, я жду когда он уйдет и оставит меня в покое. Он понятия не имеет, через что я прохожу.

— Ты не выйдешь, пока не успокоишься, — говорит он, делая шаг ко мне.

Из-за того что я выше и сильнее его, единственное что мне нужно сделать, просто пройти мимо него. Он не пытается остановить меня. Пробегая мимо мамы, входящей в дом, игнорирую ее протесты.

Стоя посреди двора Файнелов, с яростью и болью, я бросаю горстки, рассчитанной поддержки, в дверь их дома. Маленькие упаковки с конфетками отскакивают от стены, рассыпаясь по веранде. Когда разрушитель невидимости Пенелопы выходит из дома, чтобы посмотреть что происходит, я бросаю в него пустую коробку. Кажется, что сотни желтых пакетиков взрываются между нами, и мы смотрим, как наши попытки сделать ее счастливой рушатся.

Это лишь часть того, что он мне должен.

Глава 25

Диллон

— Я люблю тебя, — шепчет она.

Мы переплетены. Руками, ногами, голой кожей, тяжело дыша, и с любопытством касаясь друг друга. Летнее солнце жалит мою голую спину, а ее бледная обнаженная грудь практически светится. Клетка из прочных белых костей, кровь и мышцы, синие вены — защищают хрупкое сердце, бьющееся внутри. Я скольжу губами по коллекции ромбовидных

веснушек у основания ее шеи, и своим коленом раздвигаю ее.

Она смертельно устала, и существует как оживший мертвец.

Плотная стена деревьев вокруг, оберегает нас от посторонних глаз, и одеяло на траве создает комфорт. Мы достаточно глубоко в лесу, так что ее крики услышит только нетронутая природа.

Она — все, что имеет значение, и со мной она в безопасности.

Я провожу руками по ее животу и по ее округлой груди. Моя девочка запрокидывает голову, и ее карие глаза двигаются под полупрозрачными веками. Из ее приоткрытых обветренных губ вырывается такой тихий стон, что я не понимаю, слышал ли я его или это все мое воображение.

— Ты уверена что хочешь этого? — спрашиваю я, расстегивая шорты.

Длинные ресницы Пенелопы трепещут и она открывает глаза, не обращая внимания на солнечные лучи и красные пятна, которые они оставляют на ее незащищенных руках. В руках она сжимает зеленые травинки, держась за землю, чтобы не улететь, когда я медленно толкаю пальцы в ее теплое местечко.

Моя девочка вращает бедрами на моей руке, я толкаю их глубже, и каждый из нас знает, что это значит.

Склонившись над ее маленьким телом, я целую длинную шею Пен, а затем зажимаю мочку уха между зубами.

— Мы можем остановиться, когда захочешь, — говорю я, слизывая слезинку, которая скатывается из ее глаз.

— Я не хочу, — задыхаясь, требовательно отвечает она.

Прижимая лоб к ее виску я наблюдаю, как эта девушка берет то что ей нужно от моих слишком рьяных пальцев, и как громкий звук из ее легких заставляет взлететь птиц с веток, когда блаженство захватывает ее тело.

Легкое сияние охватывает ее уже влажную кожу, когда она возвращается ко мне, а я готов сойти с ума от ее влажного центра. Цвета, которые возвращается на ее лицо только когда мы делаем это, вновь окрашивают щеки делая ее более похожей на девушку, которая рисовала на своих руках и носила солнцезащитные очки в форме сердца, прежде чем она осталась великолепной снаружи, но стала умирающей изнутри.

Пен поворачивает свое лицо в мою шею и умоляет:

— Пожалуйста, Диллон. Пожалуйста.

Ее бедра сжимают мои, и руки, которые хватались за землю, тянут и сжимают мои. Я подтягиваюсь выше и мое сердце стучит, когда я избавляюсь от своих черных боксеров. Пенелопа помогает своими ногами стягивать с меня шорты, но стянуть их ниже колен у нее не получается.

— Успокойся, — говорю я, опуская голову к ее груди, чтобы перевести дыхание.

Пенелопа запускает пальцы в мои длинные волосы и тянет, запрокидывая мою голову вверх и настойчиво целует. Она кусает мою шею и любит меня так сильно, что чувствую, как лопаются сосуды и появляются синяки.

Взяв ее руки и прижав их к земле, замечаю, что она — самое прекрасное, что я когда-либо видел. Словно время остановилось на мгновение: ее грудь и живот двигаются вверх и вниз с каждым тяжелым вздохом и глотком воздуха; в ее выющихся от пота волосах запутались листья и сломанные травинки; камни и земля прилипли к ладони; черный муравей ползет по руке, прежде чем упасть на одеяло.

— Все хорошо, — говорю. — Это просто я.

Больше не удерживая ее, я скольжу рукой под ее голову и успокаиваю, когда я приникаю к тому месту, где она хотела почувствовать меня уже так долго. Пен гладит меня по спине, и закрывает глаза, когда пытаюсь толкнуться внутрь.

Она напрягает мышцы и громко ахает.

Я удерживаю ее бедра и медленно двигаюсь, боясь причинить боль девушке, которую люблю больше всего. Пен поворачивает свое лицо к моей руке и вонзает зубы в мягкую кожу. Крошечные бусинки крови выступают там, где она укусила меня; Пен слизывает их.

Я слишком завелся, что бы чувствовать боль, и позволяю ранить меня — я тоже должен пройти то, через что ее тело проходит для меня.

— Мне очень жаль. Я сожалею, — она плачет, когда я толкаюсь глубже.

Я останавливаюсь, когда вхожу так глубоко, как только могу. Я окружен безумием и прислоняю свой лоб к ее. Моя любимая Печаль, держит мое лицо в ладонях и вытирает слезы с моего лица, позволяя своим свободно стекать по вискам.

— Это только мое, — она шепчет, шурясь под ярким солнцем.

Мы движемся вместе теряясь в ощущениях, которые мы никогда не чувствовали в нашей тайной пещере на пляже. Наши сердца заштопаны окровавленными нитями и бьются синхронно. Одеяло сбилось в кучу под нами, и я закопался пальцами в сорняки и влажную землю, чтобы быть ближе, чтобы быть глубже. Должен чувствовать ее больше.

Давление поднимается, и я знаю, что произойдет. Я качаю головой и кричу, потому что я не готов, что бы это закончилось. Ее ладони спускаются с моего лица и скользят по моему телу, касаясь мышц и горячей кожи.

Когда сдерживаемое давление высвобождается, мир вокруг нас взрывается, посылая деревья, траву и грязь в облака. Я закрываю глаза, и пусть Вселенная рушится, пока я теряюсь в Пенелопе, забыв о депрессии, разочаровании и неопределенности.

Она — все, что здесь есть, и она — все, что мне нужно.

Все замедляется и возвращается на свои места. Оперевшись на локти, чтобы не упасть на Пен я смотрю вокруг, чтобы увидеть что каждое дерево и каждый клочок травы на месте.

Затем я смотрю вниз и нахожу ее темные глаза, которые смотрят на меня из-под ресниц, падающих тенью на ее кожу.

Пенелопа смеется, и я чувствую, что мог бы начать снова плакать.

Я так давно не слышал ее смеха.

— Они пьются на меня.

Оглядев двор, я замечаю, что все студенты спешат на занятия. В первые несколько недель нашего выпускного года, я не могу позволить себе опаздывать каждый день, как делал с восьмого класса. Да и вообще, мы не должны прогуливать следующие девять месяцев. Пенелопа больше не может бездельничать, иначе она не окончит школу, а я не могу потерять возможность поступить в колледж.

— Нет, они не пьются — говорю я, пробегая рукой по волосам.

— Получается, я лгу, верно? — отстреливает она, заправляя свои, теперь совершенно светлые волосы за ухо, прежде чем уйти.

Наши классы находятся в одной стороне, так что я следую за ней, но не догоняю. Когда настроение Пен резко изменяется на противоположное, не стоит заострять внимание на ее странном поведении или пытаться переубедить ее.

Засунув руки глубоко в карманы своих джинс, я смотрю на ее покачивающиеся бедра в 10 метрах от меня, в темных Levi's, которые она теперь носит. Ее шлепанцы ударяются о пятки, и пряди волос которые она не накрутила сегодня утром, напоминают мне о прежней Пен, чему я улыбаюсь.

Как только Пенелопа зашла в свой класс экономики, я сталкиваюсь лицом к лицу с Пеппер Хилл. Окутанный ароматом черники и сахара — благодаря духам, в которых, она должно быть купаться каждый день перед школой — я делаю шаг назад.

— Я искала тебя.

— Что случилось? — спрашиваю я, пряча беспокойство, которое ощущаю из-за своей девушки.

Правый уголок надутых ярко-розовых губ Пеппер поднимается. Она приоткрывает свою сумку так, что только я могу видеть пачку “Мальборо”, и спрашивает:

— Ты выглядишь так, будто тебе нужно выкурить одну, ты со мной?

Быстро просмотрев через плечо, чтобы убедиться, что Пен в классе, я говорю:

— Конечно.

Глава 26

Пенелопа

— Что ты смотришь, Джош? — спрашиваю, перегнувшись через учебник по геометрии, который мы делим. Его взгляд прожигает в моем затылке дыру, наполненную чувством вины, и я не делать вид, будто не знаю, что он смотрит.

— Почему ты больше не носишь свои очки, Пенни? — спрашивает он вместо того, чтобы ответить.

Вспышка тепла заливает румянцем мои щеки, и я роняю карандаш на бумагу, на которую переписываю задания. Я чуть не забыла, что цветных очков, которые защищали меня от взглядов других людей, больше нет на моем лице. Я мотнула головой, чтобы волосы, заправленные за ухо, скользнули на мое лицо, и послужили барьером между заводилой, с которым я чувствую себя более комфортно, чем должна, и мной.

— Они разбились.

Джош наклоняется достаточно близко ко мне, что я чувствую его мятную жвачку.

— Все?

Я киваю.

— Почему ты не купила еще? — спрашивает он. Поймав мой карандаш, когда он скатился по столу, он сжал его между указательным и большим пальцем, и я выхватываю этот выкрашенный в оранжевый кусочек дерева.

— Потому что сейчас не солнечно, — я лгу с саркастической улыбкой, которую он не может видеть.

Он убирает мои волосы за плечи, так, чтобы видеть мое лицо. Пальцами он касается пульсирующей вены на моей шее, и я смотрю в глаза, такого же цвета, как и мои.

— Ты мило выглядишь без них, — говорит он, улыбаясь так сильно, что видно зеленую мятную жвачку в глубине его рта. Джош засовывает руку в свой рюкзак. — Но сейчас август. Солнце не скрыто облаками. Носи мои, если они тебе нужны.

Парень, которого называют рискованным, оставляет пару черных Рэй-Бенов прямо

передо мной. Больше месяца прошло с тех пор, как папа переломал все мои очки пополам голыми руками.

— Мы позволяли это тебе достаточно долго, Пенелопа, — говорил отец, ломая цветной пластик. — Я не могу просто сидеть и смотреть на то, что творится с тобой.

Даже Диллон, для того чтобы облегчить бесконечные беспокойства, от которых я страдаю, не предложил мне пару очков в форме сердца, которую я подарила ему на день рождения несколько лет назад. Все считают, что они помогают мне бороться, удерживая очки вне моей досягаемости. Но никто из них не знает, на что похож страх, нависший над моей головой. Паника накрывала меня вместе со страхом, когда я была вынуждена встречаться с ребятами без очков, и я должна была как-то функционировать, пока она клевала меня весь день, как птица.

Так как я больше не невидима, люди видят пошлый ненатуральный цвет моих волос и красивую одежду на настоящей мне — подлой и тоскливой. Они шепчутся друг с другом и отходят от меня, как будто моя нестабильность заразна.

Диллон говорит, что это все в моей голове, но кто знает на самом деле?

Я отталкиваю очки Джоша подальше и продолжаю переписывать следующую задачу.

— Нет, Спасибо. День все равно почти закончился.

— Забирай их. У меня есть еще одна пара дома, — говорит он, как будто в этом нет ничего особенного. Он подчеркивает это своим тоном.

— Ты нуждаешься в них больше, чем я.

— Я сказала: нет, спасибо, парень из резервации, — отстреливаюсь я, раззадоривая его, как будто он знает что-нибудь о том, почему я вообще носила солнцезащитные очки.

Не обращая внимания на мой гнев, Джош поднимает очки со стола и аккуратно толкает их мне в грудь.

— Я всегда видел тебя, Пенни. Тебе не нужно скрываться от меня.

— Не надо, — говорю я, борясь со слезами. — Не этого ты хочешь, Джош.

— Моей маме диагностировали биполярное расстройство, когда мне было девять. Я живу с сумасшедшей, так что я узнаю такого же человека, когда увижу. Ты сходишь с ума, Пенни. Но я все понимаю, — он скользит своими большими руками на спинку моего стула.

Не в силах остановить себя, я громко смеюсь, и даже не против, когда весь класс смотрит на меня. Есть странное утешение в том, что он понимает, и я верю его искренности. Благодаря природной доброте, которую он всегда показывал мне, легко игнорировать слухи о наркотиках и массовых избиениях. Джошуа Дарк, о котором все говорят, это не тот Джош которого я знаю.

Скользнув черной оправой по лицу, я чувствую, как возвращаюсь домой.

— Ты уверен, что я могу взять их? — спрашиваю еще раз, чувствуя себя более комфортно, чем неделями раньше.

Я никогда не носила темные линзы, потому что через них трудно видеть, но это однозначно самая хорошая и самая дорогая пара, которая у меня когда-либо была. Прочная оправа сидит плотно, и невесома на носу. Никто не смотрит на меня, чтобы увидеть, что за очки я ношу или проходит мимо. Я не считаю, что я заразная или странная.

Я по-настоящему невидимая.

Джош игнорирует мой вопрос и трогает прядь моих волос.

— Ты забыла завить эту прядь.

Я шлепаю по руке парня, которому не должна так нравиться, убираю прямую прядь обратно, и отхожу от него. Он ловит меня за кисть, тянет к своему большому телу и блокирует солнце, возвышаясь надо мной.

— Скажи мне, что бы я не целовал тебя, Пенни, — говорит Джошуа. И не дает мне шанс ответить.

Его рот слишком большой, слишком мягкий, слишком теплый на мне. Каждый нерв в моем теле мгновенно отвечает, и жар проносится по моим венам. Это первый раз, когда я что-то почувствовала кроме онемения, с тех пор как Диллон отвел меня в лес и медленно раздевал.

Я эгоистично поглощаю жар, и не могу заставить себя избавиться от придурка, так как чувствую себя живой, пока его язык раздвигает мои губы. Вдруг доза отвращения поднимается по моей спине. Тошнотворное раскаяние ползает под моей кожей, скользя, словно змея, над полыми костями и слабыми мышцами к моему никчемному сердцу.

Когда я избавляюсь от неправильного поцелуя с моих губ, мистер Беспечность улыбается смотря мне через плечо и говорит:

— Твой парень тебя ищет.

Мне становится стыдно, и сняв очки (я не рискую смотреть на него через них), я позволяю им выскользнуть из моих пальцев, прежде чем повернуться лицом к последствиям. Диллон в конце коридора, руки опущены по бокам, а его разбитое сердце на полу.

Я делаю шаг вперед.

Диллон отступает на два.

— Держись подальше от меня, Пен, — говорит он, прежде чем окончательно исчезнуть из моей жизни.

Я чувствую, как любовь увядает, когда мальчик по соседству исчезает в океане студентов, которые выходят из школы, чтобы попасть домой. Мое сердце, которое обычно трепетало, теперь замолкло, не рождая даже эхо от ударов, которые зарождал во мне Диллон. Пустота создает дом глубоко в моей душе, укрепляя то немногое, что осталось у меня от самоуважения и здравого ума. Цвет буквально теряет яркость, и воздух, которым я дышу, на вкус как яд.

Я втягиваю воздух в легкие.

— Тебя подвезти домой? — спрашивает Джошуа.

Бросив свою сумку с книгами, я отчаянно гонюсь за счастьем. Слезы, что никогда не оставляют меня в покое, текут по моему лицу. Чувствую как теплый воздух проходит через мои волосы, которые я ненавижу, с тех пор как изменилась. Я проталкиваюсь через тела студентов, и спотыкаюсь о свои развязанные шнурки. Ища Диллона размытым от слез взглядом, я останавливаюсь посреди двора и кричу его имя.

— Пенелопа, ты должна успокоиться, — «Плохая новость» хватает мою руку и пытается оттащить меня.

Тотальный страх заменяет рассудок, и я стучу своей маленькой ручкой по груди Джошуа. Неспособная вытащить другую руку из его хватки, я кричу и царапаю его лицо и шею, пока он, наконец, меня не отпускает.

Я бегу домой с его кожей под ногтями.

Когда я бегу вниз по нашей улице, пряди волос прилипают к потрескавшимся губам, а острое сожаление продолжает ослеплять меня. Вижу, что Риса стоит возле их дома. Я пытаюсь пробежать мимо, но она зажимает меня между своими тонкими руками и держит

меня в заложниках.

— Ты должна оставить его в покое, — говорит она.

Страх проходит по моим конечностям неистовой силой, и я толкаю Рису так сильно, что она падает. Она не идет за мной, когда я бегу к их передней двери и стучу, пока мои костяшки не начинают кровоточить.

Никто не отвечает, но я слышу, как позади дома захлопнулась дверь и следую на этот звук.

Я обхожу дом, и вижу Диллона, поднимающего кувалду, которую мой отец оставил на заднем крыльце.

Он указывает на меня и говорит:

— Я сказал тебе держаться подальше от меня, Пенелопа.

Остановившись у края дороги, я ищу правильные слова, чтобы сказать.

— Я сожалею, — я плачу. Это звучит дешево из предательских губ.

Диллон стоит там, где мы оставили отпечатки наших рук на цементе. Там, где мы зафиксировали нашу любовь навсегда — где две руки и сердце.

Он поднял молот над головой и разбивает это.

— Нет! — я кричу, когда он опускает кувалду на цемент еще раз.

Схватив его рубашку, я пытаюсь оттащить его. Нитки трескаются, а хлопок тянется. «Несчастье» избавляется от меня и, опуская молот вниз, разбивает наши ладони.

Когда бетон полностью раскрошился, когда наши мамы бегут из домов, чтобы посмотреть что происходит, Диллон роняет кувалду и смотрит на меня красными глазами.

Он говорит:

— Теперь ты что — то значишь для него.

Глава 27

Диллон

Мне исполняется семнадцать, туманным сентябрьским днем, и я праздную в одиночестве, впервые за пять лет.

— Пошли, Ди. Пойдем съедим кекс или что-нибудь такое, — Риса опирается о мою дверь. Она стоит скрестив руки на груди, нервно зарывается своими пальцами, накрашенных черных лаком, в ковер.

Я поднимаю книгу об окружающей среде и говорю:

— У меня домашка.

Моя сестра закатывает глаза и разводит руками в воздухе перед тем, как войти в мою комнату и выхватить учебник из моих рук. Она закрывает тысячу скучных страниц и отправляет их в угол. Затем Риса захлопывает мой синий блокнот на столе и ломает мой карандаш.

— Прекращай, умник. Сегодня суббота. Кроме того, куча писем о приеме в колледж скоро придет, и тогда прикладные науки не будут иметь значения.

— Наука об окружающей среде, — я исправляю ее.

— Без разницы, — Риса запрыгивает и усаживается на мой стол и начинает болтать ногами. Она машет рукой в сторону моего заколоченного окна, — Грустить — это нормально, но убого.

В тот день, когда я поймал Пен целующей Джошуа Дарк, и разбил цементное сердце, я пошел в отцовский гараж и нашел старый лист фанеры. Я прибил его к стене, прикрыв окно. Я и так потратил много времени, прежде чем моя девочка разрушила мою любовь.

Прошло уже три недели, и хотя мои родители беспокоились из-за фанеры на окне, моя комната по-прежнему была без солнца и мрачной, как и мое настроение.

Моя синеволосая сестра достала ключи от ее «Жука» из кармана и начала размахивать ими перед моим лицом.

— Я позволю тебе вести, — припевала она.

С момента расставания с «Безумием», мои приоритеты, которые раньше были другими из-за присмотра за ней, постепенно менялись. Департамент транспорта выдал мне водительские права, и я больше не опаздывал на уроки. Мои оценки быстро выросли. Герб и Кайл проводят со мной много времени. Оказывается, я не понимал, как скучал по ним, пока они не появились перед дверью после того, как услышали о том, что произошло с Пенелопой.

— Один кекс, — усмехнулась Риса, свесив перья, подвески, и ключ к ее автомобилю с указательного пальца.

Отодвинув стул, я хватаю брелок с ее руки и говорю:

— Идем.

Соседний дом кажется больше, чем раньше. Каждый раз, когда я вижу его, мое сердце замирает, и я чувствую боль внутри, и этого невозможно избежать. Обходя Volkswagen Рисы, накинув серый капюшон на голову и засунув руки в карманы джинс, я опускаю голову, и пытаюсь сделать вид, что никто из белого двухэтажного дома не обладает выключателем от моего сердца.

— Ты же знаешь, как водить механику, да? — спрашивает сестра. Она пристегивает ремень безопасности натягивая его покрепче.

Проверяя зеркала, я допускаю ошибку и смотрю на окна спальни Пенелопы. Вид фиолетовых штор вставляет мне нож в спину, так что я поворачиваю зеркало заднего вида так, что мне не видна ее комната. Я скольжу ключом в зажигание, нажимаю педаль сцепления и запускаю двигатель. Как только я пытаюсь тронуться, он глохнет.

— Эй, — она шлепает по моей руке, — будь осторожен с моей деткой. Она старая. Запусти двигатель, медленно отпуская сцепление и одновременно нажимая педаль газа, — Риса стягивает мой капюшон, и царапает заднюю часть моей шеи, и осторожно говорит, — только потому, что она сделала тебе больно, ты не должен прекращать любить ее, Ди.

Я успешно веду машину, не сводя глаз с дороги, и делаю вид, что моя сестра ничего не говорит.

Мы подъезжаем к кондитерской, и улыбка распространяется по моему лицу, когда вижу, что все мои друзья и семья, ждут меня у входа с шариками и плакатом с надписью «С Днем Рождения!».

Я паркую машину, а Риса хватается за руку и трясет.

— Сюрприз! — кричит она. Множественный пирсинг ее ушей и носа блестит в лучах солнечного света. — Папа думал, что я не смогу вытащить тебя из дома.

— Что вы здесь делаете, ребята? — спрашиваю я, глядя на группу людей, которые безоговорочно любят меня.

Риса выходит из машины и прежде чем захлопнуть дверь, она просовывает обратно голову и говорит:

— Ты должен пойти и сам узнать.

Я иду за своей сестрой в лучшую пекарню в городе. Герберт громко кричит, Матильда бросает горсть конфетти на меня, Кайл смотрит на Рису, а родители заключают меня в свои объятия. Я погружаюсь в объятия, которые хочу чувствовать, и сделаю все возможное, чтобы насладиться подлинной любовью, и отодвинуть подальше душевную боль и мысли о карих глазах и солнцезащитных очках, скрывающих их.

— Мы решили устроить тебе вечеринку, но мы не думали, что ты появишься, — говорит мама, сжимая мои пальцы.

— Клево, — говорю я, — это все, что мне нужно.

Папа хлопает меня по спине и ведет в кондитерскую.

— Там внутри торт. Давайте праздновать.

У шоколадной вишни нет шансов против нас. После того, как наши желудки полны, и остается только один кусок торта, я замечаю, что отец кивает Гербу. Крошки торта падают с рубашки моего лучшего друга, когда он встает и бежит к двери. Я спрашиваю, что происходит, но мои родители просто улыбаются.

— Ты хороший парень, Диллон, — говорит мама, — Мы хотим, чтобы ты знал, как мы гордимся тобой. Это должно было произойти в прошлом году, но так как ты не получил права...

На улице трижды сигналит машина.

Я сажусь прямо и смотрю через ряд окон на парковку. Герберт стоит рядом с черным Pontiac, держа руку в окне, и еще трижды нажимает на гудок. Он машет мне, когда видит, что я смотрю.

— Мы подарили Рисе машину, когда она получила права, так что это будет справедливо, что и тебе тоже, — говорит папа. Он встает вместе со мной.

Риса насмехается.

— Да, но я не получила долбаный GTO (Прим. пер.: Pontiac GTO — выпускался компанией Pontiac с 1964 по 1974).

Я выбежал на стоянку, где Герб протянул мне ключи от моей машины, и я сел за руль. Запахи старой кожи и сосны от освежителя воздуха висящего над переключателями заполнили мои легкие. Моя семья выходит из кондитерской, когда я запускаю двигатель, приведя автомобиль к жизни с вибрирующим гулом. Темно-синяя тканевая обшивка потолка низко свисает, кожа на заднем сидении порвалась и из нее торчит желто-оранжевый поролон.

Но я люблю ее.

Не хватает только Пен.

— Это твой день рождения, — говорит Кайл. — Не проводи его дома, валяясь с миской мороженого, словно парень с разбитым сердцем.

Мои родители и сестра ушли, предварительно накачав меня инструкциями не гнать на предельной скорости и всегда считать до трех после того, как я остановлюсь на знак “стоп”, прежде чем продолжать ехать. Я сказал, что буду ехать сразу за ними, но у моих друзей были другие планы.

— Я не в настроении, — говорю я, прислоняясь к двери моей машины. — Мы сможем наверстать упущенное завтра.

— Даже не мечтай, — говорит Герб. Он прыгает на переднее сиденье моего

Понтиака. — Мне нужно покататься.

— У тебя тут стоит собственный автомобиль.

Мой старый друг шлепает ладонью по панели и отвечает:

— Но этот мне нравится больше.

Светящееся пламя костра у подножия Кастл Рок видно даже с парковки, где я оставил свой автомобиль. Силуэты столпились вокруг горящих веток и нарубленных дров, держа в руках стаканы или стеклянные бутылки. Смех и музыка дрейфуют в воздухе вместе с белым дымом и маленькими огоньками, а соленый океанский воздух все это уносит.

— Неужели это Диллон Декер? — раздался голос.

Герберт и Матильда двинулись к воде, держась за руки, а Кайл промямлил что-то о том, чтобы взять немного пива, прежде чем уйти. Я остался стоять на песке один, когда человек начал приближаться ко мне.

Пеппер Хилл появилась из тени, держа красный пластиковый стаканчик, босиком и с голыми ногами. Она одета в красный свитер на молнии, и веревки ее черного бикини болтались из-под него.

— Я никогда не видела тебя на таких вечеринках раньше, — говорит она, пиная песок, когда она подходит ко мне. — Что тебя сюда привело?

— Я наверное, пойду домой, — говорю я. — Мои родители купили мне эту машину...

Ее большие голубые глаза засветились, и она широко улыбнулась.

— У тебя новая тачка? Я могу посмотреть?

Пеппер подходит ближе ко мне, загребая на мои ботинки песок. Жидкость выплескивается из стаканчика, капая с ее пальцев. Когда блондинка, которая подтолкнула меня к вредной привычке, подошла достаточно близко, чтобы коснуться, я почувствовал сильный запах выпивки в ее дыхании и заметил, что на ее лице нет ни грамма косметики.

— У меня в голове беспорядок, — она вытерла руку свитер.

Пеппер медленно моргает и берет мою руку, чтобы устоять на месте

— Клево, — говорю я, ведя «Беспомощную» к моей машине.

— Хочешь выпить? — спрашивает она, протягивая свою чашку для меня над центральной консолью.

Я наклонил голову назад и оперся ей о подголовник. Моя пассажирка пожимает плечами, опуская влажный пластик в держатель и трогая все, к чему она может прикоснуться.

— Это серьезно самый крутой автомобиль, Диллон. Я уверена, мой дядя может поменять обшивку для тебя, — говорит она, обращая свое внимание к старому стерео.

В конце концов, она понимает намек, что меня не интересуют светские беседы и сидит тихо. С тех пор как мы с Пенелопой расстались, я не был на пляже и в пещере. Быть здесь без нее неправильно, и чувство вины сильно давит на меня.

Пеппер кладет маленькую ладошку на мою ногу. Я смотрю на ее идеально покрашенные ногти, но не прошу Пеппер убрать ее.

— Я сожалею о тебе и Пенелопе, — говорит она, потянувшись к моей руке. Ее палец делает маленькие круги на моих костяшках.

— Спасибо, — отвечаю я с дрожью в голосе.

— Расставание — отстой — продолжает она. — Но я чувствую, что все к тому и шло.

Глядя на ее нежную руку в своей большой, то чувствую, что вина, что здесь нет Пенелопы, увеличивается в размере, потому что мне нравится мягкая кожа Пеппер. Я

разворачиваю ладонь и расставляю пальцы так, что ее, оказываются между моими. Впервые за три недели, я не чувствую себя так одиноко.

Когда мягкие губы Пеппер Хилл касаются моих, я понимаю, что это не я.

Глава 28

Диллон

— Почему ты продолжаешь звонить?

— Не знаю.

— Прекрати.

— Я не могу.

— Мама злится.

— Я не могу перестать звонить.

— Ты идешь на танцы? — сдаюсь и спрашиваю

— Да.

— С ним?

— Да.

— Иногда мне хочется, чтобы ты была невидима. Тогда бы мне не пришлось видеть тебя или любить.

— Ты не можешь так говорить, Диллон. К тому же, я слышала о тебе с Пеппер. Я вижу тебя с ней в школе.

— Как ты? — меняю тему

— Плохо. Ты счастлив это услышать?

— Нет.

Прошло два месяца, но я все равно плачу из-за нее.

— Не надо. Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, не надо. Перестань плакать, я не могу этого вынести.

Я прочищаю горло.

Надеюсь, мои следующие слова ее заденут.

— Перестань названивать мне, Пенелопа.

Глава 29

Диллон

— Чувак, что ты делаешь?

У меня в руках дорогуший корсаж и я поднимаю брови.

— Покупаю Пеппер цветы. Те, которые она сказала мне, что хочет.

— Я не о цветах, умник. Что ты делаешь с Пеппер Хилл? — Герберт опирается с прилавков рядом со мной, ожидая моего ответа.

— Она моя девушка. Мы идем на танцы. — Я пожимаю плечами и передаю кассиру кредитную карту моего отца.

Выйдя на улицу, я закурываю сигарету и выпускаю плотный белый дым в холодный январский воздух. Герб смотрит на меня так, будто я сошел с ума.

— Ты не можешь курить — говорит он, пытаясь схватить сигарету между моих губ. — Это неправильно. Пен совершила ошибку, но Матильда говорит, Джош поцеловал ее первым.

— Значит, все в порядке? — Я бросаю сигарету на асфальт, где она катится и катится, сбрасывая пепел, пока она катится в канаву и затухает.

— Нет, но ты несчастен, и она несчастна. Пен наш лучший друг. Ты не можешь все так оставить.

— Ты даже не знаешь о чем ты говоришь, Герб.

Стоя возле цветочного магазина, один из моих старейших друзей качает головой с понимающим взглядом на лице.

— Честно, Ди, Я знаю, что Пен больна, — говорит он, глядя вниз на ноги, прежде чем посмотреть в мои глаза, — Матильда разговаривает с ней каждый день. Они тусуются по выходным, красят ногти и заплетают друг другу волосы и занимаются прочим дерьмом.

Всплеск гнева проходит через мое тело, и мне приходится отойти на шаг от Герберта, чтобы отдышаться. Мои друзья общаются с ней, а я даже не могу жить рядом с Печалью.

— В чем суть? — Я спрашиваю, запустив руку в волосы.

— Ты должен был сказать нам. Мы знали, что что — то происходило. Мы просто не знали что.

Сжимая губы, я поворачиваюсь к нему лицом и поднимаю руки.

— Что ты хочешь мне сказать? Пенелопа сейчас с Джошем, а я с Пеппер. Это то, что хочет она, или она не поцеловала бы его в первую очередь.

— Джошуа Дарк — это всегда плохие новости, Диллон. Она зависает с ним в резервации. Пен рассказывала Матильде, что он торгует метом.

Единственное, что останавливает меня от поездки домой, чтобы быть с ней — это воспоминание о том как она, моя девочка, целует наркоторговца, которого она выбрала вместо наших отношений. Но сейчас Пен сделала выбор, она избавилась от всего, от того что мы вместе пережили и от того чем я всегда жертвовал, будто это ничего не значило.

Она больше не моя проблема.

— Ты ошибаешься, Диллон. Пенелопа нуждается в тебе.

— Потанцуй со мной, — Пеппер надувает свои красивые губы, потянув меня за руку.

Девушка, с которой я пришел, выделяется в комнате полной людей, нарядившихся в свои самые лучшие наряды. Волосы Пеппер накручены и убраны назад, заколоты по всей голове. Корсажу, который я надел на ее запястье, пока ее родители нас фотографировали, соответствует галстук, свободно висящий вокруг моей шеи, и ее красное платье, которое касается пола, когда она идет.

Она любит внимание.

Я хочу домой.

— От тебя пахнет виски и сигаретами. Весьма ощутимо. — Моя пара отступает, держа ее ухоженные руки на бедрах.

— Хочешь? — Я предлагаю стакан пунша.

— Нет, Спасибо, Дик, — Пеппер закатывает глаза, прежде чем уйти.

Находясь в пьяной дымке, мои глаза ищут по помещению девушку — соседку. Она была единственной о ком я думал с тех пор как Герберт рассказал мне чем она занимается в последнее время. Я украл бутылку виски Рисы, которую она держит под кроватью, и выпил ее почти полностью, надеясь, что это облегчит мои страдания. Но все стало только хуже,

Пеппер взбесилась из — за этого, потому что ей пришлось вести машину.

— Ты видел Пен? — спрашиваю Кайла, когда он становится рядом со мной.

Он кивает в сторону тренажерного зала переделанного под вход в зимнюю сказку.

Безумие ходит под руку с Джошем, невыразительная и прекрасная в простом белом платье. Компания ребят из резервации, с которыми она находится, шумная и показушная. Все они, кроме их главаря, одеты повседневно.

Я убираю мою чашку, намереваясь поговорить с ней, но Кайл тянет меня обратно в кресло.

— Не делай этого, Ди, — говорит он, — Подожди, пока уйдет от него.

Сидя еще несколько часов под раздражающие биты от стерео и наблюдая как моя девушка кидает мне грязные взгляды во время танцев с подругами, Пенелопа, наконец, встает из — за стола и направляется в комнаты на другом конце зала, и я следую за ней в ванную.

— Уэйн знает, что Джош — наркодиллер? — спрашиваю ее, беря за локоть и крича из — за музыки.

— Почему тебя это волнует? Ты не хочешь меня, помнишь? — Она отстраняется от меня и поправляет платье.

— Ты же знаешь, что я хочу, Пен, — я говорю.

Я никогда не перестану.

Слезы собираются в ее глазах, но прежде чем я могу утешить ее, появляется Джош и делает это невозможным. Я думал, что увидеть их поцелуй было слишком тяжело, но это было ничто по сравнению с проявлением его заботы. Стоя здесь и наблюдая, как он убирает волосы с ее лица и стирает печаль, я понимаю, со жгучей горечью внутри, что мне не справиться с этим в одиночку.

Он забрал у меня все.

— Убери свои руки от нее, — говорю я, боевая стойка.

Джош отводит взгляд от Пенелопы и подходит ко мне лицом к лицу, удостоверившись, что Пенелопа в безопасности. Вместо этого, он улыбается мне в лицо и бросает мне вызов своими темными глазами.

Я толкаю его в грудь.

Парень из резервации не такой уж и большой.

— Она не хочет быть с тобой, Диллон, — говорит мой злейший враг, расстегивая манжеты.

Герберт и Кайл подбегают с компанией Джоша за ними. Мои друзья меня удерживали и я позволял им это, но когда я заметил, что Матильда увела Пен в женский туалет, я отбиваюсь от них и бросаюсь вдогонку за ней, удивляясь, что этот чувак настолько глуп, чтобы связываться со мной и моей девушкой и ожидая, что я сдамся без боя.

Прежде чем у меня появляется шанс, чтобы разбить его лицо, меня отодвигают в сторону, и я слышу:

— Двигай ногами, парень.

Спотыкаясь, тренер Файнелл толкает меня снова и снова, пока я не попадаю через двойные двери в холодную вашингтонскую ночь. Я вдыхаю глоток ледяного воздуха, надеясь, что это очистит мои вены от ярости.

Это не срабатывает.

— Вы хоть представляете кто он? — спрашиваю, потянув за рубашку мистера

Файнелла, — С кем вы позволяете быть своей дочери?

Уэйн не двигается и не останавливает меня, когда я выплескиваю всю агрессию на него. Он просто смотрит на меня с сочувствием, которое я хотел бы убрать с его лица.

— Что вы собираетесь делать? — я ударяю кулаком ему по груди, прежде чем отпустить, — Вы конченный футбольный тренер, который контролирует школьные танцы.

Он нехотя улыбнулся.

— Она должна учиться на своих ошибках, парень. Мы не можем делать все за нее, — мужчина, которого я боялся, когда рос, тянется ко мне, — Но ты должен знать, я никогда не позволю ничему плохому случиться с Пен.

Я сбрасываю его руку, лежащую на моем плече, но его отеческая любовь избавляет мои глаза от давления, и я начинаю плакать. Когда Уэйн тянется ко мне во второй раз, я позволяю ему обнять меня своими руками и делаю его рубашку мокрой из — за слез жалости к себе.

Он прав.

Ничто не спасет Пенелопу от ее собственного ума.

Мне нужно отпустить.

Глава 30

Пенелопа

Проходят месяцы, и в конце концов, Диллон и я начинаем проходить мимо друг друга в школьных коридорах, будто между нами никогда ничего не было. Иногда наши взгляды встречаются и мое безмолвное сердце оживает и начинает биться как раньше, но один из нас всегда отворачивается, и мое сердце снова замолкает.

Пока пасмурная погода освобождает небо, позволяя солнцу светить, выпускной день становится все ближе и ближе. Мне говорят, что я получу диплом, и я смогу ходить с остальной частью класса в шапочке и мантии.

— Но поступление именно в университет не обязательно, Мисс Файнелл — говорит школьный психолог. — Вот некоторые брошюры на наших местных колледжах и профессиональных школ.

Мой терапевт считает, что я должна уделять моему будущему больше внимания, чем сейчас. Она дала мне брошюры о преимуществах краткосрочных и долгосрочных целей.

— Нет никакой причины, почему ты не можешь быть успешной в жизни, Пенелопа. На самом деле, то, что ты продолжаешь видеться со мной, это и есть доказательство того, что ты хочешь большего.

— Или того, что мои родители заставляют меня находиться здесь, — я говорю с улыбкой, запихивая новые буклеты в мою школьную сумку к тем, что она дала мне в прошлую нашу встречу.

Папа и мама пришли к соглашению о лекарстве, которое я принимаю временами, с самого моего детства.

— Оно приносит больше пользы, чем вреда, Пенелопа, — говорит мама, кладя две таблетки мне в руку — одну белую, другую желтую. — Тебе было так хорошо последнее время.

Я бросаю нормотимик (или стабилизаторы настроения — группа психотропных

препаратов, основным свойством которых является способность стабилизировать настроение у психически больных, в т. ч. биполярным расстройством) и антидепрессант в горло и проглатываю их без воды.

Мои родители стоят и ждут, когда я открою рот и подниму язык, это стало традицией, после того как они меня поймали, когда я выплюнула таблетки перед сном.

— Хорошо? — Я спрашиваю, после того, как показала им доказательства того, что лекарства растворяются в желудке.

Папа расцепляет руки.

— Ты не должна так язвить все время, Пен. Мы...

— Хотите только лучшего для меня, — я заканчиваю его фразу, направляясь к лестнице. — Я знаю.

Мама убирает оранжевую баночку, выписанную мне врачом, в коробку, которую всегда держит подальше от меня, и я делаю два шага в мою комнату. Я закрываю дверь позади меня, стягиваю с себя рубашку и штаны, когда мои губы начинают дрожать и моя голова ощущается легкой.

Переодевшись в пижаму, я открываю теперь желтые шторы, в случае если Диллон уберет фанеру со своего окна. Слез, которые все время лились из глаз, когда я смотрела туда, и доски еще не было, уже нет. Может быть, это таблетки делают свое дело или я уже привыкла к тому, что Диллон обращается со мной так, будто меня не существует, но я смогла отойти от окна с сухими глазами.

Я скольжу под одеяло и хватаю сотовый телефон, который мои родители подарили мне на день моего семнадцатилетия. Есть голосовое сообщение от Джоша и сообщение от Матильды, но я выключаю телефон, не отвечая ни одному из них, и ловлю себя на том, что вожу пальцами по номеру телефона Деккеров, зная, что больше никогда его не наберу.

Мои глаза тяжелеют, и моя спальня начинает исчезать, я не удивлюсь, если мальчик по соседству когда —нибудь делает то же самое.

Шапочка и платье Диллона зеленые, как его глаза, и с моего места двумя рядами позади, я не могу не обратить внимания на то, каким человеком он становится. Его волосы коротко подстрижены, и это делает его и так острую челюсть более выделяющейся. Что — то заставляет его смеяться достаточно сильно, он закидывает голову назад, демонстрируя самое совершенное адамово яблоко, которое я когда — либо видела.

Когда он смотрит через плечо и ловит мой взгляд, правая сторона моего рта изгибается вверх. Диллон не ответит взаимностью, и глаза движутся дальше, будто я еще один незнакомец в толпе.

Обычно такое отношение от единственного мальчика, которого я любила, который раздавил меня, отправило бы мой разум к ненависти себе и безумию, но лекарство течет в моей крови и ставит стену между горем и реальностью. Безумие находится под ложным излечением, ожидая, когда я оступлюсь

До тех пор я ... онемела.

— Диллон Тимоти Деккер, — его имя называют по громкоговорителю двадцать минут спустя.

Выпускник выходит на сцену и принимает свой диплом с любезной улыбкой. Наш выпускной класс взрывается громким гулом одобрительных возгласов и хлопков. Герб бросает пляжный мяч — должно быть, он пронес его тайком под своей мантией и надул, в

ожидании, когда назовут наши имена — в своего лучшего друга, который уходил со сцены. Он отскакивает от плеча Диллона обратно в ожидающие руки будущих студентов, где путешествовал до тех пор, пока учитель не смог сдуть его.

— Пенелопа Джорджа Файнелл, — произнесли мое полное имя. Я следую назначенному пути, ведущему на сцену, и получаю то, ради чего я не работала достаточно усердно, чтобы заработать.

После рукопожатия с директором школы, мы делаем фотографию, перед тем как я ухожу с улыбкой и поклоном, и вроде бы все закончено.

Как только сцена будет убрана, и мы подбросим наши шапочки в воздух, выпускной класс старшей школы Кастл Рейн будет официально выпущен, чтобы стать полноценными гражданами мира. Я разделяю тихое прощание с теми немногими друзьями, с которым я подружилась на протяжении многих лет, оставляя Матильду Типп с обещанием увидеться в скором времени, и встречаюсь с моей единственной семьей, которая здесь поддержать меня — с моими родителями.

Папа кладет руку на мои плечи, мама скользит своей по спине, и мы идем домой, чтобы начать остальную часть нашей жизни.

— Я не хочу, чтобы кому — то было неудобно, — говорю я, падая на кровать с телефоном у уха.

— Не глупи, Пен. Ты знаешь Кайла. Он хочет, чтобы ты пришла, — отвечает Матильда. — Я буду у твоего дома через две минуты. Будь готова, потому что я собираюсь только сигналить.

— Но Диллон собирается быть там. Он должен отпраздновать выпускной со своими лучшими друзьями. Я единственная, кто не подходит вам.

— Пенелопа, ты одна из нас, и ты мой лучший друг. Разве мы не можем отпраздновать вместе? У нас есть только лето.

— Ладно, ты права. — Я вздыхаю. Надвигающаяся паника пытается пробиться через мою химическую защиту. — Я буду ждать тебя внизу.

— Хорошо, — моя рыжеволосая подруга говорит. — И если Пеппер Дешевка Хилл попытается связаться с тобой, я прикрою. Я ждала, чтобы откусить ее лицо.

— Спасибо. — Я смеюсь и вешаю трубку.

Быстро проверив свое отражение в зеркале, я стираю размазанную под глазами тушь и пробегаюсь расческой по волосам. Верная своему слову, звук сигнала Матильды следует за эхо от скрипучих тормозов, когда останавливается перед моим домом.

— Это нормально, если я пойду к Кайлу на вечеринку? — Спрашиваю я, стоя перед родителями в нашей гостиной.

Мама поглядывает на часы на стене и колеблется.

— Восемь часов, детка. Ты должна принять лекарство в течение получаса, и я не уверена, что это хорошая идея, пропустить одну дозу.

Папа качает головой.

— Будь дома в одиннадцать. Ты можешь принять их, когда вернешься домой.

Поцеловав каждого из них в щеку, я выбегаю за дверь во влажную летнюю ночь и запрыгиваю в Камри Матильды. Герберт, приподнимается с заднего сиденья и растрепывает мои волосы.

— Мы могли бы пройтись, — говорю я, когда она отъезжает от обочины. Желто —

оранжевые фары освещают дорогу впереди.

— Я просто притворюсь, что ты этого не говорила, — отвечает Матильда, делая кислое выражение лица. — Я никуда не ходила, с тех пор как мне исполнилось 12.

Автомобиль Диллона припаркован во дворе Кайла, и белый джип Пеппер за ним. Десяток или больше других машин, которые выстроились вверх и вниз по улице, я не узнаю, и громкая музыка гремит из небольшого дома с тремя спальнями.

— Это будет весело, — утверждает моя подруга, прежде чем выйти.

Я следую за ней и Гербом через переднюю дверь, которую я использовала летом, когда мы были моложе. Дом Кайла выглядит так же, как я помню, и это помогает мне чувствовать себя совсем ненужной.

Пока я не вижу Диллона с Пеппер на кухне, которые улыбаются и тихо общаются между собой.

— Помни, я съем ее лицо, — говорит Матильда, ведя меня через кухню в гостиную и передавая пиво. — Выпей это и расслабься, я уезжаю в колледж через 6 недель, так что давай сделаем это.

Я держу холодную жестяную банку в руках, но не делаю ни одного глотка. После трех банок пива, Матильда этого даже не заметит. Она управляет залом, развлекая и веселя всех с кем разговаривает, считая обязательным включить меня в диалог. Рыжая пересказывает истории о том, когда мы были моложе, — держались за руки, пока ехали на руле велосипеда, как мы исследовали лес с грязными лицами — и действительно, до этого момента, я не понимала, как была важна для нее.

— Это было тогда, когда Пен носила каждый день цветные очки. Одна из линз выпала, и она не переставала плакать, пока мы не нашли ее. Получается, какая — то чертова белочка схватила ее. Диллон буквально преследовал белку весь день. Между тем, я ходила с Пен домой, чтобы захватить пару новых очков, и мы делали пирожные с мороженым, когда появился Ди спустя несколько часов с укусов на руке и фиолетовой линзой.

Мы все смеемся, и Диллон выходит из кухни на звук своего имени.

— Помнишь? — спрашивает его Матильда. — Твоя мама бросилась с тобой в больницу чтобы сделать укол от бешенства, и ты не мог играть на улице в течение недели.

Мой сосед смотрит на меня и на самом деле улыбается.

— Да, помню.

Напряжение ослабевает после его простого заявления, и разговор продолжается, Диллон и я не общаемся на прямую, но ему присутствие не кажется ужасным. Я, наконец, избавляюсь от защиты и наслаждаюсь жизнью.

Это было до того, пока я не отлучаюсь в туалет и понимаю, что мой телефон звонит. Имя Джошуа отображается над пятью пропущенными звонками, и он оставил несколько сообщений.

Где ты?

Почему ты не позвонила мне?

Слышал ты у Кайла.

Его последнее сообщение приходит, когда я выбегаю из ванной, но уже слишком поздно.

Я здесь.

Джош и его друзья уже внутри, и настроение вечеринки значительно испортилось. Вместо того, чтобы заботиться о реакции моего парня, увидевшего меня здесь, я жду

реакцию Диллона. Его реакция меня не удивляет.

— Избавиться от твоего мусора, Пен? — Он кивает в сторону незваных гостей, задержавшихся перед дверью.

Настоящий смутьян, Джош проходит мимо меня, как будто я здесь не нахожусь, и нападает на парня, на которого он затаил злобу, с того самого дня, как автобус высадил его перед нашей школой 4 года назад, пока его друзья идут за Гербом и Кайлом.

Все после этого происходит так быстро.

Джош ударяет Диллона, и он падает.

Диллон отбивается.

Оба парня в крови.

Все кричат.

Матильда загоняет меня в угол и не дает мне двигаться.

Диллона ударили в живот. Он согнулся пополам и смотрит на меня, когда я кричу Джошу, чтобы он остановился.

— Пожалуйста! Пожалуйста, остановись! — Я кричу.

Это длится пока синий и красный свет не начинают попадать на Джоша через окно и его друзья выбегают через переднюю дверь, в которую они вошли. Оставляя после себя разрушения. Никто не должен ничего говорить. Я знаю, что они винят меня.

Глава 31

Пенелопа

— Ты не проведешь снова весь день в кровати, Пен. — Моя мама сдергивает одеяло с моего тела, прежде чем пойти и открыть окно. — Перестань жалеть себя. Миллионы людей живут с депрессией и не спят всю жизнь. Вставай.

Я зажмуриваюсь из — за серого света, наполняющего мою комнату через раздвинутые шторы, я даю моим мыслям секунду, чтобы догнать боль глубоко внутри моих костей и расслабить мышцы, прежде чем я сказать что —нибудь. Вот и все необходимое время для тревоги, чтобы понять, что я проснулась и нанести прямой удар через мое омертвевшее сердце. Паника поднимается следующей, поселяясь в моем горле, поэтому я не могу нормально дышать. Я переворачиваюсь на спину и пялюсь в белый потолок надо мной, молясь чтобы этот день прошел.

Я пропустила одну дозу в ночь вечеринки Кайла. Две недели спустя, я все еще борюсь с тем, чтобы вернуться на правильный путь.

— Почему Вы не понимаете, что это не так просто? — Я говорю сбивчивым тоном.

Если она оставит меня здесь, может быть, я смогу хорошенько поспать и буду чувствовать себя лучше, когда проснусь сама. Вместо этого, она вламывается сюда каждые несколько часов, с теми же требованиями, которые вызывают ту же самую реакцию.

— Я включила тебе душ, — говорит она

Мы были здесь раньше. Мы уже говорили об этом во время предыдущих случаев сотни раз, но она до сих пор ничего не поняла.

Я сломана.

Душ не поможет мне чувствовать себя лучше.

Все, что я хочу, это чтобы меня оставили в покое.

Мама сидит на краю моей кровати и потирает рукой вверх и вниз по моей ноге. Я нуждаюсь в воздухе, это разрывает мое горло и грудь, я плачу и расстроена. Нет ничего, что я хотела бы больше, чем исчезнуть, но это невозможно, потому что я не сделана из ничего.

Женщина, которая привела меня в этот ад, берет мое лицо в свои руки.

— Никогда не лучше, Пенелопа? Ты не можешь так жить.

Дрожь проходит от кончика моего носа до конца каждого моего волоска на голове. Мои разрушенные легкие проталкивают неглубокие глотки воздуха через мои стиснутые зубы и потрескавшиеся губы. Я вонзаю пятки в матрас и натягиваю простынь так, что побелели костяшки.

— Уходи, — я плачу, стягиваю полностью белый хлопок с моей кровати.

Мама целует мое лицо, смешивая свои слезы с моими.

— Скажи мне, что делать, детка. Скажи, как это исправить.

Диллон.

Я не видела своего мальчика так долго и скучаю по нему всему: по его лицу, по его рукам, по его голосу. Я скучаю по его смеху, его любовью, его рукам, и его силе. Я скучаю по нему между моих ног и вокруг меня. Я скучаю по его присутствию и его сознательности. Я скучаю по его доброте и заботе. Скучать по нему так чертовски больно. Так что я плачу, и борюсь, и я кричу, пока мама не покидает мою комнату и не закрывает дверь.

Натягиваю одеяло на голову, блокируя любой свет, и сворачиваюсь в плотный шар. Паника продолжает бушевать, живя в моей груди, но постепенно мое тело успокаивается и дыхание замедляется. Горящие глаза то закрываются, то открываются, и моя ноющая челюсть расслабляется. По одному, мои жесткие пальцы отпускают свою хватку на моей простыне, и сон уносит меня в свои объятия.

Моя единственная компания в этой пустоте — моя тоска по Диллону.

В черноту беспамятства, я так скучаю по нему.

Завтра я буду стараться. Завтра будет лучше.

Сейчас мне нужно спать.

Глава 32

Диллон

— Я вчера подслушала тренера Файнела, он говорил о Пенелопе. Хочешь знать, что он сказал? — спрашивает Риса, сидя за кухонным столом.

Налив стакан апельсинового сока, я пожимаю плечами и смотрю на сестру через край стакана, пока пью холодный сок. Понадобилось двадцать три года, и девочка, родившаяся на пять лет раньше меня, наконец, выросла. Она не провела это лето, следуя за какой-нибудь музыкальной группой по всему штату, не спала в задней части фургона и не делала татуировки нестерилизованными иглами. Дреды исчезли, а ее натуральный цвет волос — русый, снова вернулся. Хоть Риса до сих пор и живет дома у родителей, но она получила работу в закусочной в городе, и даже начала посещать он-лайн курсы колледжа.

И теперь, большее недовольство родителей, вызывает то, что делаю я.

— Лекарство, которое она принимала в прошлом году, перестало работать, и ее лечащий врач, не может подобрать то, что действует. Уэйн сказал, что ей выписали уже третье лекарство за третий месяц, но ей не становится лучше. Так что, он не занимался

тренировками ребят в этом сезоне, чтобы больше времени проводить с Пен дома.

Я ставлю пустой стакан в раковину и кладу руки на край стола, пока то, что сказала моя сестра, пробирается в меня. Опустив голову, я изо всех сил зажмуриваюсь и напоминаю себе, что это не моя ответственность — пойти к соседям и вытащить Безумие из кровати.

Прошло более двенадцати месяцев, но я по-прежнему должен напоминать себе об этом каждый день.

— Что ты от меня хочешь, Риса? — прочистив горло, я встаю прямо и поворачиваюсь к ней лицом.

Рис, которая прочла мне лекцию о приоритете заботы о себе, когда я был в самой гуще болезни Пен, смотрит на меня ярко-зелеными глазами, которые отражают мою собственную тоску. Я отворачиваюсь и подавляю реакцию. Для того что бы любить Пенелопу, требуется много сил, и я двигаю ноги, пока сестра не возложила на меня вину, с которой я уже живу.

— Я просто сообщила тебе информацию, потому что думала, что ты хотел бы знать, — говорит она мне вслед.

— Хорошо — говорю я быстро.

Это тяжело, когда моя семья любит ее так же сильно, как и я. Несмотря на то, что мы прервали свои отношения, наши семьи очень близки. И от них я узнаю о ее состоянии и диагнозе. Что они ожидают от меня? Что я побегу туда и хоть как-нибудь спасу ее? Я не смог раньше, не смогу и сейчас.

— Диллон, ты должен провести с Пенелопой немного времени, — говорит она, и нотки конфликта звучат в ее голосе. — Я знаю, что она обидела тебя, но сейчас это намного важнее. Ей сейчас не очень хорошо.

— Ты не представляешь, что она сделала мне.

Несмотря на боль, я мог бы легко сбежать. Но, независимо от моего отказа встречаться с Печалью, я до сих пор в Кастл Рейн. Письма о поступлении в колледж, до сих пор лежат без ответа моей комнате. Цели, которые у меня были с детства, рушатся, становясь, все дальше и дальше от зоны досягаемости. Все кого я знаю, продолжают двигаться по жизни. А я живу с мамой и разочарованием отца каждый день. И все потому, что я боюсь покинуть соседку.

Это болото, из которого я не могу убежать.

Риса берет в спешке свои ключи со стойки.

— Мне пора работать, а мамы и папы не будет вечером. Ты сможешь побыть один, пока я не вернусь домой?

— Мне восемнадцать, — я ухмыляюсь. — Тебе больше не нужно быть моей нянькой.

— Знаю, но я переживаю, — говорит она. — Если ты не будешь продолжать учебу, то должен найти работу. Нет ничего хорошего, что бы сидеть весь день дома. Спроси Кайла, может он возьмет тебя с собой дорожным рабочим.

Я слышал примерно те же слова все лето от родителей, поэтому закатываю глаза, пока поднимаюсь к себе в комнату. Они не согласны с моим решением пропустить год, прежде чем продолжить учиться. В конце концов, я проведу в медицинской школе достаточно долго, так что отсрочка на двенадцать месяцев незаметна, но никто не захотел, что бы я объяснил причины своего выбора.

Пеппер (с размазанной тушью из-за слез и утверждением, что она думала, что это была любовь), закатила истерику, прежде чем месяц назад мы расстались. Я чувствовал, что должен провести с ней время и успокоить ее, после того как обманывал. Так что я высидел

ее истерику. А когда она бросила в меня пустую коробку и спросила: как ты мог так поступить? — я извинился.

Зачем спрашивать, если она и так знала?

Прежде чем я покинул ее дом в ту ночь, последние слова Пеппер Хилл, мне это доказали.

— Твоя Пенелопа с Джошуа Дарком. Она не любит тебя.

Открыв дверь в спальню, я остановился на пороге. Моя комната была самой холодной и темной в доме — благодаря фанере прибитой на окно. Я молча пялился на нее, понимая, что тонкий кусок деревяшки не сделал ничего, что бы отгородить меня от Печали, поэтому я подхожу к окну, и просовываю пальцы между стеной и фанерой. Гвозди легко выскальзывают из гипсокартона и один угол сразу отходит.

Серый свет октября снова заполняет мою комнату, и я прищуриваюсь из-за его яркости. Старые металлические жалюзи, погнутые и поломанные, свободно висят, поднимая пыль и грязь в воздух. Полностью срывая их, я открываю окно, которое не видел и не трогал с тех пор, как заколотил его. Поднимаю покосившуюся створку, чтобы впустить немного свежего воздуха.

Желтые шторы Пенелопа раздвинуты, но ее не видно. Я не могу заставить себя пойти туда, но надеюсь, она увидит, что доски больше нет, и поймет, что я все еще здесь.

— Герб и Матильда будут дома на День Благодарения, — говорит Кайл, откусывая большую часть сэндвича. С едой во рту, он продолжает, — они устраивают вечеринку сегодня вечером. Хочешь пойти?

Отец, не переставая говорил о моем образовании и моей неспособности содержать себя. Поэтому, я устроился на работу дорожным рабочим: заполняю выбоины и перекрашиваю линии на улицах Кастл Рейн с Кайлом. Я сижу на бордюре, вдоль нашей площадки, в оранжевом светоотражающем жилете, старых джинсах и рабочих ботинках. На моих руках появились мозоли, а у меня, уважение к ручному труду. На эту работу меня устроил мой старый друг, который давно решил, что последние четыре года в школе были напрасны. А укладка асфальта укрепила мое решение получить степень доктора.

— Я не знаю, — говорю я, пиная гравий на середину улицы.

Кайл проглатывает часть бутерброда с индейкой и говорит:

— Пенелопа будет там.

Я слышал, что девушка по соседству устроилась на временную работу в продуктовый магазин, и моя мама отметила, что видела ее за рулем машины Уэйна в городе несколько раз. Пен и ее семья ходят в закусочную, где работает моя сестра, по крайней мере, раз в неделю. Герберт сказал мне, что она и Матильда поддерживали связь после их переезда в Сиэтл. Но, несмотря на то, что мы живем в маленьком городке и являемся соседями, мы не пересекаемся.

Даже теперь — когда фанеры закрывающей моё окно больше не было.

Я встаю при упоминании ее имени и прислоняюсь к нашему рабочему грузовику. Жмурясь из-за редкого ноябрьского солнца говорю:

— Это вероятно, не очень хорошая идея.

— Когда ты разговаривал с ней в последний раз? Может это поможет тебе немного успокоиться или что-нибудь в этом роде, — Кайл вытирает руки о свою грязную, некогда белую футболку.

В ответ я криво улыбаюсь, а мой друг пожимает плечами.

— Вы, ребята, расстались больше года назад. Как долго ты собираешься избегать ее? — спросил он, надев каску на свои светлые волосы. — К тому же, наблюдение за тобой здесь, вспотевшим и с постоянно возникающими волдырями, вместо учебы по спасению жизней, разбивает мне сердце. Разберись со всем дерьмом с Пен, чтобы ты смог начать жить, мой друг.

Схватив лопату, я следую за Кайлом на участок, где мы работали, прежде чем сделали перерыв и спрашиваю:

— Что ты вообще знаешь? У тебя даже никогда девушки не было.

— Я ходил на свидание прошлой ночью, — говорит он, бросая лопату асфальта в яму.

— С кем?

Кайл становится прямо и сдвигает свою каску назад. С кривой улыбкой он подмигивает мне и говорит:

— Это старая подруга.

Я паркуюсь на улице и закурываю сигарету, чтобы успокоить нервы пока иду в дом родителей Матильды. С луной, закрытой грозовыми тучами, на улице темно, и мелкая изморось начинает капать с неба на мое лицо. Я выдыхаю никотин в воздух и бросаю окуроч в сточную канаву, надеваю капюшон на голову и стучу в дверь.

Герберт открывает дверь, заливая крыльцо светом, музыкой и звуками смеха.

— Прячься от дождя, — говорит он, отходя в сторону, чтобы я мог войти внутрь.

Он похлопывает меня по спине и протягивает бутылку холодного пива, но мое внимание уже направленно на Безумие. Все, за исключением волнистых каштановых волос и грустных глаз, растворяется в тумане неважного. Мои ноги несут меня туда, где Пенелопа сидит одна на диване, и я наклоняюсь и целую ее в щеку.

— Эй, — шепчу я.

— Привет, — Грусть убирает прядь волос за ухо.

Она словно стала меньше, чем я помню, и ей явно неуютно в собственном теле.

Потирая большим пальцем по ее щеке, которые становятся красными, я стою над единственной девушкой, которую когда-либо любил и удивляюсь тому, как долго я к ней не прикасался. Протягиваю ей свою руку, похожую на наждачку из-за дорожных работ. Она проскальзывает своей тоненькой ручкой с мягкой кожей в мою без колебаний. Переплетая наши пальцы, я тяну Пен с ее места в первую попавшуюся комнату.

Это не та девушка, которая рисовала «знак мира» на своей щеке или писала мне записки через весь двор посередине ночи. Мягкость в глазах Пенелопы исчезла из-за ее еб *утой жизни. Она не скрывает свою бессонницу под толстым слоем макияжа. Теперь всему миру можно увидеть темно-фиолетовые круги под глазами.

Поднимая и усаживая Печаль на комод у стены, я раздвигаю ее колени и поднимаю юбку по тонким бедрам, пока не могу стать между ними.

— Скажи мне этого не делать, — говорю я, затаив дыхание, и смотря на ее приоткрытые губы.

Пенелопа двигается к самому краю комода и дергает меня за толстовку ближе к себе. Ее округлая грудь ощущается напротив моей с каждым тяжелым вздохом, поступающим через легкие, которые в данный момент не могут работать в полную силу. Обвивая руками мою шею, Пен начинает потираться своим теплым местечком напротив моей твердости.

— Пожалуйста, не останавливайся, — говорит она, уткнувшись лицом в мою шею. — Не оставляй меня здесь.

Целуя ее разгоряченное лицо, я становлюсь еще ближе к ней и расстегиваю джинсы. Пенелопа стонет, когда я задеваю костяшками ее чувствительное местечко, и в попытке услышать ее снова, я стягиваю с нее нижнее белье и вхожу одним резким ударом.

Мы плавимся.

— Чувствуешь меня сейчас? — спрашиваю я, когда достигаю конца и выскальзываю обратно.

Каждая часть моего тела дрожит, Безумие тянет меня за волосы и вонзает свои зубы в основание моей шей. Мои колени врезаются в комод, пальцы зажаты между комодом и стеной, а наши качающиеся тела заставляют скрипеть полу-глянцевое дерево. Практически вознеся Пенелопу на вершину, я покрываю каждый дюйм Печали своим взрывом, желая быть ближе и глубже.

— Я люблю тебя. Я люблю тебя, — говорю я и опускаюсь ртом на тонкую кожу шеи Пенелопы и начать посасывать.

Я выпускаю все эмоции, которые у меня были с тех пор, как эта девушка разрушила мою душу. Сжимаю тонкие вены между зубами, разрывая кровеносные сосуды губами. К тому времени как мы закончим, я оставляю ее горло черным и синим, помечая Пенелопу, из-за моей неспособности контролировать мою потребность быть с ней. Проводя пальцами по отметкам, которых она не заслужила, вина раскалывает меня, а когда я смотрю в ее глаза, то по мне разливается опустошение.

Выходя из нее, я надеваю свои темные джинсы и сажусь на кровать в другом конце комнаты.

Пен выпрямляется одергивая юбку, и соскакивает с комода. Ее гольфы в военном стиле спустились до лодыжек, а шнурки на ботинках развязались. Стоя на неустойчивых ногах, она поправляет свитер и вытирает рукавом рот, прежде чем дать слезам упасть.

— Пенелопа, прости, — говорю я.

Она обнимает себя руками и качает головой. Закрывая глаза, она разворачивается и выходит из комнаты.

Глава 33

Пенелопа

— Я не уверена мисс Файнел, что так усердно работать в вашем состоянии это хорошая идея. Мы добились прогресса за последние пять месяцев, но такие вещи непредсказуемы.

Откинув голову обратно на кушетку, я лопаю большой розовый пузырь жвачки со вкусом арбуза, и позволяю прилипнуть ему к верхней губе и носу. Всасывая жвачку обратно, я сжимаю ее между зубами и говорю:

— Я не брошу свою работу.

— Никто не говорил, что надо бросить, — осуждающе говорит доктор, добавляя короткие заметки в желтый блокнот, — но ты должна подумать о сокращении часов работы. Твоя мама сказала, что ты взяла на прошлой неделе дополнительную смену и потерпела неудачу ночь. Она сказала, что чувствует, будто ты перегружена работой.

— Я взяла дополнительную смену, потому что не могу находиться с ней в доме каждый

день. Мне почти девятнадцать, и она не дает мне даже сходить в туалет без стука в дверь каждые пять минут, чтобы убедиться, что я не убила себя. Я не самоубийца.

Доктор Постоянно Кивающий кивает и спрашивает:

— А неудача, о которой она упоминала?

— Я хотела помочь приготовить ужин, мне надо было нарезать лук. От него мои глаза начали слезиться, и я случайно порезалась ножом. Мама подумала, что я собиралась вскрыть себе вены, — говорю я, надувая еще один пузырь.

— Она объяснила это немного иначе, — отвечает доктор Монотонность, опуская свой блокнот на стол. Она поднимает очки на голову. — Она сказала, что пришла на кухню, а ты была вся в крови и с ножом в руках.

— Моя мать не дала мне шанса все объяснить. Как я уже сказала, я не самоубийца.

— Может, тебе стоит оставить нарезку продуктов своим родителям, чтобы этого снова не произошло, — говорит доктор Всезнайка, взяв свой блокнот обратно.

Левая сторона моего рта приподнимается, и я говорю:

— Может, вам не стоит лезть не в свое дело.

Доктор Кивок продолжает кивать, делая все больше заметок обо мне.

— Ты замечаешь разницу в настроении, Пенелопа? Ты часто злишься без причины?

— Я не злюсь.

Мой терапевт морщит губы, но не показывает мне каких-либо других признаков того, о чем она думает. С каменным лицом и царапая карандашом по желтой бумаге, она совершает ошибку и переворачивает карандаш, чтобы исправить ее.

И пишет. И пишет. И пишет.

Она переворачивает страницу.

Я начинаю кусать ногти, пока тепло поднимается по моему позвоночнику вверх, и капля пота стекает в нижнюю часть моей спины. Изгиб каждой буквы, которую она пишет, звук каждой буквы «t», которую она перечеркивает, ощущается так, будто режут мои кости. Сжав челюсть, я хватаюсь влажными пальцами с кровоточащими кутикулами за край кресла, чтобы не убежать из этой комнаты с криками.

— Что насчет мальчика по соседству, Пен? Ты хочешь поговорить о нем? — спрашивает доктор Мастер Письма. Она останавливает карандаш и ждет моей реакции.

— Почему вы спрашиваете о Диллоне? — я выдыхаю, борясь с внутренним огнем и пытаюсь казаться нормальной.

— Потому что мне сказали, что он уезжает в следующем месяце.

— И? — спрашиваю я, пока слезы жгут мне глаза.

— Ладно, у тебя с ним были стычки...

— Я не хочу говорить об этом, — я прерываю ее.

— Твои родители боятся, что отсутствие Диллона разрушит все наши успехи. Что ты об этом думаешь?

Проглотив жвачку, я держу мои руки на стуле и говорю:

— Я думаю, что мои родители должны перестать говорить с Вами и начать говорить со мной.

— Пенелопа, мы сказали ей о Диллоне не для того чтобы она расстроила тебя. А упомянули об этом на случай, если это станет проблемой, — говорит мама. Ее карие глаза ненадолго встречаются с моими в зеркале заднего вида, прежде чем вернуться на дорогу

перед ней.

Сидя на заднем сидении с опущенными окнами, пока почти летний ветер оставляет в моих волосах аромат соли. Мы едем через город после моего приема у терапевта. Солнечное тепло просачивается через мою кожу, согревая меня снаружи. Искра восторга в ожидании лета, мои первые водительские права, все это отправляет поток предвкушения по моим венам, вымывая страх и отвращение к самой себе. Я мечтаю о днях, проведенных на горячем песке, о купании в соленом океане и о дорожном приключении, и о том, что бы покинуть Кастл Рейн.

Потом я вспоминаю, всех кого покину в этом году.

Сумасшедшая девушка.

Подъезжаем к дому, мама выключает машину и поворачивается ко мне лицом.

С рукой на ручке двери я спрашиваю:

— Что?

Она улыбается, освещая свое круглое лицо принудительным счастьем. Темные волосы седеют с возрастом, и годы стресса, благодаря такой дочери как я, влияют на нее — у моей мамы глубокие морщины между бровей и вокруг глаз, а ногти обкусаны, как у меня. Я не могу вспомнить последний раз, когда видела ее улыбку, а значит, и не слышала ее смех, а вот плач постоянно.

— Я хочу, что бы ты знала, отец и я гордимся тобой, Пен, — говорит она. Несколько прядей волос выпадают из ее хвоста.

— Спасибо, мама, — бурчу я, вылезая из машины.

Я закрываю дверь, чтобы обойти Chrysler сзади, когда Диллон выходит из своего дома. Он одет в шорты и белую футболку. С ключами свисающими с его руки, соседский парень останавливается на краю крыльца и смотрит на меня. Я не могу больше выдержать его взгляд и двигаюсь вперед.

— Пенелопа, — он меня окликает.

Спасая, нас обоих от неловкого разговора о том, что произошло на вечеринке у Герба и Матильды, и себя от того, что бы услышать о том, что он, наконец, уезжает, я пробегаю через дверь и бегу навстречу, где запираюсь в ванной.

Располагая руки на краю раковины, я смотрю в зеркало. Смотрю на отражение лица, которое не хочу больше знать. Девушка, пристально смотрящая на меня, с темными кругами под глазами и постоянно хмурым лицом — та, что отгоняет от себя всех кого любит.

— Будь нормальной, — говорю я ей. — Веди себя нормально.

Мой пульс ускоряется, когда из-за гнева напрягается каждый мускул в моем теле. Я ударяю кулаком по зеркалу, посылая рябь через мои неизменные размышления.

— Будь, черт возьми, нормальной! — кричу я, разбивая руками зеркало.

Трещина прорывается через центр моего лица, но ничего не меняется. Мои глаза отдельно стоящие, моя кожа выглядит больной, и я чувствую свои внутренности мертвым грузом.

Посылаю кулак в стекло еще раз, разбивая его полностью, чтобы в этот раз я была неузнаваема. Я — ничего, кроме острых как бритва осколков, калейдоскопа обломков... Он говорил, что не покинет меня.

Диллон

Я провел последние несколько месяцев, пытаюсь выяснить, что мы сделали неправильно, думая, что я мог бы сделать по-другому, и спрашивая, можно ли это исправить.

Я скучаю по тем дням, когда мы были детьми.

Подростковая любовь такая неприкасаемая.

Я тосковал по простым вещам. Когда Пенелопа ездила на моем руле. Или, когда она ждала новую пару солнцезащитных очков. Мы играли, пока не загорались уличные фонари. Шли домой толкаясь и крича, с грязными лицами и следами от травы на коленках. Я скучаю по прыжкам со зданий с Гербом и Матильдой, по зависанию с друзьями, без необходимости заботы о всем мире.

Я скучаю по безумию.

Пока я принимал решение, наконец, уехать, отец много чем угрожал. Он угрожал забрать мою машину и лишит меня стабильности. Он сказал, что не будет платить за обучение, и дал лето для принятия решения. Когда угрозы не сработали, он убедил меня.

— Ты хочешь ее вернуть, сын? Если все наладится, то что ты сможешь предложить такой девушке как Пенелопа, без образования?

Я уезжаю в колледж, но мое сердце остается в Кастл Рейн.

До вчерашней встречи на подъездной дорожке, я не видел Пенелопу несколько месяцев — с вечеринки Герба и Матильды. Если то, как она быстро убежала в дом было показателем ее отношению к произошедшему, то я не удивлен.

Я трахал ее, буквально и фигурально.

Предав ее доверие самым худшим из возможных способов, я воспользовался единственной девушкой, которую я когда-либо любил и позволил ей уйти от меня без извинений или объяснений, сломленную и травмированную. Мне следовало вывести ее из комнаты, провести мимо ребят на вечеринке, которые все слышали, посадить в машину, чтобы она не ехала домой одна. Слова: «я люблю тебя до смерти» никогда не слетали с моих губ, хотя они единственные, которые следовало бы сказать.

В моей комнате большинство вещей уже упаковано, и дни пролетают в этой маленькой комнате. Я бесконечно смотрю на желтые шторы. Я устал быть без нее.

Пенелопа это все, что у меня есть. Все, что мне нужно. Все, о чем я мечтал, с тех пор как мне исполнилось двенадцать лет.

Я делаю затяжку сигареты, привычки, которую я никак не могу бросить, пока не бросаю сигарету на землю и тушу ее ботинком. Делая глубокий вдох, я иду к ней.

Вот что я делаю.

Это то, что я всегда делал.

Для нее, я буду бодрствовать вечно.

— Она на заднем дворе, милый.

— Спасибо, миссис Файнел.

Я прохожу между нашими домами и иду по влажной траве через двор. Ролики Пенелопы, старые и грязные, собирают пыль на деревянной веранде, которую я помог строить Уэйну несколько лет назад. Разбитая бетонная плита — наши руки и сердце — находится перед ней.

Мне не пришлось идти далеко, чтобы найти ее.

Подходя к линии леса, среди деревьев, я вижу ее. Она там, где мы проводили летние дни и копали червей, или прятались от наших родителей. Блестящие и естественно выющиеся, такие же как и при нашей первой встрече, волосы Пенелопы разлетаются вокруг головы, пока она вращается по кругу, медленно танцуя под музыку льющую из старого радиоприемника. Пальцы ног с розовым лаком, закапываются в сырую землю, которая застревает под ногтями.

Сидя на пне от старого дерева, я скрещиваю руки на груди и наблюдаю, как ее белое платье двигается на теле и взлетает у колен. Пенелопа видит меня и улыбается, но не прекращает кружиться. Она закрывает глаза и поворачивает лицо к солнцу, проглядывающему сквозь ветки деревьев покрытых густой листвой, согревая свою бледную кожу и усталые глаза, разводя руки и кружась.

Она была рождена, чтобы я любил ее.

Когда заканчивается одна песня и начинается другая, соседская девчонка садится рядом со мной и вытирает свои грязные ноги о траву. Она смотрит на меня снизу вверх сквозь длинные ресницы и улыбается, в мгновение, отмечая время, что мы провели врозь. Так много слов и объяснений, что нужно сказать, но ни одно из них не казалось достаточно важным, чтобы заговорить.

Пенелопе необходима забота.

— Диллон, — шепчет Пенелопа, — иногда мне так грустно.

— Это нормально.

— Я не знаю, как это исправить, — признается она. Эмоции собираются в ее карих глазах.

— Я помогу тебе, — говорю я.

Поднявшись на ноги, я предлагаю ей руку, и она берет ее легко. Соленая грусть капает в грязь, пока я вытираю ее слезы, и мы перешагиваем их, когда выходим из леса. Серые тучи закрывают яркое небо, и мелкие капли дождя начинают падать, когда мы входим через заднюю дверь Файнелов.

Знакомый аромат, только что сваренного кофе, возвращает меня во времена, когда я относился к этому дому как к родному. Соня смотрит в кружку, когда ее дочь и я, проходим через гостиную, взявшись за руки к лестнице. Она не произносит ни слова, но судя по ее улыбке, Соня чувствует облегчение.

Закрывая дверь в свою спальню, моя девочка забирается в кровать и скользит под тяжелое одеяло. Я выскальзываю из своей обуви и снимаю куртку, прежде чем забраться к ней, и замечаю разноцветные шарики и желтые перья на комод.

Убрав ее волнистые волосы с подушки, я ложусь напротив моей девушки и целую ее в висок, прежде чем лечь на подушку рядом с ней.

Есть не так много слов для штопки двух разбитых сердец. Это так же естественно, как дышать. Мы лежим в темноте, в середине дня, давая молчаливые обещания. Она держит мою руку и целует мое запястье. Мы засыпаем, и весь день проходит без единого слова.

— Диллон.

Я открываю глаза под тихий голос миссис Файнел. Она стоит у подножия кровати, тускло освещенная желто-оранжевым светом, падающим из коридора. Переводя глаза с опухшими веками на часы светящиеся на тумбочке, я удивлен, что уже за полночь.

— Она в порядке? — мама моей девушки смотрит в сторону спящей рядом со мной.

Кивнув головой, я сажусь и подтягиваюсь, готовый идти домой.

— Останься, — говорит Соня шепотом. — Мне жаль, что я разбудила тебя.

Она уходит, тихо закрывая дверь и выключая свет в коридоре. Полоска света из-под двери исчезает, и в комнате становится темно.

— Я сталкиваюсь с этим каждую ночь, и она удивляется, почему я сплю весь день, — говорит Пенелопа.

Лежа на спине, я переворачиваюсь лицом к беспокойной. Ладони, сложенные словно в молитве, под лицом в веснушках, она моргает и зевает.

— Все родители беспокоятся о своих детях, — говорю я.

Пен закрывает глаза и делает глубокий вдох.

— Когда ты уезжаешь?

— Через неделю.

— Почему ты здесь, Диллон? — спрашивает она с дрожью в голосе.

— Потому что я хочу, чтобы ты поехала со мной.

Глава 35

Диллон

Сняв белое платье, в котором она спала, Пен натягивает на свои босые ноги пару старых штанов, и натягивает рубашку через голову. Она запускает пальцы в свои непослушные локоны, расчесывая их, и убирает пару прядей с лица.

— Готова? — спрашиваю я, беря ее за руку.

— Да.

Пенелопа и я провели большую часть утра, говоря о времени, которое мы потратили зря, и о том, как сделать наше будущее совместным. Извинения не понадобились и, между мягкими поцелуями и легкими прикосновениями, мы легко договорились что прошлое — это прошлое.

Это было так просто.

Слушая как Уэйн, очередной раз подходит к двери спальни, мы решили подождать до девяти, чтобы выбраться из кровати, и надеялись, что Уэйн не будет меня убивать при свете дня.

— Они не могут сказать «нет», Диллон. Мне девятнадцать. Я не...

Зажимая пальцами ее губы, я улыбаюсь.

— Не сходи с ума раньше, чем мы услышим их ответ.

Как и в любой другой выходной, утром в доме Файнелов Соня готовит завтрак на кухне, а ее муж сидит на диване и чистит свой пистолет.

— Что ты здесь делаешь, парень? Ты забыл про правила этого дома в наше отсутствие? — он смотрит вниз на ствол своего оружия. — Тебе их напомнить?

Я шутливо ставлю Пенелопу перед собой, прикрываясь, и двигаюсь к двери. Моя девушка визжит, но Уэйн и миссис Файнел смеются.

Отец моей девушки, кладет пистолет на стол рядом с открытой книгой о подростковой депрессии, и приглашает нас посидеть с ним.

— Я напугал тебя, парень? Не будь ссыкуном, Диллон.

Он только что назвал меня по имени?

В ожидании смерти, осторожно сажусь в кресло напротив, и тяну Пенелопу на свои колени, но остаюсь в напряжении, на случай, если надо будет убежать. Тренер Файнел предлагает мне пиво, и я отказываюсь, зная, что это тест.

— Слабак, — он снова мычит, хлопает ладонью и принимает напиток.

— Почему у меня плохое предчувствие? — Соня садится рядом с мужем. Она сжимает в руках красное кухонное полотенце.

Одетый во вчерашнюю одежду, я дрыгаю ногами в нетерпении, пока мы четверо сидим в неловкой тишине. Мои глаза двигаются между родителями моей девушки и пистолетом, который Уэйн достал только для того чтобы напугать меня. Ожидая пока Пенелопа начнет говорить, и поведает своим родителям о том, чего она хочет, мои руки начинают потеть, и чувствую, как моё сердце бьётся в кончиках пальцев.

Тридцать полных напряжённости секунд, которые казались десятилетием, проходят, а Грусть не произносит ни одного звука, поэтому озвучиваю все я.

— Я уезжаю в Сиэтл через неделю, и хочу, чтобы Пенелопа поехала со мной.

Школьный «нацист» встаёт, и его лицо становится красным под густыми бровями и усами цвета соли и перца. Его колени ударяются о старый деревянный стол, задевая оружие, и оно падает на пол.

Пока я жду случайного выстрела, или когда оно выстрелит мне в лицо, Соня кричит, а Пенелопа начинает плакать.

— Я спрашиваю только из уважения к Вам, тренер Файнел. Если Пенелопа хочет уйти, то она может это сделать. Но я не хочу, что бы это произошло так. Ваше благословение очень важно для нас.

Его лицо сменяет три оттенка раздражения, прежде чем, в конце концов, стать фиолетовым.

— Сиэтл?! Ты понимаешь как он далеко, парень? Она не может быть одна.

— Она и не будет, — ответил я, думая об этом с тех пор как попросил ее переехать со мной. — Герб и Матильда тоже там учатся. Возможно, мы вдвоем сможем составить такое расписание, что с ней всегда кто-нибудь будет рядом. Или она может ходить на курсы при колледже, пока я буду учиться. Мы справимся.

— Ты мой ребенок. Я беспокоюсь о тебе, — мистер Файнел качает головой, направляя темные глаза к своей дочери с хрупким сердцем. Морщины гнева и огненный цвет кожи смягчаются и возвращаются к нормальному состоянию, когда он заключает ее в объятия.

— Я знаю, папа, — говорит она тихо.

— Помоги мне понять, детка, — говорит он, падая обратно на диван. — Я не понимаю, ты и парень снова вместе? Почему ты хочешь уехать?

— Я люблю его, — просто отвечает Пен, вытирая слезы с лица.

После того как первоначальный шок из-за нашего заявления прошел, Уэйн начинает задавать вопросы об учебе, и о том, как я планирую содержать себя и его единственного ребенка. Описывая двухкомнатную квартиру, за которую мой отец согласился платить, пока мои оценки будут высокими, я думаю, он понимает, что мы будем жить как самые обычные студенты.

На текущие расходы хватит стипендии, и поскольку у меня есть год, чтобы наверстать упущенное, и у меня будет загруженный график занятий, я не смогу зарабатывать дополнительные деньги.

— Это будет нелегко, но я хочу стать врачом, — говорю я. — И я хочу быть с Пен.

Несъеденный завтрак становится холодным, когда утро перетекает в обед. Мы говорили в течение нескольких часов и позвали моих родителей, чтобы они тоже присоединились к обсуждению. Они удивлены также как и Файнелы, и оправданно нервничали. Папа хочет, чтобы я принял во внимание, что жить с человеком с хронической депрессией требует дополнительного внимания.

— Нет необходимости спешить, сынок, — говорит он. — Почему бы не подождать, семестр или два, пока ты адаптируешься сам?

— Она не помнит, когда необходимо принимать лекарства самостоятельно, Диллон. Если ты собираешься заботиться о ней, ты должен не позволять ей оставаться в кровати весь день. А что насчет терапии и назначений других врачей? Это будет сложно. Мы не будем жить на одной улице. Я не смогу помочь... — Соня замолкает, поворачивая свое испуганное лицо к мужу в поисках поддержки.

— Я не могу провести еще один год без нее, — говорю я честно. — Она будет в порядке со мной. Нам будет хорошо вместе.

В конечном счете, они признают, что это наши жизни и наши решения, и, скрепя сердце, соглашаются поддержать.

Даже Уэйн.

— Не думай, что я не смогу приехать к вам, парень, — фыркает он.

— Сиэтл не так далеко, — пыхтит он.

— Я не шучу, парень. Я приду за тобой.

Глава 36

Пенелопа

Диллон закрывает последнюю коробку и пишет: «Пен/Хрупкое» на боку, прежде чем затолкать ее в угол к остальным. После, бросив упаковочную ленту и маркер на матрас, он ложится на пол рядом, и кладет голову мне на колени.

Я вожу пальцами по голове Диллона, по лбу, скольжу по щеке и челюсти. Всю прошлую неделю мы занимались сбором вещей и сегодня, последняя ночь под присмотром наших родителей в Кастл Рейн. Стены моей комнаты голые, шкаф пустой, и хватило всего десяти коробок, чтобы разобраться в моей жизни.

Диллон зевает, закрывая глаза и потирая руками свое лицо.

— Мы наконец-то все упаковали.

Папа проходит мимо моей комнаты, и бросает синее драже «M&M s» в Диллона, прежде чем спуститься вниз.

— Смотри куда кладешь свои руки, парень, — бормочет он.

Разбирать комнату, после того как прожила в ней девять лет — изнурительно, но я обнаружила много забытых вещей, например: старую пару очков и свитер Диллона, который он дал мне, когда мы были в средней школе. Я заново открыла для себя фотографии, музыкальные кассеты и старые дневники. Каждый раз, когда я находила потерянное сокровище, это была история, связанная с Диллоном.

Это были хорошие воспоминания.

Несмотря на то, что моя жизнь перевернулась вверх тормашками, я нормальна психически практически неделю. Папа не пустил «соседского уroda» переночевать у меня

снова, но я спала спокойно, зная что Диллон, больше не был вне зоны досягаемости. Наше примирение было простым. Не было никакого другого выбора. Мы просто есть.

— Нервничаешь? — спрашивает мой мальчик. Он берет мою руку и целует пальцы.

Наклоняя голову назад и прислонившись к стене, я закрываю глаза и говорю:

— Даже не немного.

— Ты уверена, что готова жить со мной? Я не могу обещать, всегда опускать сиденье унитаза.

— Просто не дай мне упасть, — шепчу я, чувствуя себя спокойнее, чем весь прошлый год.

Диллон поднимает голову с моих колен и становится передо мной. Я сижу, скрестив руки не открывая глаз. Наслаждаясь тем, как моя кровь мчится из-за его прикосновений, я чувствую, как его губы парят по моему лицу и пальцы танцуют над моими глазами. Волоски на моих руках встают дыбом и следуют за его прикосновениями. Мои глаза трепещут и танцуют, желая открыться, чтобы увидеть, как он прекрасен.

— Ты мечта, — тихо говорит он мне на ухо, лаская тыльной стороной руки мои щеки. — Ты знаешь, сколько ты значишь для меня?

Я зажимаю свою нижнюю губу между зубами и поворачиваю голову к Диллону, ведя носом по его идеальной линии подбородка. Погружаясь в слабый аромат лосьона после бритья и зубной пасты, я тону в любви и открываюсь надежде, что мы можем закрыть дверь, и быть достаточно тихими, чтобы наверстать упущенное.

Забравшись на его колени, я оборачиваю ноги вокруг его талии и держусь за сильные плечи. Сладкие поцелуи мягко продвигаются по изгибу, где встречаются плечо и шея вверх.

— Может, попробуем? — спрашиваю я, запрокидывая голову и покачивая бедрами.

Твердый подо мной, соседский парень вздыхает и отвечает:

— Эти коробки нужно отнести в грузовик для переезда, Пен.

Покалывающие тревожные искорки пронзают мое сердце, перехватывая дыхание и делая мою кровь ледяной. Это чувство незащищенности, которое исчезает, также быстро, как и появилось, оставляет опасение возврата к отчаянию и к разрушению целых недель моей жизни.

Я не буду саботировать это.

Я сильнее, чем моя болезнь.

— Поддай мне мои туфли и смогу тебе помочь, — говорю я, сползая с коленей Диллона.

Он встает, поправляя шорты и подмигивая. Помогает мне надеть выцветшие черно-белые кеды. Я развязываю грязные шнурки и скольжу своими носками из разных пар в кеды, сгибая шнурки петельками, переплетаю их, тяну, и получается бантик, словно заячьи ушки. Он осматривает меня — дырявые обрезанные шорты и старую майку — и улыбается.

— Я видел это раньше. Грузовик для переезда и первую любовь.

— Только любовь, — говорю я.

— Лучше, черт возьми, это не проверять.

Диллон поднимает коробку и целует меня в щеку, проходя мимо.

— Следи за своим языком, парень, — приказывает отец.

Следом:

— Не думаю, что ты слишком взрослый, чтобы я не мог отшлепать тебя. Я надеру тебе задницу как никогда в жизни, — говорит он.

И еще:

— Тебе лучше не использовать этот язык рядом с моей дочерью, парень, — предупреждает он.

Потом:

— Бля, нет! Я не буду помогать тебе загружать грузовик, чтобы ты забрал мою единственную дочь подальше от меня.

Наш полноразмерный матрас слишком мал для нас, и в унитазе протекает бачок. Холодильник всегда пуст, и каждый вечер этой недели на ужин у нас лапша быстрого приготовления. Клянусь, соседи над нами двигают мебель и проводят танцевальные конкурсы всю ночь. Я сломала две метелки, стуча в потолок, пытаясь заставить их замолчать.

Хоть мы и переехали сюда четыре месяца назад и живем в трех часа езды от дома, моя мама приезжает из Кастл Рэйн в Сиэтл раз в неделю. Она убирает, хотя у нас нет большого количества вещей или мебели, и готовит, хотя у нас не так много продуктов. Женщина, которая дала мне жизнь, делает всё, что бы мои таблетки не заканчивались, обзвонила всех психотерапевтов пока не нашла того, кто согласился бы взяться за меня.

У меня нет сил, чтобы сказать ей, что это напрасный труд. Может, я уже выросла из этого или, может быть, Диллон дал мне новый старт. Но в основном, я чувствую себя лучше, поэтому перестала принимать лекарства.

За исключением некоторых тревожных моментов здесь и там, у меня ни разу не было депрессивных эпизодов, с тех пор как мы переехали в наш собственный дом. Я верю, что та часть моей жизни позади.

Чудеса случаются.

Я просто еще не готова поделиться этим открытием с родителями.

— Принимать таблетки каждый день было частью сделки, Пен. Тебе не кажется, что сначала ты должна поговорить с врачом, прежде чем переставать их пить? — Диллон накручивает спагетти на вилку, подозрительно разглядывая единственное блюдо, которое я умею готовить, прежде чем отправить это в рот.

— Из-за них, я чувствую себя сумасшедшей и усталой все время, — говорю я, грустно катая спагетти покрытые красным соусом по своей тарелке. — Почему они не похожи на те, что обычно готовит моя мама?

— Из-за отсутствия мяса и приправ. И скорее всего, ты варила лапшу не достаточно долго, — зеленые глаза, которые я обожаю, смотрят на меня, и он берет еще одну порцию невкусных, недоваренных спагетти, как будто это самая вкусная еда, которую он когда-либо ел.

— Есть и другие способы, я могу справиться с этим, — говорю я. Не имея столько храбрости как Диллон, чтобы есть еду, на приготовление которой я потратила минуты, прежде чем мой мальчик вернулся с учебы, я ставлю тарелку на кофейный столик и поднимаю ноги на диван. — Я никогда не чувствовала себя так хорошо, Диллон. В этот раз все иначе.

Глава 37

Диллон

Наша квартира пахнет корицей, специями и елкой. Дешевые, вырезанные из картона, толстые Санта и Снеговик висят на стене, и вырезанные по трафарету Соней снежинки, приклеены на окно, чтобы сделать нашу маленькую гостиную менее похожей на гостиную нуждающихся студентов и более похожей на зимнюю сказку.

Мама отправила нам несколько коробок старых украшений и мерцающие гирлянды, которые Пенелопа повесила в спальне, потому что лампочка там перегорела.

Ее отец принес елку, которую мы не хотели ставить.

— Что значит, что ты не подаришь Пенелопе рождественскую елку? — он кричал несколько часов, прежде чем неожиданно прибыл с пихтой, слишком высокой для нашего потолка. — Верхушку нужно отрезать. Я бы сделал это, если бы знал.

— Я тоже, — сказал я, уже психуя из-за иголок повсюду.

Уэйн посмотрел на меня из-под густых бровей и сказал:

— Какой мужчина не знает это, парень?

Она не украшена. У меня нет свободного времени из-за учебы, а Пенелопа даже не помнит, что ее необходимо поливать. Пихта уже желтеет и я, все больше времени трачу на беспокойство, что она загорится, чем на наслаждение традициями, которыми глупое дерево должно нас обеспечить.

Наше первое рождество в нашем собственном доме не так значимо. Мы договорились не делать друг другу подарки в этом году, потому что времена тяжелые. Пенелопа хочет устроиться на работу, но я не согласен.

— Кафе рядом с домом, Диллон. Мы можем использовать дополнительные деньги, — говорит она.

— У нас есть все необходимое, — говорю я, собирая елочные иголки из ее волос.

— Кроме хорошей еды и шампуня. Они закончились, — отвечает она, смахивая иглы с моей рубашки.

Ей нужно больше времени, чтобы обосноваться, и учеба является более важной, чем работа. Пенелопа начинает занятия в колледже после зимних каникул, и если это дерево не самовозгорится и не поджарит нас обоих во сне, я хочу убедиться, что она в состоянии справиться хотя бы с одной ответственностью.

Я уверен, что наше потребление лапши быстрого приготовления с ароматом курицы — опасно, но моя ответственность — убедиться, что Пен находится в здравом уме. Тем более, что она не принимает свои лекарства.

Моя девочка встряхивает своими кудрями.

— Мне пришлось использовать сегодня утром средство для мытья посуды, чтобы помыть волосы. Это было странно.

Хотя мы заключили соглашение о подарках, я не мог его соблюдать. Я потратил целую неделю в поисках подарка во всех магазинах города, даже искал в Интернете то, что мне нужно.

Тренер Файнел хотел, чтобы мы приехали в Кастл Рок прошлой ночью, но после некоторых уговоров, Пенелопа убедила его приехать к нам утром. Сейчас пять утра, и я выскальзываю из постели, чтобы положить подарки под мертвое дерево. Собираю коробки, спрятанные под диваном и в духовом шкафу, который она не использует; подарки, спрятанные в моем комод, и в багажнике моей машины.

Я, возможно, перешел границу, но я люблю ее.

Она до сих пор не проснулась, так что после пары часов ожидания, я начинаю быть

намеренно громким. Я принимаю душ с открытой дверью, и закрываю дверцы шкафа с громким хлопком. После того как я сделал звук телевизора таким громким, что соседи над нами начали стучать, я удивился, что она не выбежала из комнаты, ломать метлу о потолок как она любит.

— Пенелопа, проснись, — сдаюсь я.

— Уходи, — бормочет она, стонет и переворачивается.

— У меня для тебя кое-что есть. Но для этого тебе нужно встать.

— Лучше, чтобы это было в виде оргазма, мы договорились не дарить друг другу подарки, Диллон.

Девушка с усталыми глазами следует за мной в гостиную и садится на диван, хмуро смотря на свою кучу подарков. Мне радостно смотреть, и мое сердце гулко бьется, когда она берет плохо завернутый подарок сверху, и разворачивает полосатую как леденец бумагу. Я купил ей свитер и рюкзак для колледжа, несколько тетрадей и другие принадлежности, которые ей понадобятся. Я также купил ей новую пару зеленых конверсов, фен, и несколько книг, которые она хотела.

Когда она тянется за последней коробкой, я начинаю нервничать и сажусь у ее ног.

— Это набор специй? Я действительно его хотела? — Пенелопа трясет коробку, пытаюсь по звуку понять что там.

Я не помню, чтобы она когда-нибудь говорила о приправах.

— Просто шучу.

Она смеется, разрывая бумагу в клочья.

Я внимательно наблюдаю, как она открывает коробку.

Безумие делает резкий вдох и закрывает рот руками. Ее карие сияющие глаза начинают наполняться влагой.

— Они сохранились у меня с тех пор. Ты не должна их носить, если не хочешь. Но я подумал, что они помогут тебе, так как ты не принимаешь лекарства, — я беру коробку и высыпаю очки разных цветов и форм на диван, чтобы она могла видеть их все. — Я никогда не заберу их у тебя.

Пенелопа выбирает красные в форме сердца очки, как те, которые были у нее в детстве, и надевает их.

— Что ты думаешь? — спрашивает она. — Они все еще делают меня невидимой?

— Я всегда тебя видел, Пен, — говорю я, смотря на свое отражение в ее очках.

— Я только что разговаривала по телефону с твоей сестрой, — мямлит Пен с пеной вокруг рта.

Горячая вода льется из старой насадки и струится вниз по моей спине, облегчая мое напряжение, но низкий напор воды и загруженное расписание препятствуют любой боли от температуры воды.

В колледже тяжело, и ощущается, будто это дерьмо никогда не закончится. Мой путь еще очень долгий, и кажется, я все время буду учиться. Папа говорит, что весь тяжелый труд окупается в конце.

Ага. В течение семи — десяти лет.

Пен отодвигает пластиковую шторку и становится передо мной, одетая в трусики и тонкую майку, так что я вижу ее соски.

— Тебе не интересно? — спрашивает она уголком губ.

Ее волосы собраны в высокий, неопрятный хвост, и пара розовых очков сидит низко на носу, показывая ее круглые глаза.

— Я просто пытаюсь принять душ, — я прикрываю свое «достоинство», и начинаю посмеиваться, когда пузырьки скользят по моим плечам.

Правая сторона ее губ изгибается вверх, и румянец покрывает ее щеки. Совершенства нет, некоторые дни лучше, чем другие; несколько месяцев лучше, чем большинство, и не важно, как она себя чувствует — она всегда сексуальна.

Папа говорит, что это из-за эндорфинов. Когда она испытывает оргазм, это работает как естественный и мгновенный антидепрессант.

Поэтому мы занимаемся им часто.

Это часть процесса.

Пен снимает свои очки и убирает их в сторону. Конский хвост исчезает следующим. Затем снимаются майка и трусики. Она голая и ступает под воду со мной.

Я оборачиваю свои руки вокруг нее, затягивая под воду. Пен целует мою грудь, под подбородком и уголок губ. Она говорит мне, что я секси, и что она любит мои волосатые ляжки.

— Волосатые ляжки не сексуальны, Пен, — говорю я, целуя ее шею и грудь. Она наклоняет голову назад.

— Твои сексуальны, — шепчет она, сжимая мои руки.

Зацепив руку под ее скользким коленом, я поднимаю ее ногу к себе на бедро. Пен встает на цыпочки, прежде чем оборачивает обе ноги вокруг моей талии и накрывает мой рот своим, задыхаясь, когда я полностью вхожу в нее.

Я смотрю через полуприкрытые глаза, как румянец распространяется от щечек Пен к ее груди. Она шепчет мое имя, запрокидывая голову назад и раскрывая губы.

Как это далеко от двух детишек, которые плачут из-за глупости, разбивают цемент и заколачивают окна.

Это любовь.

Всегда была.

Всегда будет.

Когда в моих сексуальных, волосатых ляжках начинается судорога, я прижимаю Пенелопу к стене и использую ее, чтобы сильнее толкаться, любить глубже. Она тянет мои волосы и просит еще ... просит и просит, и умоляет, она кричит, чтобы я остановился, но я не останавливаюсь.

Пока она шепчет нежности на ухо, я прихожу к концу внутри Безумия. Пен убирает мои мокрые волосы с лица и заставляет смотреть прямо на нее, когда я кончаю.

Она улыбается и закусывает губу.

Когда мы оба успокоились, я чувствую себя отлично. Она становится обратно на ноги, отталкивает меня игриво, и моет волосы. Я целую ее спину и плечи. Мы смеемся и все хорошо. Затем она сбрасывает бомбу.

— Как я и пыталась сказать тебе раньше, я разговаривала с твоей сестрой. У нее были некоторые новости.

— Какие? — спрашиваю я скептически.

— Она и Кайл в минувшие выходные сбежали.

Диллон

Ей не лучше.

Нет никакого лечения для этого.

Очки не делают Грусть невидимой, и секса не так много.

Безумие возвращается с удвоенной силой, и мы сходим с ума.

Я оставил ее сегодня утром, когда не должен был. Она не может быть одна, если она не чувствует себя осознанной, яркой, и довольной, и Пенелопа не была такой, когда я вышел из дверей нашей квартиры.

Я позвонил сестре и спросил, сможет ли она подъехать в Сиэтл, чтобы быть с моей девушкой. Она не может, но обещала, со сквозившим истощением в голосе, позвонить и проверить ее. Депрессия Пенелопы держит в заложниках Рису на протяжении большей части месяца. Она приезжала к нам больше раз, чем я смогу отблагодарить ее.

— Можешь прекратить? — говорит мне девушка, сидящая рядом.

Стуча кончиком ручки о стол и вытягивая свои ноги под ним, я смотрю вверх и сталкиваюсь лицом к лицу с обеспокоенными глазами.

— Извини, — бурчу я, записывая страницы учебника в тетрадь, которые буду перечитывать позже.

Я просидел целый день на лекциях, это моя последняя пара, и тяжелое чувство страха накрывает меня изнутри. Мысль о Пенелопе, лежащей в постели в одиночестве, свернувшись комочком под горой одеял, вызывает мурашки, и я не могу сосредоточиться.

Она выбралась из постели?

Она ела?

Она дышит?

Эта неспособность контролировать свои эмоции и печаль, парализует меня. Все, что я могу сделать, это беспокоиться, желая облегчить ее плохую жизнь, и чувствовать вину, потому что я не могу это исправить.

Запустив руку в волосы, я засматриваюсь на настенные часы.

Пять минут.

Еще пять минут и я свободен.

Я наблюдаю, как секундная стрелка совершает свой путь снова и снова, тратя время. Я слушаю, как тикает каждая минута. Моя нога дергается, и моя ручка падает на стол, несмотря на стервозный взгляд девушки.

У меня крутит живот, а сердце сжимается.

Еще четыре минуты, и я смогу уйти.

Еще три минуты.

Тик-так, тик-так...

Еще две минуты.

Еще минута.

Тридцать секунд.

Пять секунд.

Я скольжу ключом в замочную скважину, медленно и тихо открывая дверь. Снаружи светло, но внутри квартиры крошечная тьма и тишина. Я бросаю рюкзак на диван и иду в спальню, занося пищевой контейнер, который принес с собой.

— Привет, — шепчет Пенелопа, поднимая одеяло, чтобы я поместился рядом с ней.

— Эй, — я целую ее в лоб. — Ты в порядке?

Она качает головой улыбаясь, несмотря на слезы, которые катятся из ее глаз. Я зажигаю светло-розовую и белую свечи и открываю контейнер. Пенелопа понимающе улыбается.

— Счастливого двадцать первого дня рождения, — я шепчу, держа кекс, чтобы она задула свечи.

Свечи горят, но ни один из нас не задувает их. Наша спальня освещается легким оранжевым светом пламени. Пенелопа и я смотрели друг на друга, наши сердца бьются вместе, а дыхание хриплое.

— Мы должны быть счастливы. Нам двадцать один, — она тихо плачет.

Я загадываю желание, которое загадываю всегда, и задуваю свечу. Потянувшись к ней, я прижимаю ее так чертовски близко. Так чертовски крепко, чтобы она никогда, никогда, никогда не сомневаться в моей преданности. Я целую макушку Пенелопы и позволяю ей плакать в мою грудь.

— Нет, все хорошо, — я улыбаюсь, откинувшись и закрыв глаза. — Все прекрасно.

Глава 39

Диллон

— Мы переезжаем.

Пенелопа сваливает нарезанный картофель с разделочной доски в чашу с тушеным мясом. Она брала уроки кулинарии, так что прошли те времена, когда мы ели сырые спагетти с красным соусом. Сейчас мы живем во времена переваренных белков, комковатого пюре, на вкус как соль и чеснок.

— Что значит «мы переезжаем»? — спрашивает она, вытирая мокрые руки о заднюю часть своей рубашки. Пен маневрирует по нашей маленькой кухне в фиолетовой оправе и с босыми ногами.

Вытаскиваю морковку из еды, кладу ее в рот и сразу отворачиваюсь, чтобы выплюнуть ее в руку. Вы не знаете, как сделать, что бы морковка стала на вкус как соевый соус? Спросите у Пен.

— Я хочу, что бы у тебя было больше места, там, где будет задний двор, — мы в этой квартире почти четыре года, я готов двигаться дальше.

— Это глупо, — Пенелопа толкает меня, зная, что я осматриваю ее еду. — Мы не можем позволить себе переезд, и тебе необходимо учиться еще несколько лет.

Меня приняли на медицинский факультет здесь, в Сиэтле. Следующие несколько лет моей жизни будет состоять из резидентур и стипендии. Не говоря уже о куче денег и куче стресса.

— Мы купим собаку, — предлагаю я.

Пенелопа смеется, нарезаая лук.

— Мы не можем иметь собаку без двора.

— Тогда мы должны переехать.

— Что с тобой сегодня? — моя девочка высыпает горсть лука в смесь. Она смотрит на меня и улыбается.

— Я не знаю. Я чувствую, что мы застряли. Мы пришли к какому-то тупику.

— Это все часть процесса, Диллон, — говорит она, посыпая паприкой сегодняшний ужин.

С каких пор паприка нужна в мясе?

Наши отношения — вот что застряло. Мы движемся в том же темпе, делаем одни и те же вещи, изо дня в день.

— Ты будешь любить меня вечно, правда?

— Нет. Я встретила другого, и безумно влюблена. Я собиралась сказать тебе, но я подумала, что убить тебя отравленным, нежным жаркое в горшочке лучше.

— Спасибо за предупреждение, — смеюсь я.

Она целует меня в губы, вкладывая что-то в мою руку.

— Вот, возьми это.

Я смотрю на «это» и смеюсь.

— Что это?

Это редис форме сердца. Странно, но вполне уместно.

— Если это не знак нашей вечной любви, то я не знаю, что это, — Пенелопа подмигивает, захлопнув крышку на мультиварке.

Жаркое Пенелопы не убило меня. Оно было действительно очень вкусным, и мы съели две порции каждый. Сегодня у Пенелопы были некоторые проблемы со сном, так что мы просидели всю ночь. Когда мой будильник сработал утром, я уже знал, что не пойду на занятия.

Я делаю комнату темной, полностью закрыв занавески, помогая ей чувствовать себя в безопасности.

— Не сегодня, Пенелопа?

— Не сегодня, Диллон.

Глава 40

Пенелопа

— Ты себя хорошо чувствуешь? Хочешь отправиться домой? — спрашиваю я.

— Нет! — Диллон трет ладонями лицо, прежде чем оттянуть воротник рубашки от шеи. — Нет, я в порядке. Просто здесь тепло.

Он нервно запускает руки в волосы, убирая прядь светлых волос с покрасневшего лица. Наша официантка приходит и приносит Нервозности другой стакан газировки, хотя он не прикасался к двум стаканам, которые она принесла до этого.

— Что случилось с тобой, парень? — мой папа смеется с другой стороны стола, ест бифштекс, глядя с довольной улыбкой и понимающими глазами.

Мама дает ему свою салфетку, Тимоти и Доун улыбаются, а Риса сияет, глядя на меня, с широкой улыбкой. Кайл толкает ее, и улыбка исчезает с ее лица, но возвращается через секунду.

— Я уверен, что это просто стресс из-за учебы, верно, сынок? — предполагает Тим, чтобы продолжить разговор.

— Да, пап, как всегда, — отвечает мой парень и подсакивает с места.

Диллон стоит.

У всех сидящих за столом перехватывает дыхание.

Встреча наших семей за ужином в честь нашего дня рождения была его идеей, но он избегал меня, и был на нервах весь день. Я смотрю на моего мальчика, в эти темно-зеленые глаза, и мурашки поднимаются по моим рукам.

— Отведи меня куда-нибудь, где мы сможем побыть вдвоем, — я шепчу, нуждаясь в некотором пространстве.

Он кивает, схватив мою руку, и просит наши семьи не следовать за нами. Диллон ведет меня на улицу, и как только мы оказываемся там, делает глубокий вдох выдыхая сквозь зубы.

— Я должен был сделать это дома. Это глупо, — бормочет он себе под нос, прежде чем обратиться ко мне. — Ты все для меня, Пенелопа.

— Я знаю, — отвечаю я робко.

— Кто знал, что будет так тяжело? — шепчет он. Диллон делает еще один глубокий вдох, перебирая мои волосы. — Оставайся здесь, хорошо?

После того как он сбегал обратно в ресторан оплатить счет, любовь всей моей жизни провожает меня к своему «Понтиаку», и мы возвращаемся в дома нашего детства, где мы остановились на выходные. Ночь конца сентября пахнет непрошедшим дождем, и сейчас достаточно тихо, чтобы слышать, как разбиваются волны о скалы Кастл Рок на несколько миль ниже.

Когда машины моих родителей и Диллона заезжают на подъездную дорожку и паркуются позади нашего авто, я удивлена, что они покинули ресторан, вслед за нами. Папа намазывал маслом булочку, когда мы сбежали на свежий воздух.

— Что они здесь делают? — спрашиваю я, открывая дверь.

— Позволь мне сделать это, — Диллон кладет руку мне на колено, останавливая. Он выходит из машины и несется вокруг задней части автомобиля.

Дрожь в его теле не остается незамеченной, когда он открывает мою дверь и отходит в сторону, чтобы выпустить меня. Мое недоумение только растет, когда я вижу, что все стоят на лужайке, глядя на нас.

Риса показывает мне большой палец.

Обернувшись, чтобы спросить Диллона, какого черта происходит, я в шоке, когда нахожу его стоящим на колене, трясущегося, плачущего и говорящего.

Он говорит, что мы будем вместе вечно и всегда.

Он простит стать его, и состариться вместе.

Кольцо сияет, как и его слезящиеся глаза в лунном свете.

Семьи плачут, мамы обнимаются, а отцы выглядят счастливыми.

— Выходи за меня замуж, Пенелопа.

Я прикрываю рот руками, и слезы падают из моих глаз. Диллон терпеливо ждет ответа, когда мир вокруг исчезает, оставляя только нас.

Он такой красивый. Такой сильный. Так что: совсем навсегда.

Мысленно я возвращаюсь в первый день, когда увидела этого мальчика. Как солнечные лучи поджигали его волосы. Каким милым я считала его, когда он, сидя на велосипеде, наблюдал за мной, носящей коробки от автомобиля к лестнице. Я помню, какие пузыри я надувала, зная, что за пузырем из жвачки скрывается великолепный парень.

Мы потратили годы, обмениваясь письмами через наши дворы, и он получал «M & Ms» за мою улыбку.

Он подарил мне желтые перья и сохранил редьку в форме сердца.

Диллон расчесывал мои волосы, и научил меня как пользоваться тампонами. Он принес

мне кофе и поцеловал меня впервые.

— Скажи «да», — шепчет Вечность.

Я так и сделала.

Я сказала «да».

Стало темно, когда он закрыл мне руками глаза. Но я позволяю ему вести меня, зная, что он никогда не позволит мне упасть.

— Тебе лучше закрыть глаза, — предупреждает Диллон.

— Уже.

Я слышу звук открывшейся двери и запах свежей краски. Мы медленно продвигаемся вперед, явно в помещении.

— Можешь посмотреть.

Мы в пустом доме, в котором я никогда не была раньше. Из гостиной есть выход на большую кухню, и Диллон показывает мне главную спальню и три небольшие. Ванные комнаты кажутся больше, чем двухкомнатная квартира, в которой мы жили последние пять лет. Бассейн во дворе, так и просит окунуть пальцы в воду.

— Я работаю в больнице. Это все наше. Все что ты хочешь, у нас будет.

Диллон — врач.

Это то, для чего были последние несколько лет.

Я люблю его — это, абсолютная правда.

Он поднимает меня на руки и бежит к бассейну, и я знаю, что нет смысла вырываться.

Мы разрезаем воздух и, когда мы начинаем падать, я делаю максимально большой вдох, что мои легкие начинают гореть.

Я выпускаю воздух в тот момент, когда моя кожа прикасается к холодной воде.

Мы быстро тонем, пузырьки размывают мое зрение, и я освобождаюсь от моего похитителя.

Диллон ловит меня, и мы целуемся под водой, останавливаясь, чтобы этот безвоздушный момент еще немного дольше длится.

Путь истинной любви.

Эпилог 1

Диллон

Если заморозить редис в форме сердца, он все равно высохнет и прорастет.

Если обернуть редис в форме сердца в пищевую пленку, и положить его в дальний угол морозильной камеры, где безопасно; защищать и любить его, ему все равно будет плохо.

Несмотря на все мои усилия, чтобы сохранить эту редьку в безопасности от себя, от своей природы, от реальности, от его печального существования, моя сердце-образная редька всего лишь редиска.

Все мое трудолюбие и целеустремленность никогда не изменят этого простого факта.

— Диллон, мы все-таки должны позволить попасть редьке в мультиварку, — говорит Пенелопа, покачивая головой, смотря на мою бедную редьку в форме сердца.

— Может быть, но мне очень нравится эта редиска, и я хочу сохранить ее в безопасности.

— Это только редька. Обычная и грязная редиска, — говорит она, смеясь и запрыгивая на кухонный стол. — Кроме того, этот редис имеет реальные, серьезные проблемы. Я слышала, что редиска, которую ты так сильно любишь, немного сумасшедшая.

Пенелопа подмигивает, переворачивая страницу своей книги рецептов, качая ногой, положенной на колено.

— Закрой рот, женщина. Я люблю свою редиску, и не позволю тебе говорить гадости, — я целую ее, прежде чем положить обратно в морозилку, уверенный, что эти действия будут длиться долго — пока я буду отрезать ростки. Возвращаясь к моей девушке, я целую ее лицо и шею. Провожу руками вверх по ее бедрам и шепчу ей прямо в ухо:

— Кроме того, мы все немного сумасшедшие.

— Может быть, но твоя редька — безумнее, чем все остальное, — она оборачивает свои руки вокруг моей шеи.

Я киваю, не споря с ней.

— Каковы шансы, что я буду достаточно удачлив, и найду особый редис в форме сердца? Из всех людей в этом мире, я был выбран для того, чтобы иметь сердцевидную редиску. Довольно маленькие шансы, я бы сказал, — я целую ее вдоль челюсти. Мой большой палец потирает ее сосок сквозь рубашку. — Мне повезло, и я никогда не приму это как должное. Даже если у него есть корни.

— Твоя редька неисправна.

— Бери свои слова обратно. Это даже не близко к правде, — шепчу я, снимая с нее рубашку через голову.

Пенелопа лежит навзничь на кухонном столе. Ее руки вытягиваются над головой, а ноги обвиваются вокруг моей талии. Я целую ее ключицы и касаюсь груди.

— Твой редис любит тебя, знаешь? — она извивается и ойкает, когда я кусаю ее сосок через лифчик. — Это благодарность за все, что ты делаешь для нее. Она хорошо спит ночью, потому что она знает, что ты всегда будешь рядом чтобы помочь, когда корни немного выйдут из себя. И когда твой редис становится немного сумасшедшим, он знает о любви. Твоя редька велела сказать мне это.

— Моя редиска знает, что у нее большие сиськи? — расстегнув лифчик, я бросаю его за себя.

Пенелопа кусает свою нижнюю губу, закрывая глаза и кивая головой.

— Да.

Зацепившись пальцами за пояс ее шорт, я тяну их вниз и умираю, когда я вижу, что моя редиска не надела нижнего белья.

Когда я становлюсь между ее ног, озноб бежит по ее обнаженному телу. Она касается моего лица, я поворачиваюсь, целую ее ладонь и бриллиантовый путь любви вокруг ее пальца, который привязывает меня к ней.

— Моя редиска знает, что она сводит меня с ума? Она знает, что я любил ее, когда мне было двенадцать? Что я бы умер за нее?

— Она знает. Вот почему она собирается выйти за тебя замуж.

— Я собираюсь опоздать на работу, — стону я, толкаясь в нее.

Шесть месяцев без эпизодов раздражительности Пен, и я чувствую, что это приближается. Она уже не так быстра, выбираясь из постели по утрам, потому что не спит по ночам. Безумие легко отвлекается, и ее перепады настроения непредсказуемы.

Когда я люблю ее так, отдавшись полностью и делая как ей хочется, мне кажется, ей

лучше. Наши тела двигаются в унисон, тяжело дыша и цепляясь конечностями. Я хочу быть здесь, в настоящем, наслаждаясь ее кожей. Но в моей голове мысли: кто может приехать и проведать ее, пока я на работе в больнице.

— Люби меня. Любовь меня, — шепчет она.

— Я люблю. Так сильно.

Когда я целую ее щеки, Пенелопа улыбается и урчит. Ее закрытые глаза открываются, наблюдая за мной. Глубины и значимости этого взгляда достаточно, чтобы дать мне знать, что она думает о том же, что и я. Никто из нас не говорит ни слова о неизбежном. Это молчаливое условие нашей жизни.

Следующая пара дней проходит медленно, и у меня нет выбора, кроме как отправляться в больницу каждый день. С новыми возможностями приходят новые обязанности и обязательства. На работе никого не волнует, что моя невеста умирает изнутри.

Балансируя на грани отчаяния, с момента, когда была еще ребенком — эту битву она проигрывает.

У нее нет больше сил бороться.

— Ты обращаешься со мной, как будто я ебанный ребенок, Диллон! — она встает, проходя мимо меня в нашу спальню и хлопнув дверью.

Прежде чем я следую за ней, напоминая себе, что это не девушка, которую я люблю расстроилась из-за меня, это чудовище внутри нее.

— Я иду, — предупреждаю ее, осторожно поворачивая ручку.

Сняв галстук, я снимаю ботинки, в то время как Пенелопа сидит в центре нашей кровати, спрятав лицо в руках. Мне нечего сказать, что заставит ее почувствовать себя лучше. Она будет использовать эти слова против меня, поэтому я молчу, когда снимаю свою рабочую одежду.

— Я одна весь день, — она плачет. — Я скучаю по тебе, но ты всегда уезжаешь.

— Так должно быть некоторое время, — я вешаю рубашку и снимаю черные слаксы.

— Я не хочу, чтобы здесь была твоя сестра. Мне не нужна нянька.

— Она не будет нянчиться с тобой. Я обещаю, — я сажусь на край кровати, оставляя Безумию пространство.

Она плачет всё сильнее и сильнее, пока проходят минуты. Всю кровать трясет, и это ранит мои уши, мою гордость, и мое сердце. Я должен быть в состоянии исправить это. Я врач. Я изучал лечение людей и их поддержку, но я ничего не могу сделать для одного человека, который значит для меня все.

Я беспомощен.

Я могу только сидеть и слушать ее разрывающие перепонки рыдания, зная, что это только начало. Сегодня она не будет спать, но завтра, она будет спать весь день. Пенелопа перестанет есть и перестанет говорить. Она будет терять вес и манипулировать мной, чтобы заняться сексом. Впоследствии, она будет чувствовать себя так плохо, что начнет плакать снова.

Кто знает, как долго это будет продолжаться? Несколько дней. Неделю. Месяц. Несколько месяцев.

— Пенелопа, — я шепчу ее имя. — Мы должны сделать что-то с этим. Мы не можем просто сидеть сложа руки, и позволять этому случаться с тобой.

Используя шанс, я смотрю на любовь всей моей жизни. Ее зеленые круглые

солнцезащитные очки блокируют мне вид на ее красные опухшие глаза. Она даже не пытается улыбаться, положив щеки на колени. Я придвигаюсь ближе. Потом снова ближе, пока не оказываюсь рядом с ней, а мои руки спокойно прижимают ее.

— Я ненавижу это чувствовать. Кажется, что я умираю.

— Нет. Клянусь, ты не умираешь.

— Мое сердце бьется слишком быстро. Я не могу нормально дышать, — она начинается брыкаться, и ее ногти впиваются в кожу моей руки.

— Все нормально, — уверяю ее.

Этот тип депрессии перешел к Пенелопе через гены и рождение. Симптомы проявили себя в два года. В пять, она пряталась за очками, и была без эмоций. В двенадцать лет, она встретила меня. Пенелопа чувствовала себя неловко из-за своей нелюдистой личности. Она была отделена ото всех кроме меня, и в двенадцать лет, симптомы начали показывать себя. И полностью она была поглощена болезнью в пятнадцать.

Хотелось бы думать, что я чем-то помог — любой из нас. Но в действительности, мы ничего не делали, только содержали и лечили ее, снова и снова. Вот такая у нас Пенелопа.

Может, это наша вина.

Возможно, это моя вина.

Я — худший фактор. Я дал ей новые очки после того, как она проходила год без них. Я разрешаю ей сидеть весь день и ничего не делать. Я говорю ей, что все хорошо, хотя это не так. Даже не близко. Депрессия всегда здесь, то скрывается, то дразнит. Это затрагивает не только нашу повседневную жизнь, но и наше будущее.

Что, если мы захотим детей? Они родятся с этим тоже?

Когда я укладываю Пенелопу на спину, она начинает вырываться из моей хватки. Пытается убедить меня, что она не может дышать, и тянет мою одежду. Ее руки дрожат — предав ее тело и разум. Это так грустно, что я плачу.

— У тебя паническая атака, — шепчу ей прямо в ухо, не зная, услышит ли она. — Я не позволю тебе умереть. Я никогда не позволю ничему случиться с тобой.

Кажется, что проходит несколько часов, прежде чем ее дыхание возвращается в норму. Моя кожа горит там, где она царапала и била меня. Ее очки разбились, а лицо опухло. Через несколько шатких вздохов и скатывающихся слез, Пенелопа извиняется.

— Я не могу больше так жить. Я не могу делать это.

Что сказать на это?

Извини, но ты родилась такой? Твои мозги перемешались, и я ничего не могу поделать? Привыкни к этому, потому что это твоя жизнь, Пенелопа.

Наша жизнь.

Но я так не думаю.

Эпилог 2

Пенелопа

— Помнишь, как ты преодолела ту фазу?

— Какую фазу? — Риса выпускает сигаретный дым через губы, сложенные буквой О.

Я беру сигареты из ее рук, делаю одну, две, три затяжки, прежде чем возвращаю сигарету ей.

— Когда ты пыталась бросить курить травку и вернула своим волосам натуральный оттенок?

— Боже, да, — она закатывает глаза и смеется, положив ноги мне на колени. — Не рассказывай никому об этом. Я придерживаюсь образа человека с марихуаной и розовыми волосами.

Риса убирает свою розовую челку, упавшую на глаза.

— Диллон скоро вернется домой, — предупреждаю я, щекоча нижнюю часть ноги.

— Я знаю, он только что звонил, — Риса докуривает то что осталось от травки и избавляется от остатка. — Я должна вернуться в Кастл Рейн сегодня. Кайл прожил без меня так долго, как только смог.

Диллон просил оставаться со мной Рису несколько раз в месяц, чтобы я не оставалась в одиночестве, когда он работает. Иногда она приезжает вместе с мамой или папой. Доун приезжала на неделю несколько месяцев назад, но Риса привозит травку. Из-за травки все становится лучше, и я смеюсь.

Она совершенно такая же, как я помню ее с детства — мудрее своего возраста, духовнее и свободнее. Глупые, бессмысленные татуировки раскиданы по ее телу; нос пробит с обеих сторон, пальцы украшены разными по размеру и форме цветными кольцами. Когда она здесь, то носит мои очки, утверждая, что чувствует себя «обделенной», потому что я их ношу, а она нет.

Мой партнер по преступлению сосет леденцы весь день, скачет по дому, и все переворачивает. Невозможно чувствовать себя плохо, когда она рядом. Но это не значит, что мне не плохо. Просто она делает состояние легче.

Я улыбаюсь, не в себе от травки. Я трясую ногу Рисы, она смотрит на меня.

— Я устала ждать, хочу выйти замуж за твоего брата.

— Вы, ребята, должны просто делать как я и Кайл. Пойдите в суд и распишитесь. Просто сделайте это.

— Нет, я хочу огромный праздник.

— И ты организуешь? — смотрит на меня скептически, и одним махом выпивает целую бутылку воды.

— Организую.

— Белое платье и все такое?

— Белое платье и все такое.

— Твоя любовь — это сказка, это болезнь.

— Я почти в сказке, — говорю я.

— О, ты нет, — ее пальцы проходят через мои длинные каштановые волосы. — Ты грустная девушка, Пен. Я не хочу, чтобы ты была такой. У тебя есть так много, чтобы быть счастливой.

— Я не могу помочь ему, Риса.

— Думаю, что ты можешь. Хотя бы можешь попробовать, — говорит она осторожно. — Когда в последний раз ты была у врача?

— Пару лет назад, до того, как Диллон и я переехали в этот дом.

Иногда я чувствую себя как ребенок, который хранится внутри пузыря. Как редька Диллона. Он держит меня завернутой так крепко, боясь, что я могу пострадать. В конце концов, я все-таки прорастаю. Моя болезнь, мое состояние и мое положение — держат меня в плену.

Снаружи, я нормальная двадцатичетырехлетняя девушка, которая помолвлена с самым прекрасным человеком во всем мире. В большинство дней я могу выходить и делать обычные вещи. Мне нравится выходить на пробежку с Рисой. Это обычно заканчивается ее кашлем на обочине дороги, но мы стараемся. Я посещаю занятия в колледже, довольствуясь тем, что я никогда не смогу сделать настоящую карьеру.

Диллон дал мне дар нерешительности; я ни в чем не уверена, если мне это не нравится. Один день я могу быть поваром, а в следующий раз — фотографом, учителем, художником или писателем. Он не отказывает мне в моих желаниях, поддерживая на каждом этапе.

— Угадай, кто?

Риса хихикает. Диллон смеется себе под нос.

— Ммм... — я играю. — Это ... о, я знаю... это тот милый парень, который работает в больнице с моим парнем? Как его зовут? Лэнс?

Диллон убирает руку, сигарета свисает с края его губ.

— Что? Ты думаешь, что Лэнс милый? Меня ранили в самое сердце, почему не я?

Я чувствую себя немного странно после травки. Смотрю на смеющегося Диллона, как дым поднимается от его сигареты.

— Аккуратнее, — шепчет он.

Его глаза отражают столько обожания и преданности. Я — центр его мира, его изнурительный центр.

Оборачиваю руки вокруг шеи Диллона, он хохочет и падает на свою задницу. Он предупреждает меня о сигаретных ожогах, но меня это не заботит. Я бы обожгла все, если это означало, что могу касаться его всегда.

— Мы не должны делать этого.

Диллон — доктор, но он не использует свои знания, чтобы диагностировать или лечить меня. Вместе мы закрывали глаза на то, какой тяжелой стала депрессия. Я не думаю, что переоценка моего состояния исправит это. Я никогда не избавлюсь от нее. Это вторая Я — навсегда. Но я должна попробовать, чтобы управлять депрессией.

— Диллон, — говорю я. — Просто доверься мне.

С неохотой в глазах, он соглашается нерешительным поцелуем.

В течение шести часов, я рассказываю все детали. Говорю о моей повседневной жизни и моих действиях. Как часто это случается со мной, и есть ли у меня суицидальные мысли. Диллон считает, что трудно не оправдывать мою беспомощность. Он легко раздражается и быстро защищает меня от горя. Он не хочет, чтобы эти врачи задавали мне личные вопросы о моей сексуальной активности или невозможности находиться рядом с кем-то не из семьи. Он защитник, но пришло время отступить.

Мне не нравится все, что говорят врачи. Они называют меня «зависимой» и «требующей лечения» — слова, которые я слышала и раньше. Только в этот раз они добавляют еще «биполярная» и «маниакальная».

Диллон плачет. Он пытается скрыть это, но я вижу.

Я не плачу. Я отказываюсь плакать. Вместо этого, я действую.

— Помогите мне бороться с этим, — говорю я. — Скажите мне, что делать.

— Расстройства настроения трудно лечить, — врач дает Диллону брошюру по маниакальной депрессии и биполярному аффективному расстройству. Его слова об

изоляции, ненависти к себе, и печали описывают меня идеально.

Это не легко — слышать что у меня психические заболевания. Я нестабильна, и даже то, что есть случаи похуже моих, случаи, когда человек не может правильно функционировать или жить — не делает мне легче.

Диллон берет мою руку и подмигивает, вытерев слезы с глаз.

Он в моей команде: команде Пенелопы.

Они хотят, чтобы я согласилась на дальнейшее наблюдение. Диллон отказывается, и я тоже не считаю это необходимым. Мы благодарим их, берем брошюры и новое понимание о моем состоянии, и уходим, взяв рецепты на лекарства.

С кучей антидепрессантов и стабилизаторов настроения, Диллон и я едем домой в уютной тишине. Он напоминает мне, что все хорошо. Что я не одинока, что он никогда не покинет меня.

— Больше никакого кофеина, — Диллон повторяет то, что сказал врач, поглаживая меня по щеке, когда мы стоим на красный свет.

— Но я люблю его, — ною я, немного капризничая.

Когда загорается зеленый свет, Диллон продолжает и продолжает разговаривать об управлении стрессом, и об избавлении дома от кофеина. Мы собираемся ходить в спортзал и завести собаку, потому что собаки делают людей лучше.

— Я буду такой всегда, Диллон, — я напоминаю ему, лелея идею о щенке, и не пугаясь ответственности. — Я всегда буду такой.

Диллон с глупой улыбкой смотрит на меня, скосив глаза, пока говорит с французским акцентом о тостах.

Мой смех разносится по салону автомобиля.

Эпилог 3

Диллон

Я перевожу дыхание, глядя в глаза Пенелопы, держа ее за потные ладони дрожащими пальцами. Вся семья и друзья смотрят на нас. Моя сестра, с заплетенными в дреды волосами собранными наверх стоит за моей девушкой. Маргаритка украшает ее ухо. Букет Пенелопы у нее в руках.

Риса подмигивает, когда Пенелопа и я говорим: «Да».

Она плачет и вытирает слезы, зная изначально, что именно здесь в итоге мы и окажемся. В первом ряду сидят мои родители, тренер Файнел и миссис Файнел. Мои родители смотрят с блестящими от слез глазами и с гордыми улыбками.

Кайл похлопывает мое плечо, передавая кольцо. Он улыбается и обнимает меня, прежде чем встать на свое место перед Гербом. Матильда стоит рядом с Рисой, и громко сопит. Все улыбаются, в том числе Пенелопа.

Губы моей любви окрашены в глубокий рубиново-красный цвет. В остальном, ее макияж остался простым. Волосы слегка завиты и заколоты на левый бок гребнем, подаренным мамой. Ногти окрашены в красный цвет. Ожерелье в форме сердца, подарок от отца, украшает шею.

Пенелопа несправедливо красива сегодня.

По традиции, я должен был увидеть ее у алтаря. Нахрен, традиции.

Я пробрался в ее комнату даже раньше, чем вышел из своей.

Я закрепил гребень в ее волосах и прошептал в ушко комплимент. Я помог застегнуть пуговицы на ее платье и обуться, чтобы она не помяла свое платье. Пенелопа провела пальцами по моим волосам, потому что она любит, когда они немного растрепаны. Она ослабила галстук и намазала немного помады на воротник рубашки. Я пытался уговорить ее сбежать, пропустив церемонию, и попасть прямо в медовый месяц, но она отказалась.

— Я хочу, что бы все увидели, как сильно я люблю тебя, — сказала она, прежде чем Риса вбежала в комнату, тыча указательным пальцем и сигаретой между губ.

Теперь мы здесь. Я надеваю кольцо на ее палец, а Пенелопа делает глубокие вдохи.

— Мы можем сейчас сбежать? — шепчет она, глядя то на меня, то на безымянный палец.

— Пока нет, — шепчу я, и произношу свою клятву, а потом слушаю ее.

Священник говорит мне, что бы я поцеловал свою невесту.

Моя невеста.

Я беру ее на руки и целую. Толпа свистит, хлопает в ладоши и кричит. Красная помада размазана, руки в волосах. Кто-то прочистил горло: «кхе-кхе», но я продолжаю ее целовать.

Это официально и навсегда.

Голова Пенелопы откидывается, ее смех заставляет мое сердце увеличиться.

Я снова целую ее.

В сумерках, Риса произносит речь о роликах и сердце в цементе. Она упоминает с разбитых душах и заколоченных окнах, напоминает нам, что мы сильнее, чем наши недостатки.

— У вас ребята есть большее — о чем многие только мечтают. Вы влюбились еще детьми, бесповоротно и безусловно, — она вытирает глаза, делает глоток шампанского. — Помню первый раз, когда мы все курили...

Папа забирает микрофон у Рисы и произносит речь о гордых родителях, и об оправданных ожиданиях. Его слова о борьбе и длинной дороге душат меня. Пенелопа с сияющими глазами улыбается и целует меня в щеку.

Тренер Файнел говорит следующим. Вся его речь в виде ворчания и бормотания.

— Парень, тебе лучше.... Парень, я всегда знал, что ты будешь тем самым... Парень, я больше не покупаю «М & Ms», — и заканчивает свою речь севшим голосом. — Диллон, я знаю, что ты будешь заботиться о ней. Ты всегда это и делал.

Все смотрят, как мы исполняем наш первый танец в качестве супружеской пары.

Пока мы кружимся на заднем дворе дома моих родителей, я наклоняюсь к Пенелопе:

— Это так банально.

Деревья украшены мерцающими огнями, и белые столики со свечами и белыми льняными скатертями украшают зону приема.

Пенелопа смеется, положив голову на мою грудь.

— Заткнись. Это мой день.

Ее волосы пахнут ванилью и миндалем, босые ноги на моих ботинках, и ушко напротив моего бьющегося сердца.

Мы танцуем на крошечном пяточке. Платье Пенелопы волочится по траве. Мы не говорим. Мы только двигаемся и вздыхаем, пока тренер Файнел не хлопает меня по плечу и не просит разрешения.

Я целую Пенелопу в лоб, потом в щеку и уголок губ, прежде чем передать мою девочку

ее отцу, и взять за руку свою сестру. Моя сестра пахнет травкой и сиренью. Она хихикает, а ее глаза налиты кровью.

Риса и я кружимся в шутливом танце, смеемся, плачем и обнимаемся, пока не сбивается дыхание.

— Я знаю, что я не самый умный человек в мире, Диллон, и я многое не сделала в жизни, чего стоило бы, но я горжусь тобой и Пенелопой.

— Риса, заткнись. Ты сделала для меня и Пенелопы больше, чем думаешь. Если бы не ты... — я роняю голову на плечо своей сестры, пытаюсь сохранить самообладание. — Я не знаю, где мы были бы без тебя.

Она смеется.

— Вместе. Вы родились, чтобы быть вместе.

Кайл похлопывает меня по плечу, прося вклиниться в танец. Он дарит мне небольшую улыбку, но глазами он уже с Рисой. Они притягиваются друг к другу сплетаясь. Это настолько интимно, что я ухожу от них не оглядываясь, засунув руки в карманы.

В сторонке от танцпола, я краду немного времени для себя. Я заказываю пиво из бара и прячусь среди деревьев, прислонившись к стволу, которое мы использовали с Пенелопой для игр в детстве.

Громкая музыка, эхо голосов и смеха проплывают мимо. Холодное пиво успокаивает губы. Я ослабляю галстук, расстегиваю несколько пуговиц на рубашке, прежде чем вытащить ее из штанов и закатать рукава.

Я вижу танцующую Пенелопу. Рядом с ней находятся родители, показывающие любви больше, чем я когда-либо видел. Герб и Матильда, вместе дольше, чем Пенелопа и я, игриво шепчутся, прежде чем он ее раскручивает.

Но мои глаза всегда возвращаются к Пенелопе. Ее отец расположил свою щеку на ее макушке. Его черно-серые усы двигаются, будто он дает ей советы, и говорит слова любви. Пенелопа плачет и вытирает лицо. Ее губы красные, но помада давно стерлась, так как я целовал ее во время церемонии, а на ее шлейфе следы от травы.

Я даю им станцевать еще одну песню, прежде чем вернуться к своей жене.

— Я готов, — я шепчу ей, забирая от Уэйна

— Мы пока не можем уйти. Свадьба еще не закончилась, — Пенелопа целует меня в щеку, позволяя утянуть ее подальше от танцпола.

Я разворачиваю ее пару раз, пока она идеально не располагается под моей рукой. Прежде чем Пенелопе удастся понять, что я делаю, мы уже убегает с нашей свадьбы и бежим к «Понтиаку». Она хихикает и бежит, поднимая свою юбку. Я, за ней, держа шлейф платья, чтобы она не поскользнулась.

Мы бежим, пока музыка не становится шумом вдалеке, и машина не появляется перед нами.

Пенелопа смеется, опуская подол и хватая ртом воздух.

— Ты сделал это нарочно, оставляя машину так далеко.

С губами напротив ее уха, я тянусь открыть ей дверь.

— Я делился тобой так долго, как только мог. Я начал терять разум.

Мы едем обратно в Сиэтл с выключенными телефонами и очень громким стерео. Я курю, а Пенелопа задрала подол платья на колени. Она освободила свои волосы от заколок и тянется за спину, чтобы немного ослабить корсет.

Три часа спустя, мы бежим к входной двери. Пенелопу теперь не волнует состояние

платья, она концентрируется на том, что бы выбраться из него как можно быстрее.

После того, как мы входим в дом, она и я работаем над шнуровкой и кружевом, пока оно не падает к ногам, и Пенелопа не вздыхает с облегчением. Она стоит в прихожей в белых трусиках и лифчике. Я даю ей около десяти секунд, чтобы отдышаться, прежде чем набрасываюсь на нее.

Мои руки в ее волосах, ее спина прижата к стене, а ноги обернуты вокруг моей талии.

— Я люблю тебя, — шепчу я напротив ее губ.

Голова Пенелопы запрокидывается и ударяется о стену.

— Я люблю тебя, — она шепчет и крутит бедрами.

Медленно пробираемся в спальню. Мы обнажены, наши конечности — спутанный клубок, и мы почти не дышим, потому что нет времени. Ее гладкие ноги двигаются вверх и вниз по моим. Пенелопа выгнулась дугой и открыла рот. Я надавливаю на нее, медленно и полностью.

Под звуки ее любви, воспоминания о нашем прошлом заполняют мой разум.

Как первый раз я увидел ее.

Одни даты рождения и знаки мира на ее щеке.

Ролики и ноги, толкающие мой велосипед.

Я целую шею Пенелопы, ее руки двигаются вверх и вниз по моей спине, и я погружаюсь в нее.

Любовь убивает. Любовь побеждает.

Пенелопа шепчется с Рисой на диване. Я игнорирую ее, только потому, что я сильно люблю ее.

Записки через всю лужайку.

Хранение конфеток «M & Ms» в коробке под моей кроватью.

— Диллон, — стонет Пенелопа, ее грудь прижимается к моей.

— Тссс... — я целую уголок ее рта, входя в нее.

Картинки нашего детства пролетают через мой разум, одна за другой.

Объяснение как пользоваться тампонами и наш первый поцелуй. Пешие прогулки в лесу, и как мы держимся за руки.

Как она захотела секса, узнав о своем диагнозе.

Начало средней школы, и радуга солнцезащитных очков.

Украденные перья и бодрствование всю ночь.

Пенелопа толкает меня на спину, и медленно садится на мою длину. Она двигает бедрами, запрокинув голову назад. Я касаюсь ее ног, живота, груди.

— Вы переспали?

Я смотрю на свою сестру и киваю, не желая говорить об этом.

Риса сидит рядом со мной.

— Пенелопа, кажется, рада этому.

Получая шанс, я смотрю через книгу в окно Пенелопы. У меня не хватило смелости смотреть туда — слишком напуган. Я так ее хотел... и мне стыдно, что я поставил свое желание на первое место.

Но она там, с небольшой улыбкой. Она задерживает шторы и уходит.

Я сажусь, обернув одну руку вокруг Пенелопы, положив другую руку на ее бедро. Она движется, с закрытыми глазами и краснеющей кожей. Я касаюсь ее, чувствую ее ... вспоминаю все.

Как это чувствовалось, когда я увидел ее с Джошуа Дарком на той вечеринке. Как чувствовалось еще хуже, когда я подрался с ним и потерял ее снова. Жить каждый день в дымке и держаться подальше, несмотря на то, что я больше всего желал подойти к ней.

Я всегда буду сожалеть, что не пошел к ней раньше, но я никогда не буду жалеть о том, какой урок получил.

Я пробежался пальцами по ее лицу, прикасаясь губами следом. Я хватаю ее, и двигаю ее резче назад и вперед. Пенелопа держится за мои плечи, признаваясь в вечной любви, пока ее слезы кататься из глаз и тело распадается на кусочки.

Пенелопа улыбается, глаза блестят и на щеках румянец. Она запускает руки в мои влажные от пота волосы, и оборачивает ноги вокруг моих бедер, что я не могу двигаться.

— Со счастливым днем свадьбы, Диллон, — шепчет она.

— С Днем Рождения, Пенелопа.

Эпилог 4

Диллон

Я бросаю ключи на стойку, задуваю свечи, зажжённые Пенелопой, и просматриваю почту.

— Я дома, Пен.

Счета, реклама, и поздравительные открытки, которые нам все еще присылают гости не приехавшие на праздник.

— Я здесь! — ее голос перекрикивает шум воды и громкое реалити-шоу по телевизору.

Я снимаю куртку, вытаскиваю все из карманов, и отправляюсь в спальню. Телевизор включен громко, чтобы его можно услышать в ванной. Когда я его выключаю, Пен кричит мне:

— Привет.

Я включаю радио.

Прислоняюсь к двери ванной комнаты. Пенелопа сидит в ванне, пена скрывает ее до шеи. Свечи горят на каждой поверхности.

Я смеюсь, расстегивая рубашку.

— Я говорю тебе про свечи, с тех пор как нам было по четырнадцать.

Жена смотрит на меня и поднимает колени, призывая присоединиться к ней.

— О, я знаю. Я просто так люблю их.

Бросаю рубашку на пол, снимаю обувь и сразу оказываюсь в воде. Пена и вода выливаются на пол. Пенелопа громко смеясь, кладет ноги на мои колени и откидывается на спину, не переживая о том, что я все еще в штанах.

Она вздыхает, поднимет волосы и завязывает их в узел.

— Ты глупый.

Я не остаюсь на своей стороне слишком долго; встаю на колени между ее бедер над ее животом. Я целую ее губы, потом щеки, подбородок, грудь и... наше растущее чудо.

Я тру, согревая свои руки, и возвращаюсь к нашей малышке.

— Как вы сегодня?

— Уставшие, голодные и немного капризные, — Пенелопа закрывает глаза. — Но я придумала имя.

— Придумала? — я встаю, снимаю штаны, и сажусь за Пенелопу. Она прижимается спиной к моей груди, располагаясь между моими коленями. Я же кладу руки на ее раздутый живот.

— Лэйла, — говорит она, играя пеной.

— Как в песне?

— Да, как в песне.

Я целую ее плечо, наблюдая, как мурашки бегут по ее коже.

— Красиво.

— А еще, я наконец раскрыла все оставшиеся подарки с вечеринки для ребенка, — она улыбается. — Твоя сестра подарила пустышки со стразами. Это так мило.

Я целую ее шею.

— Это хорошо.

В ванной комнате темно, свечи наш единственный свет. Пен все рассказывает и рассказывает о вечеринке, которая была на прошлых выходных. Мы получили почти все, что нам нужно, за исключением нескольких мелочей. Я рассказал ей про открытки, которые пришли по почте.

После того как она рассказывает мне о кроватке, которую нужно собрать, и, о таком количестве розового, «что она будет блевать», мы попадаем в комфортную тишину.

Пенелопа оборачивается ко мне, и я улыбаюсь.

— Ведь то, что она девочка, не значит, что она должна носить розовое, правда?

— Верно, — уверяю ее.

— Я написала «никакого розового» в приглашениях, и в итоге, именно это мы получили, — она бубнит и смеется.

Я улыбаюсь, уже зная ее реакцию.

— Я люблю розовый. Он нежный.

Пенелопа усмехнулась.

— Нежный?

— И мягкий.

— И милый.

Пенелопа вздыхает, признавая поражение.

Ванна начала остывать и Пенелопа использует большой палец ноги, чтобы включить горячую воду. Мы наполняем ванну, пока вода не выплескивается за борт. Пена давно опала, и мы лежим в прозрачной воде.

Я начал засыпать.

— Диллон?

Я протираю горло и открываю глаза.

— Да?

— Я боюсь.

Я киваю, уже зная, о чем она. Это разговор повторяется снова и снова, с тех пор как Пенелопа узнала, что беременна.

Ее депрессия передастся нашему ребенку?

Но это разве имеет значение?

Наша девочка будет здесь через три месяца, и наши страхи станут реальной жизнью. Страхи были у нас всегда; опасения, которые не дают Пенелопе спать или есть. Но из-за них, мы не позволим исчезнуть нашему главному счастью — у Пенелопы и меня будет ребенок.

Здоровая и счастливая девочка.

Лэйла.

— Все будет хорошо.

— Обещаешь? — спрашивает она, тихим голосом.

Несмотря ни на что, все будет хорошо.

— Я обещаю.

Сложив руки на животе Пенелопы, чувствуя тяжесть ее головы на груди, я снова закрываю глаза. Я нахожусь на грани сна, в то время как Пенелопа подпевает звучащей песне по радио, а вода медленно остывает. Одна за другой свечи тухнут.

В темноте, и в ванной, полной холодной воды, Лэйла начинает брыкаться.

Пенелопа держит руку на животе, где пинается наша девочка.

— Ты чувствуешь это?

Закрыв глаза, я киваю.

— Да.

Ребенок пинает снова и снова. Доказательство жизни. Жизни, которую Пенелопа и я сделали вместе. Доказательство любви, и доказательство того, что все будет хорошо.

Несмотря ни на что.

Эпилог 5

Пенелопа

Он сказал, что это будет хорошо для нас. Для нее.

Особенно для нее.

Мы должны доверять всему, что он говорит, потому что Диллон никогда не ошибается.

Я опираюсь головой о холодное стекло, глядя, как мы проезжаем под покровом деревьев. Сквозь просветы между листьями проходят солнечные лучи, которые попадают на мои солнцезащитные очки. Эта поездка всегда проходит спокойно. Мы приезжали сюда по праздникам и выходным, только в этот раз мы не уедем обратно.

Диллону была предложена работа в местной больнице, и не потребовалось много времени, чтобы убедить меня, что пора уезжать из Сиэтла.

Он говорит:

— Это то, что ей нужно, Пенелопа.

И я отвечаю:

— Я знаю.

Лэйле десять. Внутренне, она очень похожа на Рису. Наверно поэтому они так близки. Внешне, она — вылитая ее отец. Я не знаю, когда и почему, но Диллон и я согласились, что Лэйла будет нашим единственным ребенком. Это не стало проблемой, Лэйла это все, что мы когда-либо хотели.

И боялись.

— Устала, малышка? — Диллон наклоняется и трогает меня за руку. Возраст сделал замечательные вещи с моим мужем. Иногда я вспоминаю время, когда мы были детьми; у него было такое нежное лицо... Всегда сильное, но с нежной кожей. Теперь, у него мимические морщины и седые волосы. Его глаза отражают мудрость и понимание. Он фантастический глава семьи и защитник. Я была бы потеряна без него. Всегда была.

— Немного, — говорю я, соединив наши руки.

Он смотрит в зеркало заднего вида и произносит имя своей дочери:

— Лэйла.

Она не отвечает, и я улыбаюсь.

Он снова зовет ее.

Она надувает пузырь из жвачки.

Диллон поворачивается к ней лицом, одновременно стараясь держать взгляд на дороге. Наша единственная девочка сидит на заднем сиденье с парой солнцезащитных очков «Hello Kitty» на лице, наушниками в ушах, и разноцветными ногтями, которые двигаются в воздухе под музыку, которую она слушает.

Она замечает его взгляд.

— Что, папа?

— Хватит пинать мое кресло, — говорит он, садясь прямее, бросая нашему ребенку строгий взгляд в зеркало заднего вида. Но он улыбается, и выговор не удается. Лэйла ухмыляется, и вставляет наушники обратно в уши.

— Твоя дочь хамит, — он бормочет и ухмыляется, как делает она.

Это не заняло много времени, и мы увидели признаки. Как и в моем случае, у Лэйлы начали проявляться симптомы в возрасте четырех лет. В детском саду, Диллон шептал ей милые слова, обещая, что в школе будет не так плохо. Он настаивал, что бы она завела друзей. Когда она пошла в школу, он протянул ей очки, и сказал, что за ними она будет неприкасаемой.

Вероятно, это было плохое решение, но мы не знали, как действовать по-другому.

Когда она выросла, мы поняли, что она развивается как я. Я, передала мою худшую черту дочери.

Мы делали все, что могли. Диллон и я, стараемся принимать правильные решения для Лэйлы. Мы контролируем, что она правильно питалась, и не позволяем ей погрязнуть в болезни. Иногда позволяем ей поспать, или поплакать, или покричать. Она регулярно видится с детским психологом. И главное, она знает, что ее родители всегда с ней.

Что еще реально можно сделать? Мы могли переехать в Кастл Рейн.

И мы переехали.

Наша семья ждет нас на обочине. Лэйла садится прямо, как только видит Рису, и начинает трясти кресло отца, чтобы он ее выпустил.

— Держитесь, — он смеется, отстегивая ремень безопасности. Он разблокировал двери, и Лэйла практически выпрыгнула в объятия своей любимой тетушки.

Я остаюсь на своем месте, улыбаясь маме и папе. Я машу им. Они машут в ответ. Кайл улыбается и обходит вокруг грузовика, чтобы приветствовать Диллона.

— Детка... — Диллон наклоняется в салон. — Ты идешь?

Я киваю, стягивая очки с лица. Засовываю их в карман и говорю:

— Да, я иду.

Мы выбрали дом в противоположном конце города от дома наших родителей. Диллон и я не жили в Кастл Рейн около пятнадцати лет, и нам нравится уединение. Наш новый дом уютный, и типичный для нашего города. У нас есть несколько соседей по улице, но они живут вниз по дороге. Диллон, прежде чем купить дом, убедился, что бы у меня было много места, чтобы быть... собой.

Мой отец ждет сзади нашего грузовика, держа в руках коробку с моим именем. Я беру

ее, и молча заново в дом.

— Пенелопа, перестань мечтать и поставь коробку.

Внутри Риса и мама, расставляют посуду на кухне и чистят шкафы. Они спрашивают меня, чего я хочу, и я краснею. После того как бросаю коробку на пол своей новой спальни, я иду на улицу.

То, что я там вижу очень смешно и знакомо.

Моя десятилетняя дочь, в своих солнцезащитных очках надувающая розовый пузырь из жвачки, стоит возле передней части грузовика для переезда, держа в руках коробку. Ее отец, щурясь на солнце, стоит напротив и пытается подобрать слова.

На улице, на велосипеде, мальчик.

— Что ты смотришь? — кричит Диллон, сделав несколько шагов вперед. — Отойди от моей дочери, парень.

Я смеюсь.

Лейла кричит:

— Это так стыдно, папа! Я не могу поверить в это, папа!

Парень на велосипеде, глядя на мою дочь щенячьими глазами, садится прямо. Он машет Лэйле и разворачивается на велосипеде, чтобы присоединиться к своим друзьям. Моя малышка топает к крыльцу, кидая на отца презрительные взгляды всю дорогу.

Я смеюсь.

— Это было забавно.

— Заткнись, Пен, — говорит он, наблюдая за мальчиком, уезжающем прочь. — Это было дерьмово, ты знаешь?

— Почему? — спрашиваю я, обернув руки вокруг него. Он обнимает меня в ответ. — Потому что это так знакомо?

Диллон смотрит на меня.

— Не было ничего подобного. Мы были другими.

— Это было именно так, — я шепчу. — Щенячьи глаза и плохие помыслы.

Диллон поднимает меня, сажая меня внутрь грузового отсека. Он присоединяется ко мне, закрывая за собой дверь.

— Я покажу тебе плохие намерения.

Мой парень толкает меня вниз на голый матрас.

Я смеюсь вслух, пока Диллон ищет меня в темноте. Он ползет между ног, целуя мою шею. Снаружи грузовика я слышу, как мой отец и дочь интересуются, где мы находимся.

Папа слышит мое хихиканье.

— Парень, тебе лучше не трогать мою дочь! — кричит он.

— Ладно, — Диллон вздыхает. — Ты права. Это было именно так.

КОНЕЦ истории...

Больше книг на сайте - Knigolub.net